

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Путиами старых сказок

**Старые сказки, легенды и истории
языком нашего времени**

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П90

Путиами старых сказок: Старые сказки, легенды и истории языком нашего времени / составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – 100 с.

От составителя

Один малыш, ровестника заставший
За чтением «Колобка», спросил, напыжась:
«Попсу грызёшь?»

Олег Ладыженский

Из книги: Ладыженский О.С.
Мост над океаном. – М.: Эксмо,
2005. – С. 46.

Вот и мы попытались «погрызть попсу» – обратились к старым, всем известным сказкам, легендам и историям и попытались рассказать их современным языком, вложить в них новое, интересное нынешнему поколению содержание. Лет десять назад я попросил членов клуба написать сказку о Колобке. Задание показалось интересным. Но тогда была написана только одна сказка. Та же участь постигла и с заданием написать сказку о трёх поросятах: была написана одна сказка. Но «контактовцам» такой подход понравился, и они сами стали брать за основу некоторых своих произведений известные сказки и легенды. Прямые аллюзии с известными с детства сказками давали дополнительную объёмность произведению, помогало доходчивее донести до читателя свои идеи. С тех пор в моём архиве накопилось достаточно много таких сказок. Мне показалось интересным собрать их в одной книжке. Что получилось – читайте. Надеюсь, эти сказки и вам понравятся.

На первой странице обложки – рисунок Константина Егорова

Анатолий ВЕРЕЩАГИН
ГОРОХОВЦЫ

В царство Царя Гороха пришла Научно Техническая Революция.

Нет, ещё как хорошо было вчера.

Макар гонял телят неизвестно куда. Вернее, неизвестно куда он их всё-таки не гонял. Всех баб с костяными ногами помаленьку переселяли в дома с Куриными лапами. Достоинство этих домов в том, что они ногами поворачиваются куда укажет хозяйка – то к лесу передом, то задом. В зависимости от того хочет она или нет принимать гостей. И ещё дома могли нести яйца, что незаменимо в хозяйстве одинокой старой женщины. Ну и потихоньку конфликтовали то с Кошеем Бессмертным, то со Змеем Горынычем. Особенно когда они затевали очередную женитьбу (что подделаешь: они-то практически бессмертны, а жёны смертны).

Сами гороховцы народ вообще-то смирный. Они охотнее перековывают мечи на орало, чем наоборот. Но, как и в любом другом государстве, у них были свои лентяи и лоботрясы, которые не хотели работать. Для борьбы с этим злом во времена ОНО был издан указ о всеобщей занятости, и все, кто не хотел пахать и сеять, отправлялись служить в царскую стражу. А те, кто по состоянию здоровья не мог служить и был достаточно грамотен, составляли государственный аппарат. У них было гордое звание – бюрократ. Благодаря этим самым бюрократам гороховцы собственно и были самым мирным народом в округе.

По молодости Царь Горох был грозен почти как Царь Додон и хотел смело наносить обиды соседям. Бывало объявит грозный указ: «Всем ратникам и ополчению прибыть к царскому дворцу после уборки урожая дабы нанести соседу обиду». Бюрократы начинают приводить его в действие. Всё согласовывают и утрясают, пишут горы циркуляров и предписаний, что кому и как делать. Глядь – урожай уже убрали и намело большие сугробы. А надо сказать, Царь Горох наносить обиды зимой не любил – холодно – и откладывал их нанесение на весну, после распутицы. Весной – после сева, летом – после сенокоса, осенью снова после уборки. И так шло год за годом. Народ хвалил своих бюрократов, ставил им терема и палаты и жил – как жили предки.

Соседи же не трогали гороховцев по другим причинам. Несколько раз они им тоже пытались нанести обиды, но армии бесследно исчезали в гороховских лесах и болотах. Говорят, они превращались в леших, кикимор, болотников, водяных, омутников и прочую нечисть. Как-то раз один из отрядов вернулся – оборванный, потрёпанный, потерявший три четверти личного состава – и вынес среди прочих документов дневник

главнокомандующего. Который впоследствии был опубликован. Вот выдержка из дневника:

«Вот и настал благодатный день для нашей державы! После длительной и тщательной подготовки похода мы пересекаем пограничную реку с дикими гороховцами с целью присоединить их к нашей передовой цивилизации, вывоза их ресурсов для наших передовых нужд и обучения гороховцев передовым методам хозяйствования на наших полях и мануфактурах без права возвращения в их дикую Гороховку».

И далее: «Сегодня мы вступили в прекрасный берёзовый лес».

На второй день: «Мы всё ещё движемся вперёд к победе через прекрасный берёзовый лес».

Через неделю: «Мы всё ещё идём к победе через лес. Гороховцы не оказывают никакого сопротивления».

Ещё через неделю: «Мы всё ещё идём через этот чёртов лес. И куда подевались гороховцы? Встретить хоть бы одного».

Через месяц: «Лес не кончается. Мы уже потеряли половину личного состава. Кто утонул в болоте, кого загрыз зверь, кого придавило упавшим деревом, но большинство уходит на разведку и не возвращается. Мои генералы предполагают, что они просто не могут найти дорогу назад к лагерю через этот страшный лес. Пора возвращаться. Пусть гороховцы продолжают жить в дикости. Да и что с них взять кроме гороха?»

Короче говоря, всё было прекрасно. И вдруг – революция.

Гороховцы, как обычно, вечером легли спать ни о чём не подозревая, а утром выглянули в окошки... и вот он нате вам пожалуйста – Прогресс. Ходит по улице, распоряжается, в окна заглядывает. Гороховцы поначалу пытались от него стихийно защититься. Ставили железные двери с глазками и хитрыми замками, а он, Прогресс, нахально лез в окна, которые становились из пластика и на которых появлялись железные решётки, чтобы в доме было тихо, как в камере. К некоторым, говорят, залазил через дымоходы, и в доме появлялись электроплиты вместо кирпичных печей. Но все эти мероприятия не помогали. Тогда гороховцы похватили косы и вилы, цепи и топоры и попытались прогнать Прогресс в дремучий лес и утопить в поганом болоте. Но Прогресс был тоже не только лыком шит. Он предложил перековать все мечи, топоры и иже с ними на машины. Мужики поначалу было согласились. Притащили всё оружие на площадь перед дворцом. Но пока они бегали туда-сюда, Прогресс отозвал воеводу Полкана в сторону, о чём-то с ним пошептался, в результате чего мечи перековали на танки, а наконечники стрел на баллистические ракеты.

Кто знает, может быть, в конце-концов гороховцы и привыкли бы к дымящим и чадящим страшилищам, ползающим по их полям и дорогам. Ведь уживались же они с Кощеями и Змеями Горынычами, но тут случилось несчастье. Змей Горыныч в воздухе столкнулся с механической птицей – самолётом называется. Очевидно, принял самолёт за другого

Горыныча, залетевшего на его территорию, и встретил его грудью. Правда, он своими не совсем умными головами не смог понять: почему огонь у этой птицы вырывался не из пасти, а из заднего прохода. Упали они на одну из пригородных деревень и спалили её дотла. В довершение всего дома с Куриными ногами перестали нести яйца.

Пошли гороховцы бить челом Царю, чтобы принял меры и усмирил Прогресс. Царь Горох в это время лежал на печи и слыхом не слыхал, что на его земле такая напасть появилась, и, не разобравшись, издал указ гнать Прогресс со двора поганой метлой. Надо отдать должное бюрократам. Это был единственный случай когда они сработали так оперативно. Впоследствии эта оперативность вошла в народные сказы и былины. Гороховцы поднялись все, как один. Схватили шапки и начали ими закидывать Прогресс. Чего-чего, но такого Прогресс ну никак не ожидал. Он привык, что если его и прогоняют, то только атомными бомбами, после которых наступает ядерная зима. А в данном случае он заподозрил какой то подвох, напугался и сбежал. Наверное и пошли с тех пор гулять по свету выражения: «Шапками закидаем» и «Взять на испуг».

Гороховцы после столь славной победы собрали всех волхвов, которых только смогли отловить по своим лесам. Волхвы заговорили гороховские земли непреодолимыми заклятиями и закрылись от всего мира, чтобы, не дай бог, Прогресс не вернулся снова.

До сих пор, если долго бродить по лесу, особенно нехоженными тропами, слышен иногда колокольный звон. Но сколько бы вы ни шли в его сторону, вы никогда до источника звона не дойдёте.

P.S. Недавно видел в городе двух бородатых мужиков. Кто знает, может быть, это гороховцы вышли на разведку посмотреть, до чего нас довёл Прогресс. Или мы его довели.

Игорь СКУДАРНОВ

ОПЫТ БИОТРАНСФОРМАЦИИ

На далёкой планете далёкой галактики есть музей роботов. В одном из залов стоят рядом два экспоната. Изготовлены они примерно в одно время много лет назад. Первый провёл свой век в составах космических экспедиций. Второй – эрудит и скептик – занимался расчётами промышленных технологий, но в последнее время подвержен склерозу, кое-что забывает. Первый этим пользуется. По ночам, когда в музее нет посетителей, он пересказывает соседу свои приключения:

– Ты помнишь тот год, когда Всемирный Совет запретил прогрессорам использовать оружие? Насилие над личностью любого разумного существа было признано аморальным. Нашему Институту Экспериментальной Истории это решение прибавило хлопот. Свои надежды в этой ситуации мы связывали с разработанной тогда учёными биотрансформацией. Интеллект, подвергнутый ей, раскрепощался и

получал способность к максимальному развитию на благо своего народа. Нам и предстояло опробовать биотрансформацию.

На планете, которой мы тогда занимались, цивилизация находилась на низком уровне. Только начинали складываться нации и государства. Как обычно, основную базу мы разместили около Ледового континента одного из полюсов планеты, замаскировав её под айсберг. В нашем распоряжении была также корабельная шлюпка для связи со звездолётом, находящимся на орбите. Обитали на планете существа, похожие на нас, что облегчало контакт. Группа, в которую я входил, занималась страной, расположенной в средних широтах на берегу океана. Правивший ею монарх был преклонного возраста и бездетным. Его биотрансформация могла закончиться неудачей, и мы решили подобрать преемника. Результаты нашего вмешательства, как всегда, для аборигенов должны были объясняться естественными причинами. Это усложняло задачу.

Нам помог случай. Возвращаясь на базу, один из разведчиков подобрал тонувшую в море аборигенку. После выздоровления мы подвергли её биотрансформации. Эта Девица согласилась нам помочь и стала ключевой фигурой в разработанном нами плане. Пока она находилась у нас, осваивая необходимые знания, мы перевели базу к побережью этой страны. Надводную часть базы замаскировали под остров и даже построили на нём бутафорскую деревню. Местные жители передвигались по морю на парусных кораблях. Мощные установки базы работали без перерыва: корабли, проплывающие вблизи побережья, сдувало ветром к нашему «острову», где они изолировались от окружающего в силовых полях. Такой морской карантин предохранял объект от вторжения иностранных держав, что поставило бы нашу операцию под угрозу.

Тем временем один из разведчиков вернулся с радостным известием: он нашёл Кандидата в монархи, вступил с ним в контакт. После этого пришёл мой черед. С двумя биоинженерами я отправился к Кандидату. В его сопровождении мы добрались до столицы, по продуманной заранее легенде внедрились во дворец. Пока мы обживались и осматривались, на базе закончили сборку переносного биотрансформатора. Модель была покрыта защитной плёнкой, отражавшей все виды излучений. Я подсунул лоскут такой плёнки правителю. Он был поражён этим сверкающим кусочком в своей руке и послал меня с Кандидатом за моделью, которая была исполнена в виде местной птицы. Так мы решили вопрос доставки биотрансформатора во дворец.

Вообще, с этим Кандидатом, славным парнем, мы подружились. Он даже привязался ко мне. Хотя до его биотрансформации мы перед ним вынуждены были не раскрываться, придерживаясь рамок легенды, изложенной ему при контакте разведчиком.

После этого мы расписали правителю красоту нашей Девицы, и вдвоём с Кандидатом я привёз её во дворец. Инженеры закончили настройку биотрансформатора на излучения правителя и Кандидата. Дело стало

только за реактивами, необходимыми для приготовления растворов. Наша Девица, привыкая к роли невесты монарха, приказала Кандидату доставить их.

Операция вступала в заключительную стадию. Теперь Кандидату можно было немного открыть глаза. Я побывал с ним на базе. Для встречи с Кандидатом со звездолёта прибыл на шлюпке Месяц, командир нашей экспедиции. События следующего утра подтвердили правильность наших расчетов. Во время биотрансформации, устроенной Девицей при скоплении народа, сердце старого правителя не выдержало. Наш Кандидат, прошедший её, стал монархом. Все 33 корабля, пленённые базой, были отпущены на волю.

– Слушай, я позабыл, почему аборигены называли тебя Горбунком?

– Мне перед экспедицией встроили на спину антигравитаторы. К сожалению, мы, железяки, не левитируем.

Константин ЕГОРОВ **ЕМЕЛЬЯН – КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН**

Жил-был волк-оборотень. Было у него три дочери-красавицы. И пришла пора им замуж выходить. Девушкам посмотреть бы по сторонам: женихов-от много. Вон ветробой сватался, то Жарогрей индо на уши жаркие слова шептал, Стужевор грозился увести младшую ночью. Нет же, пал им на ум Емельян-крестьянский сын. Не то, чтобы он умом был хорош али лицом пригож... Так вот, поди ж ты, пойми волковых дочерей. Подавай им Емельяна. Да только не бывает трех невест при одном женихе.

В эту пору решил Емельян ехать в город. Ни разу там не бывал, захотел проверить, правду ли сказывают, что люди в городе живут в домах типа скворечен. Поутру запряг лошадь, сел в телегу и покатил. По лесу просекой будет километров пятнадцать, а там, через поле, и до пригородов недалеко. Лежит Емельян в телеге, в небо поглядывает, птичек слушает. Каурая – трюх-трюх. Вот и солнышко в зените, вот и вниз по косогору пошло, а лес – всё гуще, всё мрачнее. Тут Емельян, как на грех, и задремал. Просыпается не знамо где – ни дорожки, ни тропинки. И лошадь пропала. Должно быть, цыгане увели, гадает путник. А солнышко уже спряталось, последние языки огненные забирает. Затужил Емельян, да делать нечего, придётся ночевать под телегой. Спрыгнул на землю, смотрит, а неподалеку, за деревьями, огонёк горит, будто окошко светится. Пошёл Емельян на свет. И правда, домик стоит – аккуратный, уютливый. Не хотел парень хозяев беспокоить, повернул обратно – к телеге. Вот только и телега в темноте куда-то пропала.

Вернулся Емельян к домику, да и стукнул в дверь. Дверь сама и отворилась. Зашёл внутрь, оглянулся. Никого нет. Непонятно.

Разулся, а рядом тапочки появились. Одна пара чёрная, другая – красная, третья – белая. Отказался Емельян от тапочек; ни к чему хозяйское добро переводить.

А на столе стоят три бокала с наливкой. В одном бокале – чёрная наливка, в другом – красная, в третьем – белая. Пить Емельян тоже не стал. Мало ли...

Глянул в спальную комнату. Там три кровати стоят, с накидками соответствующих цветов. Емельян только плечами пожал, да и улёгся на половичке. Уснул, да не слышал, как накидки на кроватях всколыхнулись, и явились тут же три девицы-красавицы. Стали думать меж собой горькую думку, как им приворожить к себе гостя.

Проснулся Емельян от громкого голоса. Темно ещё, а кто-то басит: «Фу-фу-фу! Русским духом пахнет!» И волчьи глаза в темноте блестят. А в ответ – девичьи голоса: «Тише, отец, тише! Гостя дорогого разбудишь». Волчьи глаза пропали, а человек стал браниться: что ж, вы, распутные, делаете, и всё такое. Емельян смекнул, в чём дело, но виду не подал.

Утром встал, походил по дому, – снова никого нет. И все трехцветные сюрпризы тоже пропали. Только на столе лежит ниток клубок и записка: «Шагай домой за ниткой вслед, бедный домосед».

Емельян вышел из дому, швырнул клубок подальше в кусты – ну вас к лешему, пойду я по волшебной стране гулять, счастья себе добывать. Шагу не успел ступить, ворона закаркала: «Экий удалец-молодец! Счастье-то вчерась надо было добывать. А теперь погуляй, износи три пары башмаков каменных, да изотри три посоха чугунных, да изгрызи три батона железобетонных. Тогда, быть может, тебе что-то и обломится. Ха-ха-ха!» – с тем и пропала из глаз. Емельян хотел было достать клубок, да только промаялся в кустах, ободрался... а весь набор – вот он, в травке. И башмаки, и посохи, и хлебушек. Вздохнул парень горько-прегорько, взял всё, что велено было взять, да и пошёл куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли идёт. Смотрит, перед ним забор из колючей проволоки. Да не простой забор, а из проволоки рисунки разные сплетены: то кошка, то птичка, то – цветочек. Видно, что колючка обветшала, проржавела. Но проникнуть внутрь не так то просто. Пошёл Емельян стороной. Шёл-шёл, остановился, да и ткнул посохом в проволоку. Другой раз ткнул. В третий раз думать не стал, а шваркнул изо всей богатырской силы. Колючка и осыпалась. Над головой тут же соловьи защebetали на разные голоса – шумно, громкогласо, но утихли очень быстро. Должно быть, тоже проржавели, – предположил Емельян и смело полез в образовавшуюся дыру. За забором лес словно бы не тот же, что был прежде. И листочек не к листочку, и травинка не к травинке. Будто бы всё – не то. Емельян, задумавшись, не заметил, как его вынесло в чудное место.

Спустившись с откоса в лощину, замер от удивления на месте. Вокруг – множество шатров и временных лёгких построек. И не деревня, и не поселок, а так – не поймешь что. Меж шатрами бродит великое множество

нарядно одетых людей; видно, что молодые монархи из разных царств. Но до того безутешно рыдают, до того скорбно вздымают вверх руки... Что за диво такое?

Кто-то за плечо тронул. Обернулся Емельян. Стоит красавица, посмотришь: или умом тронешься, или навек влюбишься. По обличью – русская царевна. Спрашивает тихонько Емельяна: кто он и откуда. «Я, – говорит, – Емельян-крестьянский сын, по сказочной стране гуляю, счастья себе добываю». Тут всплеснула руками царевна и снова в голос вместе со всеми заплакала, горько и безутешно. Но Емельян взял девушку за руки, успокоил и всё расспросил. Оказалось, что всех их, детей монархов, венценосные родители отдали в жертву разным чудушам. Например, за ней должен прилететь Кашей Бессмертный, за другими её сверстниками – драконы, демоны и прочие национальные исчадия. Но вот какая штука, уже на протяжении тысячи лет никто за ними не летит, все про них забыли, и сидят они тут, никому ненужные.

Всё понял Емельян, подобрал немного деревянных ящичков, сложил и взобрался вверх. Любопытно было рассматривать людей, столь же близких между собой, сколь и отчуждённых. Вот грузинский молодой князь, вот китайская принцесса, вот дочь сионских старейшин, там – британский денди... Много, очень много удивительных лиц. «Эге-гей!» – закричал Емельян. Все тут же замолкли и стали с любопытством смотреть на новоявленного оратора. Емельяну хоть и было непривычно, но отступить некуда:

– Предлагаю развлекательную программу. Завтра в девять утра отправляемся путешествовать – ровно на семь дней. В программе – общение с природой, изучение языка птиц, зверей и трав, вечерние песни у костра, игры на свежем воздухе, а также всё то, у кого что душа пожелает.

Все всё поняли и начали от радости исполнять свои национальные танцы. Танцевали почти до захода солнца, а потом ещё долго готовили походное снаряжение.

...В первый день долго брели по лесу, озадаченные его мерцающей тишиной. Потом оживились, кто-то гладил цветы, кто-то предложил оленю кусок настоящей итальянской пиццы. Разбрелись, аукались. Емельян расхрабрился, начал будить дремавшего под елью медведя, хотел предложить ему побороться. Парня насилу отговорили.

Ночевали в просторной кузнице Перуна-громовержца.

На следующий день вышли к молочной реке с кисельными берегами. Сразу бросились купаться, потом вымазались в киселе. Остались тут ещё на пару дней. Одни играли мяч, другие загорали на горяч-камне. Вечером у костра – киргизский эпос, индийские легенды, сонеты Шекспира...

Разумеется, когда неделя пролетела, никто не хотел возвращаться за колючую проволоку. Стали прощаться. Емельян не успел опомниться, как его каменные башмаки юный кайзер превратил в настоящие туфли фирмы «Саламандер». Дочь сионских старейшин, отобрав «батоны», отдала три

хлеба, пахнувшие, кажется, вином Галилеи. Емельян прослезился, но посох никому не отдал.

А Василису Прекрасную он пошел провожать. Это согрело василисино сердце. Будучи Прекрасной, она за эти дни стала ещё и Премудрой. Так они и подружились.

А что же волковы дочери? Ворона их смутила. Прилетела, раскаркалась: «Вы тут ничего не знаете, а там Емельян выводит детей монархов из заточения!» Сестры это услышали, разревелись и стали чем попало в ворону швырять. А потом замыслили извести Емельяна.

Емельян тем временем привёл Василису к её родителям. Царь-батюшка и царица-матушка так обрадовались, что долго опомниться не могли. Царь чуть из ума не выжил, начал нефтеносные месторождения предлагать Емельяну. Или хоть коня златогривого. Но Емельян, по василисиному наущению, ото всего отказался, а только попросил Заветную Кобуру. Царь на миг смутился, да ладно, говорит, зятю – не жалко. Но, вот, если надо чего, откроешь кобуру, скажешь: помогите, ребята. Тут Три Румяных Омоновца выскочат, любую службу сослужат, что надо – построят, что не надо – разрушат, и всякую злую силу изничтожат в прах.

В пару дней Три Румяных Омоновца изготовили жилой комплекс для новобрачных. И пошла подготовка к свадьбе.

Однажды спит Емельян, да только проснулся неожиданно, будто кто под бок толкнул. В темноте шторы шевелятся, кто-то перебубонивается:

– ...Ну, поцелую, поцелую, а кто душить будет?

– Ну и что...

– Что-что, ты сама попробуй...

Достал Емельян Кобуру и позвал шёпотом: «Выходите, ребята». Сам же встал, включил свет и позвал сестер лаково: покажитесь, мол, не бойтесь. Вышли сёстры, а сами смутились, не знают куда девать ножики да скляночки с ядом. Бросьте, говорит Емельян, эту гадость, зачем она вам. А выходите лучше замуж за этих молодцев. Омоновцы ухмыльнулись скептически, но Емельян и их успокоил: хорошие, говорит, девушки, берите их в жены. Да сами в Кобуру не прячьтесь, иначе упустите счастье – поминай как звали. Василиса наблюдала эту сцену с большим любопытством и на Емельяна нисколько не обиделась.

Так они всем мирком и справили аж четыре свадебки.

А в городе Емельян так и не побывал. Да и что там смотреть, эка невидаль!

Сергей ЗАГНУХИН

ТРИ ЖЕЛАНЬИЦА

Жизнь не удалась... Ни в чём... А ведь мальчик Ваня подавал большие надежды. Стройный, красивый, общительный, умный, талантливый. На

скрипке играл. Рисовал. В стенгазету пописывал. Стишки сочинял. Драмкружок. Судомодельный. Спортом занимался.

Подавал Ваня надежды, подавал... Да видно куда-то не туда подавал.

Иван Иванович Иванов сидит дома без штанов на кровати. Сорок пять вчера стукнуло – по маковке... Юбилей, чтоб ему... Подводи итоги... А что в итоге? Подводи не подводи – сплошной минус. Машины нет. Дачи нет. Компьютера нет. Денег нет. На работу – как на каторгу... В квартире – бардак... Холодильник пустой... Телевизор сгорел... Детей нет... Жена ушла... Кошки-собаки тоже нет. Зло сорвать – и то не на ком.

Веры тоже нет... Ни в кого... Ни в бога. Ни в судьбу. Ни в людей. Ни в себя...

Одна депрессия есть. Большая и чёрная. На пару с тоской зелёной. Да ещё подарочек есть. От сослуживцев. Вон он, на столе стоит. В двухлитровой банке. Плавниками шевелит и глазами-телескопами вылутился.

Ну, друзья-товарищи... удружили. Прикололись. Нашли презент для юбилея. Что с ней теперь делать, с этой золотой рыбкой. Чем кормить? Где держать? Денег даже на аквариум нет. В ванну, что ли, запустить? Или сразу в унитаз сдёрнуть? Отыграться хоть на ней – бессловесной. А ещё представить себе понатуральней, в стихах и красках, как вместе с ней и коллеги-прикольщики буль-буль в канализацию – в стиле черепашек-ниндзя.

А что, хорошая идея. И проблем меньше и хоть какое-то моральное удовлетворение.

Этой идеи даже хватило на то, чтобы преодолеть постпраздничную апатию. С маниакальным выражением на лице, наведя прицел опухше-прищуренных глаз на объект мести, Иван Иванович, несмазанно скрипнув шарнирами своих суставов, встал с постели и походкой «зомби с похмелья» двинулся к столу.

Рыбка, словно услышав преступные замыслы, замахала крыльями-плавниками и с глазами, повысившими телескопичность, заметалась по двухлитровой акватории. Но в момент, предшествующий соприкосновению рук с банкой, словно приняв решение, застыла на месте и, глядя своими большими очами на потенциального убийцу, энергично зашлёпала губами: «Не губи меня, добрый человек, пожалей», – услышал вмиг обалдевший Иван Иванович. Хорошо, что банку не успел приподнять, а то бы вся история на этом и закончилась.

В этот же момент, уткнувшись остановившимся взглядом сквозь прозрачность стекла и воды в самый центр рыбьего глаза, неудавшийся рыбокиллер с ужасом думал о поехавшей крыше, белой горячке, шариках, захавших за ролики, и почему-то о маме, которую давно не видел, жене, которую не видел ещё дольше, детях, которых вообще никогда не видел, а также обо всех своих неосуществившихся мечтах. Все эти мысли

промелькнули в один миг, как, говорят, бывает в момент смерти. Непонятно, правда, кто это говорит, кому и где. Ведь если говорит, то не умер, а если умер, то откуда это известно нам – ещё живущим.

– Успокойся Ваня Ваныч, – продолжала чрево вещать рыбка, – с головкой у тебя всё в порядке. Я действительно чудесная золотая рыбка.

– Та самая? Знаменитая? – маятник настроения слегка китаезированно поименованного Ивана Ивановича стремительно метнулся от тоскливого уныния к радостной надежде.

– Ну не совсем та самая, – слегка засмушалась золотая лупоглазка, – ту самую во время последней войны глубинной бомбой подбили, вместе с вражеской субмариной. Я её потомок.

«Золотой рыбок, значит, – подумалось почему-то Ивану Ивановичу, мучительно пытавшемуся раскопать подвалы знаний и перетрясти шкафы своей памяти. – Где-то я это уже читал, в какой-то истории для научных сотрудников младшего возраста. Какая-то там ещё заминка вышла с исполнением желаний».

– Но ты тоже можешь выполнить три моих желания? – с неугасимой надеждой во взоре спросил вчерашний юбиляр.

– Да хоть четыре, – почему-то отводя свои телескопы в сторону, ответила рыбка.

– А что, чудеса могут быть только старинными? – вспомнилось Ивановичу что-то из прочитанного. – А о таких вещах, как компьютер или телевизор, ты понятия не имеешь?

– Да имею я понятие, имею, только... – в комнате повисло тягостное молчание.

– Ну, говори всё, не томи, килька ты говорящая.

– После взрыва бомбы, волшебная сила перешла ко всем потомкам той золотой рыбки.

– Ну и... – непонимающе захлопал глазами потенциальный чудесопользователь.

– Пропорционально количеству этих потомков, – прошептала бы рыбка, если бы могла шептать. – А так как потомков этих немало, то мне досталось немного и большая часть доставшейся мне доли пошла на способность говорить, так что на остаток могу сотворить тебе в лучшем случае мышку для компьютера или пульт ДУ для телевизора.

На неудавшегося Ивана-царевича жалко было смотреть. Так, наверно, выглядел бы Алладин, у которого из лампы при очередном потирании вместо джинна вылезла бы какая-нибудь ящерка и, вильнув хвостиком, смылась в неизвестном направлении.

– И что же мне делать?

– Думай, Ваня, думай, ты же homo разумный, голова у тебя не только шапку носить.

И Ваня крепко задумался.

На новой иномарке к своему уютенькому коттеджику подъехал И.И.Иванов (творческий псевдоним Александр Натанович Голдфишев), артист очень оригинального жанра, единственного в мире, – «Говорящая рыба». Бодро пройдясь по большой гостинной, мимо крутого компьютера и современного домашнего видеотеатра, остановился он около огромного, литров этак на 2000, аквариума, где в зарослях экзотических водорослей задумчиво пошевеливала плавниками золотая кормилица и поилица. Покормив родимую каким-то дорогим живым кормом и приветливо помахав ей на прощание рукой, отправился А.Н. Голдфишев (в девичестве Иванов) на второй этаж отдыхать от трудов праведных.

А желаньца? А что желаньца? Может, пригодятся ещё когда. Мышка там для компа срочно понадобится или ещё что. Запас – он ведь, как известно, карман не тянет.

Евгений ГРИГОРЬЕВ

ТРИ ПОРОСЁНКА-2

Жили-были три поросёнка: Первый, Второй и Третий. И жили в общем-то хорошо, зажиточно, пока Третий поросёнок не надоумил своих братьев жить свободной жизнью. Сбежали они из свинарника, от людского топора и оказались в лесу, где сначала почувствовали себя даже счастливыми.

Построили себе дома каждый по своему желанию. Первый поросёнок выстроил себе каменный дом, основательный, так, чтоб и ему места хватило, и детям его было где поселиться во время летних каникул (а он был единственный среди поросят семейный). Второй поросёнок ограничился домом из сруба. А Третий и вовсе из прутьев себе шалаш сложил, сел посреди этого шалаша и замер в созерцании да процессе мыслительном.

Так и жили они, поживали. Первый поросёнок пристроил своих детей в один перспективный свинарник. Второй – на печи лежал. А Третий – в созерцании да процессе мыслительном.

И всё было хорошо.

Пока не прибежал на нюх серый волк – лесной бич – и не захотелось ему свининки отведать. Подошёл серый к каменному дому Первого поросёнка да как крикнет голосом человеческим:

– Хана твоей хате! – видать, нахватался замашек у людей.

Первый поросёнок забился в угол, сидит, дрожит от страха, а с улицы снова свирепый голос доносится:

– Хана твоей хате!

И чувствует поросёнок, что стены рушатся. «Ой, – подумал поросёнок, – беда! Цемент крошится, кирпичики падают!»

– Хана твоей хате!

Только и успел поросёнок из-под обломков выскочить. И побежал он к брату своему.

Прибежал ко Второму поросёнку, рассказал ему что да как. А тут и волк – бич лесной – подоспел. Да как закричит серый голосом человеческим во всё своё горло лужёное:

– Хана твоей хате!

Сидят поросята у печки, со страху трясутся. «Ну всё, – думает Первый поросёнок, – мой каменный дом не устоял, а этот и подавно не спасёт».

– Хана твоей хате!

– Ой, ой, – подумал Второй поросёнок, – беда! Пакля сыплется, брусья кривятся!

Выскочили поросята из-под развалин и побежали к своему брату.

Прибежали к Третьему поросёнку, рассказали что да как. Первый поросёнок, недолго думая, завещание сел писать: сыну – кирпичи, дочке – сало. «Наши дома не устояли, – смекнул Второй поросёнок, – а этот шалаш и подавно не спасёт». И тоже уселся завещание составлять: племяннику – сало, племяннице – брусья. Только не знал, как всё это пишется.

Долго хрюкал Третий поросёнок, долго взывал он к братьям вооружиться и дать серому отпор, но те и думать ни о чём не хотели.

А тут и волк – лесной бомж – подоспел. Усмехнулся недобро, увидя прутиковый шалашик, да как заорёт:

– Хана твоей хате!

Видит Третий поросёнок, что шалашик его трещит и ломается, и испугался. Но вдруг вспомнил, как в бытность свою в людском свинарнике увидел он, как его хозяин с ножом в его сторону идёт, а тут хозяйка ему путь преградила. Встала, ноги широко расставила и сказала: «Абы не так!», – пошлёпывая чугунной сковородкой по ладошке. Хозяин тут же размяк и ушёл ни с чем.

– Хана твоей хате!

– Абы не так! – крикнул Третий поросёнок человеческим языком, и тут же шалаш стал целёхонек, как прежде.

– Хана твоей хате! – пуще прежнего закричал серый.

– Абы не так! – крикнул Третий поросёнок.

Видит волк, что выдержало натиск хилое строеньеице. Удивился. И сменив тактику, решил бить направленными психологическими ударами непосредственно по врагу. Набрал серый воздуху в грудь побольше:

– Р-р-растудить твою налево, выходи!

Ноги Третьего поросёнка сами понесли к выходу.

– Абы не так! – зло проговорил он, и снова всё стало на свои места.

– Р-р-растудить твою направо, выходи!

– Абы не так! – проговорил поросёное, и тут вспорнилась ему ещё одна фраза, когда хозяин его чего-то там не поделил со своим кумом. А как вспомнил, так и выкрикнул волку.

И вдруг наступила тишина. И только слышны были пение птиц, скрип перьев по бумаге да какие-то непонятные хлопки со стороны, где стоял волк.

Вышли поросята из шалаша и раскрыли рты – настолько ужасающее диво им открылось.

– Хрю, – сказал один поросёнок, что означало: эх его покорило, и глаз ажно на весь зад и моргает. Смотрит.

Хлоп! – моргнул глаз.

– Хрю, – снова спросил поросёнок. – Это ты его так?

– Хрю, – ответил Третий. – Да.

– Хрю? А как? Я это спрашиваю только для того, чтобы в будущем себя обезопасить от всяких... Ну-у, разные там бывают случаи...

И Третий поросёнок, весьма довольный собой, повторил.

Ольга ДУДАРЕНКО

ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОЧКИ

6-ой день после высадки

За шесть дней разобрали планету по атомам. Барбара говорит, что это какое-то извращение нового времени: знать, что рядом океан, и даже не взглянуть на него ни разу. Обычно она произносит эту фразу под конец рабочего дня, когда даже компьютеры начинают нести чепуху, а в лаборатории на умных мыслях можно топор вешать. Потом Барбара вздыхает, берёт со стола пачку бумаг и уходит. У порога, прежде чем открыть дверь, она всегда шепчет: «Трудоголики».

Действительно, трудно назвать нас как-то иначе. Вся романтика осталась на первом курсе, который я вытянула только на одной злости и слепом упрямстве – была столь наивна, что верила в безграничность человеческих сил. Потом, как водится, начались будни.

Ощущение нереальности новой планеты – это нормально. До сих пор помню, как не могла привыкнуть к Луне, где проходила практику, да и позже... Память всё время ищет, за что зацепиться. Знай, не знай – всё равно не поверишь, что стальное небо столь же бездонно, как и земная лазурь. Кажется – небо куполом накрыло пустыню, и горизонт – граница мира.

И только приходят откуда-то миражи.

8-ой день после высадки. Утро

Видела чудный несбыточный сон.

Снился Вадим. Он казался чутким и нежным, каким никогда не был в жизни. Мы не поссорились тогда, в старой гостинице. Я сидела на жёстком диване, а он стоял в дверном проёме, опершись на косяк. Мы молчали и знали, что ничего доброго сказать друг другу не сможем. В лице его не было раздражения – лишь усталость. Потом он молча принёс мне одеяло и сел рядом.

Бог знает почему, но я вдруг простила ему всё, даже ту женщину с красивыми руками. Особенно её.

Потом мы бормотали какую-то чепуху, и он сказал, что я совсем разучилась ходить по земле, а я согласилась, конечно...

Я цеплялась за сон как могла, а когда он распался на сотни кусков и растаял в тёмной пустоте комнаты, долго лежала без сна и смотрела в окно: там мерцала ночная пустыня.

8-ой день после высадки. Вечер

Что-то сорвалось, сломалось, несётся в тартарары...

У меня всё валилось из рук, так хотелось куда-то бежать: всё казалось, что вне этих стен сон оставит меня, чудилось, что можно исправить, поймать улетевший день. Не тот, так другой: разве их мало?

Отвлечься от собственных мыслей меня заставила тишина, царившая в лаборатории. Обычно кто-то шепчет под нос формулы, чертыхается, травит анекдоты, наконец! Сегодня же каждый был заперт на сотни замков, храня свои мысли и тайны. Я видела, как Радек ввёл в компьютер один график вместо другого и даже не сразу заметил тревожное мерцание экрана. Словно просыпался... Подняв взгляд, я наткнулась на внимательные изучающие глаза Димы, в глубине их металась тревога. Он стал вдруг похож на зверя, учуявшего чужой запах, и ещё не знающего: увести ли стаю или же ощериться клыками навстречу.

Дима медленно встал из-за стола и улыбнулся неожиданно ясно, словно солнце поймал:

– Отбой, ребята.

Я задержалась и увидела, как погасла его улыбка. Он остался стоять, тяжело опершись на стол, и мысли его были далеко...

К вечеру всё утряслось. Каждый успел к ужину не только закончить текущие дела, но и отдохнуть: кто в библиотеке, кто в спортзале, кто просто на кровати в своей каюте. Я слышала, как Жанна играла на флейте – она импровизировала, не всегда удачно вплетая ноты в мелодию, но это было дыхание – завораживающее, живое.

За ужином собрались, словно панцири сбросили. Дима, правда, играл, но этого, похоже, никто не заметил. Под конец вечера и он расслабился, недавнее напряжение сменилось лёгкой эйфорией, будто я выпила что-то спиртное и непременно праздничное (шампанское, например) и мир был прекрасен.

Правда рядом витает мой непрожитый день, но я примирилась с ним.

9-ый день после высадки

С утра вперёд и в бой! Похоже, такое настроение не у меня одной. Я вдруг ощутила себя запертой в собственном теле, но что с того? Утром вблизи станции возник странный мираж. Яблонька. Тонкая, совсем юная, с нежной корой и тяжёлыми плодами на гнущихся ветках. Плоды розовато-

золотые, так и просятся в руки... Мы сбежались посмотреть на неё, словно дети.

– Золотые яблочки, – сказала Жанна.

– Ага, – усмехнулся Радек. – Принесите-ка вы мне, сынушки, золотых яблочек...

Я вспомнила, как бежала в детстве за радугой... Жаль.

11-ый день после высадки

Сегодня проснулась и услышала шум дождя.

Такой живой, словно я дома. Даже вспомнился запах влажной травы и неровный свет из окна...

Купол отталкивал капли, и они не попадали за границу станции, резко обозначив черту. В каюту постучалась Барбара и спросила, можно ли войти. Потом, подойдя к обзорному экрану, который мы по привычке называли окном, указала на хрупкий мираж...

Смотри, Аня...

...Капли дробились о листья. Стекали по нежной кожице плодов, собирались в ложбинках и впадинах... Дождь срывался с небес в ладони земли... Я протянула руку и задела холодный пластик. Мир-недотрога.

Так-то...

12-ый день после высадки

Утром не вернулся зонд: разладился где-то над океаном. Я взяла вездеход-«каракатицу» и отправилась за блудной техникой. Радек мне вывел карту, обозначив маячком нужное место, а Дима велел сначала прогнать на тест-стенде «каракатицу» и скафандр, а потом уже приступать.

Снаружи всё то же: чёрные камни, серый песок, имеющий странное свойство. Стоит коснуться – и яркое вишнёвое пятно расплывается на этом месте. В бурю это почти страшно, а так – картинка редкая: алое, серое, чёрное, сталь... Только на самом-то деле всё не так, мир искажают фильтры, без которых бы мы ослепли. Часто думаю: какая ты, Планета? Какой у тебя ветер, какие дожди? Я их вижу, конечно, но...

Зонд нашла быстро, он оранжевым мячиком бился в волнах. Весёленькая такая игрушка в полтора центнера весом. Потом сделала ещё кое-что, установила приборы на какой-то горе, всё время слыша, как Барбара, сменившая Радека, тихо поддыхает: не то от радости не то от нетерпения. Стоило мне закончить, как раздался её счастливый возглас, обращённый, видимо, к Жанне:

– Вот видишь! Сразу!

Попросила не засорять эфир.

Развернулась к станции и увидела яблоню: на диво стойкий мираж! Откуда он, кстати, взялся-то?

Как увеличивала скорость, гоня «каракатицу» по прямой – этого не помню, но когда Барбаре удалось, наконец, до меня докричаться, на

спидометре было что-то около трёхсот. Барбара требовала повернуть назад, а я не могла: всё казалось, что совершу непоправимое. Барбара включила аварийный автопилот, и больше от меня ничего не зависело.

Разбирательство было похоже, скорее, на допрос. Я рассказала, хотя и чувствовала себя глупо.

Дима, конечно, запретил всё, что можно.

А покидать станцию – категорически.

15-ый день после высадки

Всё с начала.

Это уже похоже на злую насмешку. Каждую ночь фильм на тему: «А если бы...» И ведь как реально! Проснёшься – то в жар, то в холод. У Жанны все перебивали (не так уж нас и много). А что она делает? Отметила повышенную тревожность, пожалала плечами... У Димы шерсть дыбом и сумбур в голове. Был бы один – сбежал бы, наверное.

И почему-то я уверена, что причиной тому – яблоня. Словно всё возможно, если руку протянуть за яблоком, только вот как её протянуть – никто не знает.

Каждый молчит о своём.

Кому плохо по-настоящему, так это Барбаре. Вернее, даже не плохо: она, как ветер, запертый в вилке отрогов гор. Статная, лёгкая, с резкой улыбкой сомкнутых губ и нежеланием делить на части целое, называемое жизнью, Барбара искрится, легко отражая в себе громадный мир. Она принимает ожидание Димы как должное, но вряд ли оправдывает.

Маленькая поправка: до сих пор принимала. Что-то между ними произошло, объяснились, наверное, и Дима, как командир, встал на жёсткие позиции.

16-ый день после высадки

Перечла. Видно мой дневник окончательно превратился в хронику станции. Впрочем, хронике ли? Так субъективные заметки...

Весь сумбур предыдущих дней, оказалось, имел смысл. Просто и ясно – колумбово яйцо. Сегодня до позднего вечера сидела над своими расчётами, пытаюсь свести их воедино для рапорта. Странные противоречия в них сначала подзадоривали и интересовали меня, потом стали раздражать. Дело в том, что приборы, установленные на различных расстояниях от купола (но обязательно вне его), показывали различные картины. Несоответствия были в мелочах, но в мелочах несовместимых. Например, воздушный поток, ветер. Датчик регистрирует его наличие, а другой, в двадцати метрах от первого, полностью аналогичный, регистрирует отсутствие ветра или же указывает направление прямо противоположное. И прочее...

Расстояние, насколько я поняла, играет решающую роль. Это следовало вынести на совет, но сперва я решила проверить догадку на чужом материале. Спустилась в лабораторию и увидела Диму. Он сидел в

круглой оконной нише, высоко подняв ноги в дурацких домашних тапочках. Рядом на стуле лежала стопа документов. Дима брал верхние листы, просматривал и бросал: груды на полу были уже внушительные. Он бормотнул себе что-то под нос, а потом развернул листы веером.

– Слушай, напиши об этом в отчете, а? – он с надеждой взглянул на меня. – Всю жизнь яблоки ненавидел, веришь?

Я сказала, что это ему решать, ведь если нас отзовут, то второй экспедиции уже не будет. В ответ он опять воззрился на меня своими глазищами коньячного цвета:

– Тоже хочу побыть беленьким и пушистеньким.

– Пока ничего не случилось.

Его губы скользнули змеей. При этом глаза не сузились, а даже ещё распахнулись чуть шире, словно лицо принадлежало двум разным людям.

– Анечка, милая, – он картинно приложил руки к груди. – Если что-то случится – меня можно гнать взащей!.. Я шпионил тут за вами немножко. Спать жутко, вот и думал, сопоставлял... Случится, поверь мне, случится.

Я зло заметила, что могла бы ему прийти в голову светлая мысль рассказать всё без недомолвок.

– Без?

– Без.

– Хорошо. Я четыре дня всё проверял... Помнишь, ты выбиралась за зондом? Барбара тогда испугалась того, какую ты скорость развила в центре бури. Помолчи, – пресёк он мою попытку. – Поскольку я понял: ни в какую бурю ты не попадала. Даже если ты не увидела (хотя как?), но техника-то должна была зафиксировать. Ничего. Понимаешь? – он резко развернулся и сел, свесив ноги. – Я сам, лично, вот этим носом каждый провод обнюхал, Радека до полусмерти загонял... Тридцать градусов в тени, штиль! А на всех датчиках, – он бросил к моим ногам веер каких-то листов, – на всех буря!

Видимо, он говорил о датчиках, установленных вне вездехода.

Он ещё сомневался в чём-то, взвешивал, ждал, а мне всё было ясно. Может быть, я принимаю игру природы за символ, произвол случая за язык планеты?

Всё. Уснуть. И видеть сны. Быть может.

17-ый день после высадки

Мы. Нет, почему меня так и тянет написать «мы», хотя все прочие обитатели станции лишь тени для меня? Все, кроме Димы и Барбары, но Барбару не заметить невозможно, а Диму я знаю давно и достаточно хорошо, чтобы судить о его поступках. Ещё одно существо, облачённое в плоть – Радек. Я раздражаю его (он героически это скрывает), как-то обмолвился, что у меня глаза рептилии. Я тогда стояла рядом, но он меня не заметил. Меня вообще редко замечают, если только я не хочу этого: наверное, сказывается детская привычка тенью скользить по огромному

залу. Сравнение с рептилией не обидело меня, хотя и задело. Радек художник и должен чувствовать подобные вещи.

Общее настроение точно передала Жанна: целый день ходила по станции, мурлыкая детскую песенку:

Не тревожьте, люди, духа,
Он в своей пещере спит
Чутко-чутко. Даже муха
Рядом с ним не пролетит.

Дух не спит, он придумывает сны, и последнее его творение, предназначенное для меня, – шедевр в своем роде. Если всё, что творилось до сих пор, – беседа, то подобной фразой её можно было бы закончить.

Сон заключался в том, что я шла по пустыне, шла к горизонту. Почему-то казалось, что я непременно его достигну, что, в конце концов, и случилось. Это было странное небо и странная земля, они смыкались легко и естественно – горячий песок и холодный металл. Я бросила камень, и он отскочил с металлическим лязгом, но разве можно было поверить чему-то здесь? Развернувшись, ударила локтем, и купол прорвался.

Картон. Тонкий картон, на котором Радек рисует свои этюды, белые с изнанки лохмотья.

Я раздирала его пальцами, расширяя дыру. Там, в просвете, виднелись звезды...

Что-то зреет. Проходила по коридору и увидела Барбару, она разговаривала с Димой.

Поза странная, как у внутренне напряжённого человека, играющего спокойствие. Долетели слова:

– Абсурд упущенной возможности.

Что ж, даже абсурд имеет свою логику.

Анна открыла дверь, и в проём ворвался горячий ветер, серая пыль песка.

Нет, здесь, наяву, она не смогла переступить зыбкую грань. Медленно, очень медленно затворила дверь.

Ждать столько дней, чтобы услышать щелчок замка?

Где-то разбушевалась сирена, словно песчаная буря за куполом... Барбара, ну конечно же. Две точки на фоне пустыни, которые, в конце концов, сольются в третьей, на горизонте: яблоня и женщина в синем комбинезоне.

Конечно же. Но всё это не проникло в область мыслей, а крутилось где-то за пределами купола, вместе с сиреной, за бумажным горизонтом.

Анна стояла неподвижно и думала. Думала о том, что всё, наверное, закончилось и пора возвращаться домой, а в невесомости опять будут жутко мёрзнуть ноги...

КАЩЕЙ И ЯБЛОНЯ

Жил-был Кашей. Хулиганил он безмерно, никакого сладу просто не было с ним. То утащит у царей дочку их, Василису Прекрасную, и держит у себя взаперти до скончания века. То батьку Черномора в море выловит, занесёт его в горы Тянь-Шаня и оставит его там сушиться. А как-то раз даже пару египетских пирамид выдернул с корнем и развеял по всей пустыне.

Однажды туманом ему на уши нашептало, что растёт посреди земли яблоня. А на самой её верхушке поспели три золотых яблока.

Зачесалось у Кашея в левой поджилке, пошёл он яблоню искать, в самую середину земли отправился.

Пришёл, глядит: действительно, растёт яблоня – аж до самого неба, облака кудрями подпирает, а шириною, чтоб обхватить, и тысячи человек не хватит. И на самой верхушке висят три золотых яблочка, светятся. Полез Кашей на яблоню. Весь день лез – мало, всю неделю лез – ещё не взобрался, и только на третьей неделе очутился наверху. Смотрит: висят яблоки, все три, каждое – величиной с голову. А рядом – четвёртая голова на Кашея смотрит. Это сидит на ветке Федот-да-не-Тот и говорит Кашею: «Молодец, одолел высоту. Был бы ты вампиром трёхголовым, я мог бы яблоки в молнии обратить и тебе головы отсечь. А так ты – обычный Кашей, хулиганишь, покою никому не даёшь. Что с тобой делать?»

Тут подул ветерок, и зашелестела-зашептала яблоня: «Не секи, Федот, голову Кашею. Пусть лучше сходит в заморские страны да принесёт мне снега от Морозки-батюшки». «Точно, – обрадовался Федот-да-не-тот. – Бери эту суму, из буланой травы сплетённую, и шагай прямо к Морозке. Только прежде нигде больше снега не бери. А он тебе ещё и службу задаст – всё исполни...» «Тише, не тараторь, – снова зашептала яблоня. – А ты, Кашеюшка, снимай с ветки три яблочка, не бойся. Сгодятся в дороге». Взял Кашей яблоки, слез с яблони, да и пошёл в полночную сторону.

Пока шёл по жарким странам, ничего особенного не случилось. Только налетел страшный ураган. Как качнёт-качнёт эвкалипты стародавние, как тряхнёт-тряхнёт баобабы тысячелетние. Кашей забросил ввысь яблочко, и образовался до той высоты шатер твердокаменный. Вошёл Кашей в шатер и переждал бурю.

Пока шёл по странам умеренного климата, тоже ничего особенного не стряслось. Только встала перед ним река – широченная-прешироченная; птица до середины не долетит, устанет, в воду свалится. А глубокая! – раки тонут. Достал Кашей другое яблоко, посильнее размахнулся, да метнул на другой берег. И за яблоком вслед вытянулся мост. Кашей по тому мосту перешёл, да и дальше спокойно пошёл.

А в тундре настала темень беспробудная. Достал Кашей последнее яблочко, оно и засветилось мягким ласковым светом. С таким фонариком в дороге куда как веселее.

Пришёл к Морозке-бабочке, рассказал: так и так, дескать, яблонька Вам кланяется, меня за снегом послала... Морозко молча выслушал, не стал задавать никакой службы, а из самого высокого сугроба набрал полную суму снега. И махнул рукой: ступай, мол. Хотел Кашей поблагодарить старика, да отчего-то язык заплёлся.

Вот и идёт обратно. Нет-нет, да заглянет в суму буланую. Снег до того бел-ослепительен, что глазам больно. Радуетя Кашей.

Как вышел из тундры, яблоко померкло и потеряло волшебность. Выбросил его. Идёт, заглядывает в суму. Что за беда, снег-то подтаивает. Когда в жаркие страны пришёл – совсем беда, снег и растаял. Одна лишь водичка и плещется в суме из буланой травы. Тут загоревал Кашеюшка.

Пришел к яблоне, залез наверх и говорит Федоту: «Хочешь – казни, хочешь – милуй, да только растаял снег. На вот, смотри».

«Экий дурень!» – вскричал Федот, схватил суму и брызнул влагой вокруг. Тотчас укрылась яблоня снежными цветами. Изумлённый Кашей зажмурился – глазам стало больно. Этакое он ещё не видывал.

А яблоня его за этот подвиг назвала Бессмертным, и стал Кашей – Бессмертный.

Сказывают ещё люди, что он урод и мучитель, так не слушайте. Вздор все это.

Виктор БУЛАНОВ

ЗМЕЙ ПЕТРОВ

Сегодня был обычный день. Иван Петров, как всегда, встал в шесть утра, позавтракал, оделся и отправился на работу. По дороге ему не попадались ни чёрные коты, ни старушки с пустыми ведрами. Всё шло как обычно. Он поздоровался с охранником, пожал руки друзьям. А когда он вошёл в свой кабинет, телефон противно звякнул и трубка не менее противным голосом вызвала его в кабинет к директору. Его ещё никогда не вызывали к управляющему. В приёмной он увидел обладателя противного голоса: рыжую молоденькую секретаршу, которая объявила, что управляющий его ждёт. Петров вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Иван Никифорович. У меня к вам особое поручение. К завтрашнему дню вы должны научиться летать. – Управляющий сказал это с таким видом, будто научиться летать – что выучить таблицу умножения.

– Простите? – непонимающе взглянул на него Петров.

– Вы что-то не поняли? Завтра вы должны летать, – улыбаясь, вновь повторил директор.

– Но я не умею.

– Вот и научитесь. Я знаю, первый раз тяжело, но зато потом... просто класс. Вы представьте себе, ПРИЛЕТАЕТЕ на работу. И никаких пробок, никаких аварий, никаких опозданий. А чтобы взлететь в первый раз, нужно

сперва немного планировать. Видите гору за окном? Вот с неё вы завтра и начнёте свой первый полёт.

– Но я же не птица, а человек. Люди летать не могут, это каждому известно.

– Не рассуждать. Завтра – в летящем виде. Пошёл вон.

Расстроенный, Петров вышел из кабинета. В этот день у него всё валилось из рук. Ничего себе задание – летать! Люди не летают. Примерно в таком состоянии пришёл Иван Никифорович домой. Там уже всё знали: напарник по работе позвонил домой, рассказал.

– Папа, рожденный ползать летать не может, – плаксивым голосом сказал четырёхлетний сын.

– Молчать! Без вас разберусь, – сказал Петров и закрылся в туалете. Как известно, туалет в России – место уединённого размышления.

Когда Петров вышел из своего домашнего кабинета, сразу же ушёл к своему хорошему другу и собутыльнику Петру Иванову. На ночь он домой не приходил. Никто не знает, о чём друзья говорили, но на следующий день помятый, невыспавшийся, но уверенный в себе Петров полз на гору. На горе его ждали управляющий фирмой и правительственная комиссия. Ну и ещё вся родня, пришедшая посмотреть на первый полёт Ивана Петрова (правда, они считали, что он же последний). Петров подошёл к обрыву и взглянул вниз. Потроха сжались в один маленький комок и не хотели приходить в исходное состояние. Петров оглянулся: позади всех в небольшом отдалении стояли два солдата с винтовками наперевес. Когда Иван ещё поднимался, они ему сказали: «Если сам не полетишь, мы поможем».

– Валя, не беспокойся, мне всё объяснили: я – птица, – сказал Петров и сиганул вниз. Послышалось вездесущее «ах».

А Иван Петров спокойно парил в небе. Пролетая сквозь облака, пикируя вниз, просто планируя, Петров улетел так далеко, что его стало не видно. Больше на земле его никто никогда не видел. Лишь иногда засекут радары какую-то точку, но вскоре она исчезает. Чаще видят его пилоты самолетов: вылетит Петров из облака, приветственно махнёт рукой пилоту и вновь умчится вдаль.

Сергей ТАРАКАНОВ О БЕДНОМ ДРАКОНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Потерявши голову, по ней не плачут.

Из «Книги Драконьей Мудрости»

Тунг полз по щебню, огибая скалы и большие камни. Морщась временами, когда острый камешек впивался в нежное розовое брюхо. Уже видна была чёрная базальтовая колонна на горе, рядом с которой металась одинокая фигурка. Кажется, её зовут принцесса. Одежды не было – не придется выплёвывать её остатки, такие невкусные. Не

сверкало на голове что-то твёрдое, о которое так легко сломать драгоценный зуб. У Тунга уже потекли слюнки, ибо нет ничего вкуснее принцесс. Ведь так говорит великая «Книга о правильном и вкусном драконопитании». «Сейчас подберусь поближе, дам ей лапой в лоб и...»

Пронзительные голоса разбудили его. Ах, какой был чудесный сон.

– Пьяный козёл, – звенел воздух слева.

– Овца кефирная, – отвечал справа медлительный флегматичный басок.

Утро началось. Тунг вздохнул и начал выбираться из пещеры. «Дать бы им по ушам хвостом», – мелькнуло невозможное желание. Ничего не получится. На ближайшее время власть над телом перешла к левой голове. Правая голова вчера явно злоупотребила соком коньячного дерева. Оно и чувствовалось – в горле было сухо, болела голова, подташнивало... Левая голова отличалась глупостью и трезвостью и по утрам устраивала скандалы правой. Кусаться, правда, головы не кусались, но ругаться умели и любили. При случае могли и плюнуть! Впрочем, Тунгу ещё повезло. У друга детства Ярха обе боковые головы имели склонность к неправильной любви, за что и прилепилось к нему прозвище Голубой Ярх. Как часто он просыпался в синяках и царапинах от раздражённых гнусным приставаньем драконов.

Тунг отправился к дальним пещерам, где ползла очередь-змея за плодами пивного дерева. У стоящих драконов были опущены одна, две, а то и три головы, некоторые постанывали. Похмелье... Изредка доносился резкий голос Верховной Драконихи, требующей от мужской половины одуматься и подумать о племени. Глас вопиющей в пустыне. Во хмелю, что удивительно, все три головы скоро приходили к единомыслию, лизались и дружно пели древнюю песню о шумящем камыше...

– Великому Тунгу привет, – услышал он ласковый голос и узрел три ехидно поднятые к небу пасти. Сексапильная дракошка Лора с удовольствием потёрлась о его чешуйчатый бок. «Счастливая», – мелькнуло в голове Тунга. Почему-то у всех драконов и дракончиков до первого полёта все три головы жили дружно и думали одинаково. А вот у драконов... Никто не знает, когда и как произошла эта трагедия. Разное говорят. По одной легенде – восстал против Повелителя Вселенной девятиглавого Роя печальный безумец шестиглавый Ларт. Двенадцать дней и ночей бились они, и содрогалась Земля, и дрожали звёзды, и падали с неба гордые бессмертные головы Ларта. Скрыли их горы, но дышат они до сих пор огнём и дымом. Нет, – утверждают другие. Разгневалась на свои неразумные создания Мать-Великая Дракониха. Устала она от их укусов и уколов, содрогнулась от гнева, и из трещин в земле стал выходить ядовитый дым. С тех пор и стали драконьи головы такие разные. «Мутация», – ругался незнакомым словом Мудрый Лув, у которого были две умные головы. Тунг вспомнил грустное предание о несчастном «неизвестном драконе», решившем избавиться от двух голов в схватке с человеком в железках и потерявшем все три. Впрочем, в

последние годы стали появляться одноголовые уродцы, их становилось всё больше и больше. Злые и нахальные, они уже посмеивались над многоголовыми «предками». «Мутакяне», – неожиданно дружно рывкнули разом все три головы. «Телепатия», – сказал бы на это Мудрый Лув.

Утро было чудесное. А после пивного дерева стало совсем хорошо. Тунг почувствовал, как бьются его крылья, и с треском расправил их. «Полетаем, головушки, поохотимся», – попросил он своих сожителей. «Ну да, как же», – забормотала левая ленивица. «Да с удовольствием», – поддержала правая голова, делающая всё назло левой. На охоте власть над телом переходила к центральной голове.

Радость полёта. Внизу мелькали голубая трава, золотая листва деревьев и синие скалы. Сделав три круга над родным драконятником, Тунг развернулся и полетел к морю. Разноцветные глаза выискивали добычу. Левая голова что-то ворчала, правая мурлыкала. Тунг вслушался. «Что шевелится – когти, что кусается – копти», – летели по воздуху слова детской песенки. Наконец-то! По равнине бежал зверь на шести лапах и с семью рогами, называемый поэтому просто: семирогий шестилап или «слап» на жаргоне охотников. Увидев над собой тень, слап заметался, потом бросился вперёд, под прикрытие густых мангровых зарослей побережья. Тунг начал снижение. Ещё, ещё ближе. И вдруг непонятное – животное исчезло, успев только испуганно хрюкнуть. Зыбучие пески... Дракон отчаянно взмахнул крыльями. Поздно. По инерции он ударился о песок правым боком. «Погибаем», – мелькнуло в голове. Сразу вспомнилась такая короткая непутёвая жизнь. Вот он, белый дракончик, и три его головки дружно сосут маму, а она облизывает их длинным фиолетовым языком. Вот он прижал к стене дальней пещеры свою первую дракошку, неумело разворачивая её мягкими ещё коготками. Вот... «Помогите, спасите», – верещала левая голова, из глаз которой катились крупные, как кокос, слезы. Правая сразу задохнулась в горячем песке, Духи-Драконы даровали ей лёгкую смерть. «Глупышка ты наша», – Тунг с неожиданной нежностью ткнулся мордой в горячую щеку слева. Последний раз блеснуло зелёное солнце, и наступила тьма.

Из отчета Висконсинской палеонтологической экспедиции Массачусетского технологического института. Доктор Джон Смит.

«В течение двух сезонов 1998 – 1999 годов на побережье древнего океана Тетис были найдены остатки животных. Мезозойская эра, Юрский период, Оксфордский век. В том числе трёх динозавров: полностью уцелело туловище одного и две головы от других особей. Тиранозавр, ранее неизвестный его подвид. Найдены также остатки двух лосей, один полностью и две конечности от второго. Чертёж местности, рисунки и фотографии находок прилагаются.»

К ДРАКОНУ!

– Приехали, Бледная Немочь... э-э-э... то есть Ваше Высочество!

Лакей проворно отворил дверь кареты и вытянулся по стойке смирно.

Сначала показалась бледная тонкая рука. Она легла на ручку дверцы, послышался обречённый вздох, и показалась нога. Она была обута в высокий лакированный сапог и затянута в узкую кожаную штанину. А уж после под ненавистный солнечный свет из полумрака золочёной дорогой кареты появилось мертвенно-бледное лицо с кокетливо подведёнными глазами. Принц поморщился и сделал вид, что не услышал оговорки слуги.

– Куда ты меня привёз? – недовольно спросил он кучера, выходя из кареты и отряхивая несуществующую пыль с чёрного бархатного камзола, расшитого серебром.

– Куда велено... – растерялся кучер. – К дракону!

Принц недоумённо оглянулся вокруг. А посмотреть было на что! На севере красовались заснеженные горы, спускаясь в тёмно-изумрудные леса. С каменных уступов, сверкая на солнце, срывался водопад и голубой лентой реки пересекал долину. Заливные луга поражали яркими пятнами цветов и бабочек. Табун тонконогих лошадей с огромным чёрным жеребцом во главе неторопливо щипал весеннюю траву. И посреди всего этого великолепия возвышался белоснежный замок, на шпилях которого трепетали алые стяги с серебряными драконами.

– Значит, здесь живёт чудовище?

– Угу. Ну, мы, это, за поворотом Вас подождём, – пробурчал кучер и, не дожидаясь ответа, подхлестнул лошадей. Принц оскорблённо передёрнул тощими плечами, поправил свой вычурный плащ, прижал к груди любимое руководство по чёрной магии и уверенной пошатывающейся походкой направился к замку. На полпути его заставил сжаться в угловатый комочек громовой рык, но бледный спаситель несчастной заточённой принцессы справился с минутной слабостью, подсушил штаны щелчком пальцев и продолжил путь.

У огромных обитых железом ворот Его Высочество принялось разрабатывать план действий. Попробовав пару страшных заклинаний и со злости плюнув на невозмутимые ворота, он не придумал ничего лучше, как постучать. Сначала было тихо. На вскоре заскрипел засов, и в воротах открылась небольшая дверь.

– Вы что-нибудь хотели? – мило улыбнувшись принцу, спросила румяная рыжая девица с огромными зелёными глазами, одетая в простой льняной сарафан с вышивкой.

– Д-Дракона бы мне... – заикаясь, произнес герой.

– А-а-а. Я-то уж подумала – опять за принцессой! Ты проходи, проходи, не стесняйся.

Его Высочество тенью просочилось в дверь и последовало за девушкой.

– А принцесса где? – осторожно поинтересовался он.

Девушка остановилась и подозрительно усмехнулась:

– Ты бы уже определился: принцессу тебе или дракона.

– Хотелось бы обоих...

– Странные у тебя фантазии... Принцесса Мелитара третья, – девушка протянула принцу руку.

– Здравστε, – приуныло Высочество. – Вей... Веинор... первый...

– Очень приятно! Да ты не бойсь, не обидим! – Мелитара хлопнула спасителя по плечу и тот слегка осел. – Чаю хочешь?

– Мне бы дракона...

– Да будет тебе дракон! Заладил, блин. Я сегодня пирогов напекла...

– Спасибо, я на диете...

– Ясно. Ну, тогда ладно. Пойдём, знакомить буду.

Принцесса провела гостя во внутренний двор замка и подтолкнула вперёд. Возле чудесного фонтана лежал багрово-серебряный дракон, лениво следивший за приближением Веинора. Рядом валялась чья-то одежда. «Уже сожрал кого-то, мерзкое чудовище», – подумал принц, начиная выплетать заклинание.

– Учти, на нас магия не действует, – зевнул дракон и потянулся. – На весь замок тоже. Так что не знаю, как ты собрался меня убивать.

Принц растерялся и минуту-другую переваривал информацию. Подумав, он выхватил шпагу и сделал шаг в сторону ящера.

– С ума сошёл?! – воскликнул дракон. – Зарежешься же!

– Я в совершенстве владею оружием! – крикнул в ответ Веинор и замахнулся. Но в этот момент дракон чихнул.

Кое-как поднимаясь с земли, герой заметил, что принцесса покатывается со смеху, и слегка обиделся.

– Ну, зачем она тебе нужна, – обратился к Высочеству дракон, указав на принцессу. – Вредная, капризная, ехидная... Ты подумай как следует...

– Я не могу отступить!

– Как хочешь, – вздохнул дракон и снова неудачно чихнул. Принца швырнуло об стену и слегка опалило.

– Всё, не жилец, – констатировала принцесса, переплетая косу.

– Оклемается, – успокоил дракон, оборачиваясь плечистым высоким блондином.

– Пойду, к карете его оттащу, надеюсь, они недалеко уехали, – сообщила принцесса неторопливо шнурующему сапоги возлюбленному. И получив утвердительный кивок, добавила: – А ты пока сходи, помой посуду.

МНЕ БЫ ТАК,

или СКАЗКА ПРО ПРИНЦЕССУ И ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА

Жила-была принцесса, жила не бедно и была она, если не первой красавицей во всём царстве, то уж, по крайней мере, тридцать третьей. Одевалась принцесса в модные одежды, красилась самой дорогой косметикой, ходила на дискотеки...

И всё ждала, ждала... Когда же наконец-то появится Он... Прекрасный принц... А прекрасный принц всё не появлялся, но принцесса продолжала ждать и вздыхать от огорчения...

Как-то раз под вечер сидела принцесса в своей комнате в башне и смотрела на дорогу, откуда должен был когда-нибудь появиться прекрасный принц... Сначала дорога была пустынной, а потом на ней появилось облачко пыли...

Облачко приближалось, приближалось, пока не приблизилось в лошадь и всадника. На всаднике были надеты пыльные латы, пыльно-красный плащ развевался за спиной...

«Может, это и есть прекрасный принц?» – подумала принцесса и пошла посмотреть...

Всадник был уже во дворе замка...

Оказался он неказистым юнцом, с повадками воробья и вечно всклокоченными волосами. Латы мешковато сидели на его шуплой фигуре, а ножны длинного меча вечно что-то зацепляли...

– Здравствуйте, ваше высочество... – сказал незнакомец и поклонился, уронив при этом шлем.

– Кто вы? – поинтересовалась принцесса.

– Я, знаете, в некотором роде, прекрасный принц, – ответил незнакомец.

– Вы? Прекрасный принц? – удивилась принцесса.

– Да-да, – незнакомец засуетился, шаря за пазухой. – У меня справка есть...

Принцесса долго разглядывала желтоватый пергамент, действительно удостоверявший подателя сего, как прекрасного принца.

– Зачем же вы явились сюда? – спросила принцесса.

– Ах! – прекрасный принц встал на колени и приложил руки к груди. – С тех пор, как я увидел вас на одной из дискотек, нет мне покоя... Я готов совершить для вас сотню подвигов, могу сразиться с драконом (я знаю пещеру, где живет один – его шкура будет прекрасно смотреться над вашей кроватью)... Я прошу вашей руки, принцесса!..

– Нет! – ответила принцесса и даже топнула ногой.

– Но почему? – растерялся принц. – Ведь я же прекрасный!

– Мой принц похож на Кевина Костнера!

И принцесса ушла к себе...

Принц постоял немножко, потом сел на коня и поплёлся восвояси...

По дороге он победил в тринадцати турнирах, изловил дракона и совершил ещё много других подвигов. А под самый конец пути, встретил девушку, пусть и не тридцать третью красавицу, пусть даже совсем и не красавицу, но вполне симпатичную и, можно даже сказать, прекрасную... В общем, влюбился в неё принц.

В замке принца закатали такую свадьбу, что слава о ней гремела по всему миру... А шкуру дракона повесили над кроватью молодожёнов.

Дошла и до принцессы весть о том, что какой-то прекрасный принц влюбился в простую девушку...

«Ах! Как хорошо живут люди! – подумала принцесса. – Влюбляются... Мне бы так... Вот встречу своего принца и...»

Анна ЧЕРНЫШЕВА БОСИКОМ ЗА ВАСИЛИСОЙ

Сказка

Маленький неуклюжий гном поспешно семенил по плитам длинного коридора, громко шаркал и то и дело запинался. Ему при рождении было дано грозное имя Зигмунд, в надежде, что оно сделает его героем. Но Зигмунд из него вышел никудышный, с годами он всё больше походил на тех примитивных гномов, которых все зовут Кешами да Кузями. Правда, иногда грозное имя Зигмунд вскипало в его крови, и тогда он мучительно хотел подвига, вот только не знал какого. Он шёл, опустив свой курносый нос так низко, что даже самый его кончик, вечно задранный в небо, уныло уставился в пол. В его крови снова бродил Зигмунд. Так и не найдя порядочного дела, гном сосредоточенно наматывал круги по всему зданию.

Вдруг он со всего размаха налетел на что-то громадное. Без энтузиазма оторвав взгляд от пола, он оглядел препятствие и разочарованно махнул рукой.

– А, человек.

Зигмунд обошёл резиновый сапог, поправил капюшон, глядя на своё мутное отражение на его чёрной глади, и заспешил дальше. Но тут его нагло схватили и подняли под потолок.

– Ты что – гном? – глупо вылупился нахал.

– Сам не видишь? – огрызнулся Зигмунд.

– Настоящий?

– Нет, из мыльных пузырей.

– Что, правда?

– Отстань от меня, – рассердился гном. – Поставь на место.

Но этот невозможный тупица всё равно не понял и опустил его на подоконник.

– Я из тебя жабу сделаю, – пообещал Зигмунд, пытаясь спуститься.

– Как?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Зигмунд не знал, как превращать людей в жаб. Он вообще мало знал об этих двуногих тварях.

– Нет, ты, правда, гном? – снова спросило тупое существо.

– Да, да, да! – заорал гном.

– Из параллельного мира?

– Из нормального мира.

– Как это из нормального? Это наш нормальный. Наш мир...

– Помойка!

– Да мы всё можем!

– Это вы-то!? – гном расхохотался. – Колдовать разучились, зверей не понимаете, под водой дышите только в намордниках. Скоро ходить разучитесь.

– А ты можешь дышать в воде? – удивился двуногий.

– Разумеется.

– И не тонешь?

– Зачем?

– Ну не знаю. Я же тону.

– Вот и дурак. Всё они могут. Умора! – бурчал гном.

Он уже готов был юркнуть сквозь стену, но двуногий опять его сцапал.

– Тебя как зовут?

– Зигмунд, – гордо произнес гном.

– А меня Семён. Семён Николаевич.

– Ну и что?

– Давай дружить, – неожиданно предложил Семён.

Гном посмотрел на него внимательнее. По человеческому времени ему лет двадцать. Долговязый, худой, рыжий. Большой рот, глаза светлые, уши торчат. Нет, жаба из него точно не получится, разве что лягушка.

– Чего это я стану с тобой дружить? – сощурился гном.

– Так просто, чтобы веселее было.

– Мне и так весело, – соврал Зигмунд.

– А будет ещё веселее, – пообещал Семён. – Чипсов хочешь?

Зигмунд не устоял. Отказаться от чипсов было выше его сил. Из всего, что изобрели бестолковые люди, он тащил в свой мир только солёненькие невесомые хрустяшки. Семён извлёк из необъятного кармана целый пакетик хрустящего счастья и подал гному. Он взял его обеими руками и даже разволновался.

– Это всё мне?

– Конечно. Жуй, – улыбнулся Семён.

Улыбка у него была хорошая, веселая. И Зигмунд как-то вдруг решил, что дружить с ним – это здорово.

Пока гном чавкал, парень присел на корточки у стены и с величайшим интересом его разглядывал.

– А вы все такие маленькие?

– Бывают ещё меньше, – невнятно ответил гном.

- А вы злые?
- Добрые. Это упыри – злоки.
- Понравилось? Ещё хочешь?
- Угу.
- На, держи. Мне тоже одного пакетика мало, всегда беру два.
- «Какой замечательный человек, – думал гном. – И какой большой карман».
- Ты здесь живёшь? – прохрустел он.
- Учусь. А ты дух университета?
- Вот ещё! Духи примитивные, они из ваших.
- А что ты здесь делаешь?
- Думаю. Тут хорошо думать.
- Для того и строили. И о чём тебе думается в этих умных стенах?
- Зигмунд перестал жевать, вздохнул грустно:
- О героях.
- Сказочных?
- Настоящих. Как Иван Царевич, – мечтательно произнёс гном.
- Какой же он герой? – удивился Семён.
- Он змея победил! – восхищённо выдохнул Зигмунд.
- Это всё сказки, – отмахнулся студент.
- У вас сказки, а у нас на самом деле. У нас всё на самом деле.
- Что, и баба Яга? – выпучил глаза Семён.
- Конечно.
- Злая?
- Мудрая, вечно всех поучает, – поморщился гном. – Всё на свете знает.
- И Василиса Прекрасная есть?
- Ага.
- Она, в самом деле, всех красивей?
- А как же.
- Вот бы посмотреть! – оживился студент.
- Нельзя.
- Почему?
- Влюбишься. Сохнуть будешь, – вдохнул гном скорбно.
- А если и она меня полюбит?
- Не полюбит, – убеждённо заявил Зигмунд.
- Ты-то откуда знаешь? – обиделся Семён.
- Ты хлипкий.
- Какой?
- Ну, понимаешь, ты не герой. А она должна полюбить обязательно героя. Чтобы стать настоящим героем, нужно найти свое призвание. Я вот тоже ишу свое призвание.
- И какие бывают у гномов призвания? – спросил Семён без интереса.
- Детей спасать, музей охранять, клады делать. Некоторые

преподавателей отвлекают во время экзаменов.

– Вот мне бы такого, – размечтался студент.

– Личных гномов не бывает. Это тебе не тамагочи. Тоже мне, придумали дохлых железок.

– Так и вас всех мы придумали.

– Что?! – Зигмунд рассвирепел. – Вы нас!? Да мы вас старше на... на... Вы все нас моложе, как ты своего деда. Может, это мы вас выдумали от скуки. Полицию – Змей Горыныч, а банкиров – Кашей Бессмертный.

– А Василиса кого?

– Не знаю.

– Пошли спросим.

Семён решительно встал.

– Ну, как к вам попадают?

Гном сразу одумался.

– Нельзя тебе к нам! Пропадёшь! Не подходишь ты. Не богатырь и не волшебник. Небось, и сказок не знаешь.

– Надо будет, вспомню. Тебе наши или народов мира?

– У нас все вместе, – буркнул гном. Его курносое лицо выражало крайнюю озабоченность. – С конём сладишь?

– С конём...– замялся Семён.

– Понятно. Меч в руках не держал, лук не натягивал, гусли не видел. Встретишь ежа – в обморок упадёшь.

– Неправда! – возмутился студент. – Мы каждое лето в походы ходим. На днях опять пойдём. Я в лесу как дома.

– Ню, ню, – сказал гном и исчез.

Ошарашенный, Семён стоял посреди коридора, хлопал глазами, ничего не понимая.

Неделю спустя весёлая студенческая компания, взвалив на плечи рюкзаки, надвинув на глаза бейсболки, двинулись в путь за редким в городе ощущением свободы. Высыпавшись, как горох, из электрички, туристы нырнули в лесную тень на узкую тропинку. Топали по влажному песочку, спотыкались о корни, пугали лягушек.

Семён шёл последним, упершись взглядом в огромный, рыжий рюкзак впереди. С первых шагов поход этот уже его не радовал, сапог тёр пятку, недельные запасы за плечами тянули к земле, желудок требовал пищи. Хотелось ныть и жаловаться. Красот природы он не видел, птиц не слышал, в общем, еле дожил до привала.

Как только он сбросил стопудовый рюкзак, Семёну показалось, что он стал лёгким, как молодой кузнечик. Он стянул сапоги, земля приятно холодила уставшие ноги, ещё бы умыться.

– Чур, я за водой. Я знаю, где ручей.

Семён схватил оба котелка и поскакал к ручью. Весёлая прозрачная вода звенела совсем рядом. Семён продрался через кусты, зачерпнул полный котелок и вылил на голову, как в прорубь рухнул. Даже глаза

зажмурил от удовольствия.

– Ну что, пошли?

Семён вздрогнул от неожиданности. Сквозь мокрую чёлку разглядел маленькую фигурку.

– Зигмунд?

– Смотри-ка, узнал. Ты не передумал?

– Чего?

– Наш мир смотреть.

– Ты так неожиданно пропал тогда...

– Так ты идёшь?

– Что, прямо сейчас? – растерялся студент.

– Иди, пока зовут. А то передумаю.

– Ладно. Только быстро, меня ждут.

Гном энергично зашагал вдоль ручья, Семён шлепал за ним. Он всё ждал какой-нибудь пещеры или норы, но лес шумел вокруг самый обыкновенный, берёзы, ёлки кое-где... Гном просто морочил ему голову.

– Скоро придём, – заверил Зигмунд, но ничего не изменилось. Ёлки, берёзы.

И вдруг всё его существо пронзил ужас. Волосы встали дыбом, руки похолодели.

– Что это? – пролепетал он пересохшими губами.

– А, Соловей-Разбойник, – отмахнулся гном, – закрой уши.

Сделав, как сказано, Семён чуть успокоился и понял.

– Ультразвук. Ничего себе Соловей-Разбойник! Значит, уже пришли?

Точно как в былинах, трава стелилась к земле и деревья гнулись как от сильного ветра. Уши начали болеть. Зигмунд что-то пробурчал и сменил направление. Они бежали со всех ног, звук стал слабеть и, наконец, стих.

– Житья от него нет! – ругался гном. – Всех птиц распугал! Чтоб ему зубы кто-нибудь выбил!

– Он что, всё время так? – поёжился Семён.

– Нет. Только если настроение весёлое.

Они вышли из леса. Впереди разлеглись широкие поля. На горизонте темнел другой лес.

– Нам туда, – указал Зигмунд.

– Далеко!

– Глупости!

Тут Семён снова застыл от удивления. Там, где травяной покров сменялся чёрным морем пашни, за плугом шёл колоссального роста пахарь золотоволосый, в белой рубахе, босой.

– Это Добрыня Никитич поле готовит, – объяснил Зигмунд.

– А?

– Да, это он змея на днях победил. Чего силище зря пропадать. Вот он и пристроил зверюгу к делу.

Огромное ярко-зелёное пресмыкающееся изо всех сил тащило плуг.

Змей вытягивал длинную шею, шипел, рычал, дико пучил глаза, плевался... Чешуя блестела на солнце, как начищенная.

– Вот это монстр! И много у вас таких?

– Полно. Пошли быстрой, а то до темноты не доберёмся, – торопил гном.

– Меня же потеряют, – ужаснулся Семён.

– Не потеряют, – заявил гном так категорично, что студент поверил. – К Василисе коротких путей нет.

Идти по свежевспаханной земле было трудно и так непривычно для босых ног горожанина, что Семён полностью сосредоточился на ходьбе. Видел только толстых дождевых червей да белые корешки в глубокой борозде.

На опушке леса они присели отдохнуть. Оседлав бревно, студент весело наблюдал, как, умаявшись, змей Добрыни повалился на толстое брюхо и тяжело водил боками. Богатырь принёс откуда-то огромную бадью с водой, окатил зверюгу. Их обоих тут же скрыли густые клубы пара.

– Подъём! – скомандовал Зигмунд. – Уже совсем близко.

И, правда, не прошли они вдоль кромки леса и ста метров, как на их пути встал огромный дуб. Толстый, здоровенный, всё небо закрыл листьями. Обогнув гиганта, Семён остановился и восхищённо уставился на новую невидаль. На фоне ослепительно синего неохватного неба как шлем богатыря высился алый шатёр, перевитый золотыми шнурами. У входа величавый, будто памятник, стоял богатырский конь – белый в яблоках, волнистая грива спускалась до самой земли. Он кивал точёной головой, звенел серебряной сбруей.

– Ух ты! Это всё чьё же? Добрыни?

– Мелковато для Добрыни, – сощурился гном.

– А чьё?

– Твоё.

От такого ответа у Семёна земля из-под ног ухнула. Он так и сел на корень дуба.

– Как моё?

– Надо же тебя в порядок привести. Ты что, к Василисе в этих драных джинсах собрался?

– А что? – испугался студент. – Плохо выгляжу?

– Хорошо, – для пугала в огороде. Поднимайся, будем из тебя человека делать. Да-а, трудненько придётся, – покачал головой Зигмунд, глядя, как Семён неуклюже вставал на ноги и бочком, затаив дыхание, крался мимо коня.

Гордое животное только мотнуло головой, отгоняя мошек, а студент пулей влетел в шатёр, чуть живой от страха. Гном так и покатился со смеху.

– Что ты смеешься! – возмутился Семён. – Вдруг он мне в глаз копытом даст!

– А ему под хвост не лезь и не даст! – до слёз смеялся Зигмунд.
– Хорошо тебе смеяться, – надулся Семён. – Я и на пони-то не ездил, а тут такая громада.

Гном вытер мокрые глаза, сказал серьезно:

– Не знаю, как пони, а этот конь точно умнее тебя. Будешь ему доверять, и все у тебя получится. А пока – облачайся.

Семён растерянно оглянулся. Шатёр был устлан яркими коврами, уложен подушками. В центре студент с ужасом увидел богатырские доспехи.

– И... это мне?

– Конечно. Что тебе не нравится?

– Размерчик не мой. Я меньше раз в пять.

– Пожалуй, – поморщился гном. – Ну-ка примерь.

– Они меня раздавят.

– Щ-щас, – сказал гном, съёжился весь, замахал руками, надул щеки, даже покраснел от натуги и тоненько, жалобно свистнул. Вся амуниция уменьшилась вдвое. Семён долго сопел, напяливая тяжёлую кольчугу.

– Она мне до пяток достает, а в шлем я весь войду.

Гном снова сморщился, студент зажмурился, когда открыл глаза, всё было идеально: шлем, рубаха, кольчуга, штаны, наколенники, налокотники...

– А сапоги?

– Что – сапоги? – гном втянул голову в плечи.

– Почему они не уменьшились?

– Наверное, это неправильные сапоги.

– Попробуй ещё. В таких я и шага не шагну.

– Снимай, попробую.

Семён поставил огромные красные боты на одну из подушек и отошёл опасливо. Через мгновение на подушке валялись два крошечных, кукольных сапожка.

– Ты что наделал?! Верни!

– Не могу, – угрюмо сознался Зигмунд. – Они совсем неправильные. Если раз не получилось, теперь не справишь.

– Да они и тебе-то малы.

– Босиком пойдешь.

– Ты спятил?! – возмутился студент.

Зигмунд обиделся, надул губы, засунул руки в карманы и отвернулся. Семён тупо смотрел то на сапожки, то на свои ноги. Как ни силился, не мог он представить себе витязя при полном параде и босого.

– Сделай хоть что-нибудь, – прохныкал он умоляюще. – Я же всё ваше зверьё уморю в таком виде.

– Как? – не понял гном.

– Так и помрут со смеху. Не пойду к Василисе! Это же чёрт знает что такое! Ну, посмотри на меня!

Гном обернулся, ещё секунду сохранял обиженную мину, но не выдержал и расхохотался. Его бедного так трясло, что он повалился на подушки и дрыгал ногами.

– Сделай-ка лицо пострашнее, – приговаривал он, давясь смехом, – ты ещё меч, меч возьми. Ой, умора! Ну, богатырь! Семён – голая пятка!

Студент стоял в центре шатра в сверкающих доспехах, грозно хмурил брови, низко надвинув шлем, глядел мрачно и решительно, сжимал кулаки и шевелил пальцами босых ног.

С трудом успокоившись, Зигмунд напряг все силы, чтобы исправить положение. Он морщился, как зимняя груша, вертелся, как волчок, прыгал, приседал, застывал, как столб, кричал, бурчал, мычал...

Всё было напрасно. Сапожки беззаботно валялись на подушке, игнорируя манипуляции гнома. А потом и вовсе пропали.

– Ох, – только и успел сказать студент.

– Не раскисай, – заявил Зигмунд, вытирая пот со лба. – С обувью не вышло, я сделаю так, чтобы никто не заметил, что её нет.

– Никто, никто? – недоверчиво переспросил Семён.

– Никто, – заверил гном.

Оба вздохнули с облегчением, но самое страшное было ещё впереди. Едва босой богатырь вышел из шатра, как ему нестерпимо захотелось вернуться обратно.

– Садись в седло, поехали, – весело скомандовал гном. Для новоиспечённого витязя его слова прозвучали, как приговор.

– Ни за что! – отрезал Семён.

Зигмунд сделал страшное лицо.

– В жабу превращу!

– Лучше бы сапоги сделал, – огрызнулся Семён и сделал шаг к коню.

– Сапог не могу, а в жабу могу! – угрожал Зигмунд. – В большую жабу!

– Это такая... в бородавках? – уточнил витязь.

– В бородавках, – заверил гном. – Мокрая, мерзкая, квакает, – шипел он, наступая на Семёна, и уже начинал морщиться.

– А может пешком? – пискнул богатырь.

– Нельзя!

Похолодевший от ужаса Семён поставил ногу в стремя, взялся за седло, с трудом подтянулся, стал перекидывать ногу, но услышал гнусное хихиканье гнома.

– Что ещё?

Богатырь Семён не прост,

Едет – держится за хвост,

– пропел Зигмунд. Семён сжал зубы, попробовал ещё раз.

Богатырь наш деловой,

Ездит он вперёд спиной.

Студент обошёл коня, гном не унимался.

Вот вам новый авангард,

Скачет конь башкой назад.

Кое-как разобравшись с ногами, босой богатырь, наконец, уселся правильно и перевёл дух. Зигмунд подпрыгнул, как мячик, плюхнулся впереди него.

– Трогай.

– Сам его трогай.

– Фу, тупень, – фыркнул гном.

Зигмунд шепнул что-то коню в большее ухо, и он величавой поступью двинулся вперёд. Новый богатырь сидел ни жив ни мертв, боясь дышать, весь напрягся, облизывал пересохшие губы. Гном вертелся и ерзал, что-то высматривал.

– Странненько, странненько. Куда она могла деваться? Тут была, точно помню. И спросить не у кого. И где они все?

– Кого ты ищешь?

– Да Василису твою. Вчера ещё здесь была. Ничего не понимаю.

– Может, ушла куда? Что ей посреди поля сидеть?

– Тут шатёр её был. Прямо здесь стоял.

Гном соскочил на землю. Конь встал как вкопанный. Зигмунд поднял обгорелую палочку и схватился за голову.

– Похитили! Так и есть, змей похитил!

– А может, съел? – почему-то спросил Семён.

– Думай, что говоришь. У нас змеи девиц не едят.

– А кого едят?

– Добрых молодцев.

Семен со стоном сполз с коня.

– Хочу домой!

– Теперь нельзя.

– А когда?

– Пока Василису не найдём, домой нельзя, – неумолимо серьёзно произнёс Зигмунд.

– Нет, это всё мне снится! И за что мне эти муки?! – взмолился босой богатырь. – Кони! Змеи! Домой хочу.

– Не ной. Думать мешаешь, – зашипел на него гном.

– О чем тут думать!?

– Садись на коня, к Бабе-Яге поедем, она всё знает. Если будет в духе, расскажет, где Василису искать, – рассуждал Зигмунд, наморщив лоб.

– Ещё и Баба-Яга! – возмутился студент. – Никуда я не поеду! Сам разбирайся!

– Ладно, оставайся, – фыркнул гном. – Жабы в природе тоже нужны.

– Что?! Не надо! – испугался Семён. – Я еду! Еду!

По лесу ехать верхом оказалось ещё хуже, чем по полю. То и дело приходилось наклоняться, чтобы ветки не били по лицу, их, конечно, можно было и рукой отвести, но богатырь боялся выпустить из пальцев гриву и вывалиться из седла. Устав кланяться, он скукожился, прижался к

коню. Так и сидел, как приклеенный, даже глаза зажмурил. Зигмунд важно шагал впереди, не переставая ворчать.

– Вечно мне не везет. Богатырь – липовый, даже коня боится, Василису змеей спёр, теперь хочешь-не хочешь придется с ним воевать, а у меня такой вояка...

Гном сплюнул в траву и пошёл быстрее. Тропа петляла, раздваивалась, терялась в траве, но неуклонно вела в чашу. Золочёные солнцем берёзки, сменились хмурыми елями, замшелые, корявые стволы всё теснее жались друг к другу, лохматые ветви низко склонялись над тропой

Когда тропинка совсем пропала из виду, гном вздохнул, полез в карман, достал кусок хлеба и тоненько засвистел. Невесть откуда перед ним появился чёрный котяра. Он схватил с ладони хлеб, пожевал недовольно и, задрвав пушистый хвост, затрусил между стволов. Семён следил за происходящим, осторожно открыв один глаз. Среди вековых деревьев было так темно, что кота почти не было видно, только когда он оборачивался, ярко светились жёлтые глаза.

– Эй, проснись, приехали! – гном потянул Семёна за ногу.

Богатырь вздохнул, сполз с коня, всё тело ломило, он едва разогнул затёкшую спину.

– Темно, хоть глаз выколи. Где это мы?

– Иди за мной, – велел гном.

Посреди непроглядной тьмы раздался скрип и появился освещённый квадрат. В дорожке света от него Семён увидел кусок забора, увенчанный черепами коров и людей. Волосы у него встали дыбом, когда из темноты появилась огромная куриная нога, поскребла землю и убралась обратно. Потом раздалось громкое кудахтанье и старушечий голос.

– Молчи, дура деревянная! Стой ровно! Опять из-за тебя квашню опрокинула. Вот вкопаю тебя в землю по самую крышу!

Снова появилась куриная лапа и сложилась в выразительную фигу.

– Кто там пришел? Чего во дворе топчитесь? – спросила старуха.

– Это Зигмунд, бабуля, – подал голос гном. – Я не один, с богатырём.

– Чаво-то не чую богатыря. А ну, иди на свет!

Гном толкнул Семёна, он шагнул на жёлтую полосу, кот метнулся из-под ног, витязь потерял равновесие и растянулся на земле. Шлем свалился с головы и укатился в темноту

– Бо-га-тырь... – протянула старуха. – Он что – не местный?

– Первый раз у нас, – пояснил Зигмунд и шмыгнул в избушку.

Семён поспешно поднялся и последовал за ним. Поднявшись на три ступеньки, он оказался в небольшой светлой горенке. Белёная печка, пузатый самовар, чистая скатерть на столе, вышитые занавески, тепло, уютно. На сундуке сидела старушка в ярком платке, нос картошкой, глаза злющие.

– С чем пожаловал, добрый молодец? Дела пытаешь аль от дела лытаешь? – строго спросила она, точно как положено в сказке.

И тут Семёна понесло.

– Ты, старая, сначала меня напои, накорми, в баньке попарь, а потом и спрашивай! – выпалил он.

Старуха аж рот разинула.

– Как посмел!

– А разве не так надо?! – растерялся студент.

– Прости его, бабушка, – засуетился гном. – Он неуч. Читал что попало. Он больше не будет.

– Это он что ли босиком за Василисой идет? – спросила Баба-Яга строго.

– Он, – потупился Зигмунд. – Я думал, из него герой получится, а он...

– Знаю, знаю, – махнула рукой старуха. – Мне про богатыря без сапог ещё бабка говорила, помочь велела. Босых земля любит. Садитесь за стол, с голодухи какие геройства.

После щей, пирогов с зайчатинной, солёных грибочков, варенья и меда, после малинового чая, Семёну уже никуда идти не хотелось. А гном выскочил из-за стола, напомнил:

– Покажи, бабуля, где Василису искать, да мы пойдём.

Баба-Яга достала из-за печки медный таз, начищенный как зеркало, велела Семёну.

– Гляди сюда.

Студент заглянул на дно таза и отпрянул.

– Вот это телевизор!

– Тоже мне, сравнил, – буркнула старуха.

По круглому дну плыли облака, светило солнце, неожиданно появилось что-то тёмное и стало приближаться. Стали различимы длинный хвост, толстое тело, лапы с когтями. Из облака дыма разом вынырнули две головы.

– Вот это хари! – вырвалось у Семёна.

Пасти дышали рыжим пламенем, внизу загорались деревья и кусты. Всё заволакивал чёрный дым.

– Мутант огнедышащий!

– Всё пожёт супостат. Житья от него нет! У него Василиса! – сказала Баба-Яга.

– Не! К нему не пойду! – замотал головой богатырь.

– А Василиса?

– Да Бог с ней.

– Смотри! – велела Яга и толкнула его к тазу.

Из дальней дали глянули на Семёна огромные синие глаза, порхнули стрелы ресниц. Видение исчезло, а он всё стоял, как громом поражённый. Его сердце наполнилось восторгом и незнакомой нежностью.

– Все, влюбился, – констатировал Зигмунд, помахав ладонью перед его носом.

– Куда идти? – хрипло спросил Семён.

– Вот тебе клубок, куда он покатится, туда и ступай.

Яга подала ему клубок красных ниток, но он выпал из его руки и быстро покатился из избушки. Богатырь ринулся за ним. Он бежал по лесу, не видя ничего, кроме этого клубка. Торчащие щепки и корни кололи босые ноги, ветки елей хлестали по лицу, тёмные силуэты появлялись и пропадали в чаще, смутно светились трухлявые пни, скрипели вековые стволы, жутко ухал филин. Богатыря уже ничего не пугало. Клубок постепенно разматывался, становился всё меньше и вдруг кончился.

На сухой растрескавшейся земле осталась только красная ниточка. Семён перевёл дух, огляделся, лес кончился, кругом горелые пеньки, зола, пыль.

– Эй, зверюга! Где ты есть? – закричал богатырь что есть силы.

Сверху раздалось хлопанье тяжёлых крыльев и шипение. Семён поднял голову, прямо на него падал здоровенный змей. Обе головы извергали пламя, когти жутко сверкали, громадные кожистые крылья закрывали небо.

– Мама, – прошептал витязь и хотел бежать, но вспомнил синие глаза и вытащил меч.

– Урод вонючий! – кричал Семён на змея, чтобы разозлиться. – Вот я тебя!

Он замахнулся тяжеленным мечом, но змей выбил его ударом огромного хвоста. Навалился на богатыря всем своим весом, сбил с ног, сгреб его в лапищу.

– Еда-а!

– Какая я тебе еда! – прохрипел Семён.

– Вкусная-я!

Обе головы разинули зловонные пасти. Богатырь зажмурился и выпалил:

– Кто первый?

– Чего-о? – не поняли головы.

– Левая или правая?

Пасти захлопнулись, головы посмотрели друг на друга. Семён едва успел перевести дух.

– Вместе-е, – зашипели головы.

– Стойте! – заорал богатырь. – Я ядовитый! Я кислый и горький и ...

– Обожаю-ю!

– Последнее желание!

Пасти опять захлопнулись.

– Перед смертью положено выполнять одно желание, последнее, – затараторил Семён.

– Быстрее-е, – велела правая голова.

– Шустрее-е, – прошипела левая.

– А ты точно исполнишь?

– Точно-о.

– Я хочу... хочу...

Головы дышали нестерпимым жаром.

– Хочу, чтобы ты остыл! – выпалил Семён, не подумав.

– Холодно-о! – зашипело чудовище с очень тупым видом.

Его четыре красных глаза потухли и стали прозрачно серыми, из ноздрей повалил пар, и повисли сосульки. Змей разинул пасти, чтобы испелить богатыря, но из обеих полилась вода.

– Бр, холодно! – завопил промокший Семён.

– Холодно-о! – повторил змей.

– А ты отпусти меня, будет теплее, – посоветовал хитрый витязь.

Чудовище разжало лапы, и Семён повалился на землю. Змей тряс головами, топал, бил хвостом, махал крыльями, чтобы согреться. Он снова и снова разевал пасти и налил столько воды, что растрескавшаяся земля стала влажной, появились лужи и ручейки.

– Бабушка-а! – обиженно взвизгнул змей и, с шумом поднявшись в воздух, быстро исчез за облаками.

– Больше никогда не вернется, – услышал Семён радостный голос Зигмунда. – Здорово ты его одолел! Настоящий герой!

Босой богатырь гордо выпрямился. Над промокшей землей поднимался туман, и Семён всё силился через его пелену разглядеть девичий силуэт. Туман становился всё гуще...

Семён открыл глаза. Сон медленно отступал. Он так удобно устроился на парте, голос лектора звучал монотонно. Семён сладко зевнул и повернулся к соседке.

– Знаешь, мне такой чудной сон приснился.

Она вскинула на него огромные синие глаза и улыбнулась.

– Знаю.

А на последней парте гном Зигмунд деловито примерял костюм амура.

Сергей ЗАГНУХИН

СЕРАЯ НАПАСТЬ

Славен, богат и весел был город Гамельн, пока не избавился от крыс и не лишился своих детей. Богатство осталось, слава потускнела, а смех навсегда покинул его дома, улицы и площади вслед за страшным крысоловом и его волшебной флейтой. А в утешение остался только рассказ старого слепца о далёком крае, где передвигаются только бегом и вприпрыжку, где с молодых лиц не сходят улыбки – городе Гамельнской молодёжи.

И тут новая беда настигла печальных бюргеров, купцов и ремесленников. Безжалостный враг окружил высокие стены. Как будто неведомая бездна исторгла волны низкорослых латников в серых

доспехах, затопивших всю округу и плотным кольцом окруживших многотрадальный Гамельн.

Золотые шпиди и вместительные кладовые славного города часто привлекали жадные взгляды завоевателей, но бургомистру и магистрату всегда удавалось собирать с сограждан достаточно звонкой монеты на крепкую дружину или весомый откуп, да и своя стража не даром ела хлеб. Но эта серая напасть нахлынула так неожиданно, что правители не успели кликнуть клич «ландскнехтам удачи», а своих воинов хватало только на обычную дозорную службу.

Странный это было враг: выкупа не требовал, стены не штурмовал и гонцов не принимал. Просто перекрыл все входы-выходы и обрёк город на голодное вымирание.

Нетвёрдой походкой плетётся по пустынной улице исхудавший бургомистр, от былой дородности не осталось и следа, торжественная мантия болтается как будто натянута на жердь. Долго ещё перебирать ногами до ратуши, мало осталось сил у городского главы, но сегодня последний, быть может, совет – надо добрести. Споткнувшись на ровном месте в очередной раз, присел передохнуть на скамеечку рядом с живыми, пока ещё, мощами трактирщика Иоганна Брандта. Упитанный окорок с вывески издевательски ощерился на обоих.

– На совет? – почти шёпотом от упадка сил полуспросил трактирщик и, получив в ответ только слабый кивок, продолжил, – без толку... кончается старый Гамельн... всех собак поели... Вот сейчас бы приманил крысолов всех крыс с округи, то-то славно попиروвали бы... Не судьба... расплачиваемся за жадность, да за голодных крестьян, на которых хотели нажиться при той засухе и неурожае.

– Расплачиваемся за жадность? – такая мысль не приходила бургомистру в голову. – И за страдания голодных?

– Так говорят, – кивнул трактирщик, – причём получаем той же монетой. На собственной шкуре всегда доходчивей... Недаром эти серые на крыс похожи... детки же наши невинны были, вот Бог и попустил чёртову дудочнику сманить их, а погубить не дозволил – вывел.

– Иоганн, а если мы раскаемся? – неожиданно для себя обронил городской голова.

– А сможем – по настоящему-то?

Не ответив, бургомистр сполз со скамьи и, путаясь в складках мантии, засеменил к главной площади. Ох, долог ещё путь до статуи Роланда с мечом перед ратушей, вот кому голод нипочём. Лишь бы хватило сил дойти, да было бы кому донести эту мысль о покаянии: костлявая рука голода душит всех, самые богатые и именитые – не исключение. А запасы пришлось делить на всех – во избежание голодного бунта.

Дойти... Рассказать... Ударить в колокола собора святого Бонифация... Собрать всех кого можно... Раскаяться... Ведь больше ничего не

остаётся. За все месяцы осады никто ничего толкового не придумал, ни главный судья Каспар Геллер, ни хитрющий Гангель Мун, никто.

– Господи, – бормотал трактирщик, глядя вслед удаляющейся фигуре, – помоги нашему неверию. Глядишь, тогда и детки наши сумеют найти обратную дорогу, а то и прославят Гамельн не только богатством и жадностью.

Александра ПОРОШИНА

ЗАПИСКИ УЧЕНИКА МЕРЛИНА

День 1-ый. Здравствуй, Дневничок. Пишет тебе... даже сам не знаю, кто. Я живу со старым волшебником Мерлином, который называет меня Малявка и говорит, что своё настоящее имя я узнаю, когда вырасту. Я, конечно, против этого, но никто меня здесь не слушает. Поэтому я и решил подружиться с тобой, Дневничок. Только ты один всегда сможешь меня выслушать. Почему я не уйду? Мне некуда бежать. К сожалению, кроме этого ворчливого старикашки у меня никого нет. Кроме того, наш домик находится, по словам Мерлина, в самом центре огромного непроходимого леса, где водятся разные дикие животные, которые с радостью откусят мне голову. А мне бы не хотелось её отдавать. Она мне самому нужна. Хотя бы для того, чтобы кушать. Обычно в дневниках записывают какие-то конкретные даты (так мне Мерлин рассказывал), но я хочу отойти от этой традиции. Я лучше буду просто отсчитывать дни, когда, наконец, уеду из этой глуши на поиски приключений. Я мечтаю стать доблестным рыцарем, спасти красивых дам от людоедов, драконов и прочей нечисти, хочу принимать участие в рыцарских поединках и всегда выигрывать.... Мечты, мечты.... А Мерлин собирается сделать из меня кудесника. Но как же он не поймёт, что всякие разные травки и зелья меня совсем не интересуют, и нет у меня никаких способностей к магии.... Как мне уже надоел этот бородатый... добрый вечер, Мерлин. Ладно, Дневничок, мне пора. Кажется, Мерлин опять услышал, какие гадости я о нем собираю. Наказания не избежать. Опять заставит чистить сортир одуванчиками.

День 2-ой. И снова здравствуй, мой дорогой слушатель. Извини, что я такой сонный. Как я и предполагал вчера, этот старый колдун заставил меня чистить сортир. Только в этот раз вместо одуванчиков он дал мне какую-то палочку с твердыми волосками на конце. Он сказал, что эта палочка из будущего и что там люди чистят ей зубы. Только не понимаю, почему люди ей зубы чистят, а я туалет. Вот бородатый антиквариат. Сам мотается в будущее, а я должен сидеть в этом развалившемся домике. Хотя сегодня Мерлин сказал, что с завтрашнего дня мне придётся ремонтировать эту лачугу. Я, конечно же, очень обрадовался. Он даже не помнит, что завтра у меня день рождения и мне исполнится всего лишь семь лет. А напоминать ему я не буду. Уйду вечером в лес и посижу у

костра с белочками и бурундуками. В последнее время мы подружились. Ах, да. Ты, Дневничок, не подумай, что я совсем сошел с ума. Просто, видимо, до меня Мерлину самому было скучно, и он решил поколдовать над отдельными зверюшками. Теперь некоторые могут разговаривать. Ну, ладно, Дневничок, мне пора.

День 3-ий. Опять здравствуй. Не хочешь поздравить меня с Днём рождения? Спасибо. А знаешь, что подарил мне Мерлин? Принёс такие же щётки, что и день назад, только размером побольше, и сказал, что они для покраски нашего отремонтированного жилья. Я ему напомнил, что никакого ремонта у нас ещё не было, и тогда он подарил мне другую палку, которую в будущем называют молоток. В придачу к нему он высыпал предо мной кучу маленьких заострённых железок, которые потом назовут гвоздями. А кроме всего прочего, он вручил мне большую плоскую железку с зубчиками, которая будет называться пила. Хороший подарок, ничего не скажешь. Но не могу я ни на кого злиться в свой день рождения... Иду, Мерлин, иду!!! Извини, Дневничок, но мне нужно покинуть тебя. Мерлин выпил какой-то прозрачной воды, тоже взятой из будущего, и теперь не отпускает меня ни на шаг: весь день рассказывает сказки о каких-то автомобилях, эскалаторах, самолетах. Он думает, я понимаю, о чём он, а я не хочу его обижать своим незнанием. Ведь после того, как я ещё в самой первой сказке спросил, что такое телевизор, он расплакался и сказал, что я дурак.

День 4-ый. С утра Мерлин жаловался на жуткую головную боль, поэтому мне вместо него приходилось бегать в лес за различными травками и под его строгим левым глазом (правый не открывался из-за вчерашней прозрачной воды) готовить отвары. Кажется, я со всем справлялся. Только, нанюхавшись этих отваров, я стал видеть маленьких зелёных человечков. Теперь я, наконец-то, понял, с кем разговаривает старик, когда готовит. Привет, ребята! А что вы такие зелёные? Кстати, познакомьтесь с моим Дневничком. Слышишь? Они здороваются с тобой. Вам тоже привет, друзья!

Спустя полгода. Здравствуй, Дневник. Я уже повзрослел на целых шесть месяцев и уже почти умею кататься на коне. Правда, среди всех этих деревьев не развездишься, но я стараюсь. Мерлин сегодня как-то странно себя ведёт. С утра он поставил у меня в комнате красивые цветы и ласковым голосом произнёс: «Просыпайся, малыш. Пора завтракать». И после этого упорхнул на кухню. Подозрительно всё это... Чёрт! Я вспомнил. Мерлин всегда себя так ведёт, когда влюбляется. Значит, он опять влюбился. И кто же, интересно, его новая жертва? Да что она? Если Мерлин парит в облаках, значит, что я опять буду должен бегать по лесу за бедными единорогами, чтобы содрать с их рогов волшебную пыльцу. Не знаю, для чего она, но, видимо, она стоит того. Это ещё и ночью придётся не спать, потому что этот старикашка не освобождал меня от ремонта нашего дома. Вот старый... как дела, Мерлин? И опять он меня

услышал. Ладно, мой дорогой слушатель, кроме всего прочего, мне ещё нужно сортир зубной щеткой вычистить.

Спустя два года. Здравствуй, мой дорогой Дневник. Как давно я в тебя не заглядывал. Прости. Мерлин не давал мне зайти в мою комнату больше, чем на пять минут. Постоянно придумывал какие-то дела. Но вот, наконец, всё закончилось. Точнее, кажется, это уже никогда не кончится (я имею в виду его опеку), но, по крайней мере, успокоилось немного. Кстати, представляешь, вчера вечером пошёл прогуляться по лесу и смотрю – впереди какой-то огонёк. Я подошёл поближе и увидел маленького дракончика. Его мама, скорее всего, умерла, а он остался совсем один. Ну, не мог я бросить его в диком лесу. Дракончик обрадовался, когда я посадил его на привезённую тележку и хотел лизнуть в спину. Но вместо этого спалил мне всю одежду. До дома я шёл голый. Но хорошо, что мы живем в лесу. Хотя и здесь есть, кому посмеяться. Те же самые белки и бурундуки. Они тыкали своими маленькими лапками в мою сторону и хихикали тоненькими голосочками. Дракончика я назвал Персик, потому что он был такого же красивого цвета.

Следующий день. Мерлину, я, конечно же, не сказал, кого спрятал в своей комнате. Я знаю, что он не разрешил бы держать в доме драконов. И, кажется, он пока ничего не подозревает.

Через день. Мерлину приспичило разбудить меня в пять часов утра. Ладно, он бы ещё тихо вошёл и разбудил. «ПОДЪЁМ!!!» – во всю глотку заорал он, что аж стены задрожали. А Персик, видимо, не любил, когда кричат, и решил, показать Мерлину, что такое хорошо, а что такое плохо. Бедный колдун остался совсем без одежды и своей шикарной бороды. Но больше он в мою комнату не сунулся. Только за ужином закатил мне скандал, мол, зачем я привёл в дом дракона, ведь это может кончиться пожаром и двумя шашлыками. Но я пообещал, что буду внимательно за ним следить. И тогда волшебник дал нам с Персиком испытательный срок – год.

Через год. Мерлин с Персиком почти подружились. Колдун кормил моего дракончика разными вкусностями из будущего, а Персик взамен служил ему печкой. Правда, иногда эта печка капризничала и подпаливала старику одежду, за что тот несколько дней подряд вместо привычной вкусной еды давал ему яблоки. А Персик ненавидел яблоки. А, в общем-то, они привыкли друг к другу.

Через месяц. Я решил сделать старику приятное и хоть немного поучиться чародейству. Вот уже полмесяца я изучаю рецепты различных зелий, а Мерлин прыгает рядом и хлопает в ладоши, мол, наконец-то, я принял своё предназначение. Ну, ладно, не буду расстраивать старика и говорить, что я этим заинтересовался, потому что услышал от белок легенду о прекрасной деве, которая заперта в замке великана и ждёт своего рыцаря. И я собираюсь научиться такому волшебству, чтобы сразу

стать большим, выбраться из этого леса и спасти юную деву. Но пока ничего не получается. Мерлин говорит: «Чтобы перейти на следующий уровень чародейства, нужно самому пойти в лес, найти незнакомую мне травку и сварить из неё такое зелье, чтобы никто не отравился». Я так и сделал. Сходил сегодня в лес, нашел какую-то траву с красным оттенком и сделал из неё зелье с помощью моего друга Персика. Сам ещё не пил и пить не собираюсь. Персику тоже не дам. Я думаю подбросить её Мерлину... Точно! Так и сделаю! Сегодня на ужин сварю суп, чтобы было не так заметно.

Следующий день. На улице уже темнеет. Я хочу в туалет, но Мерлин не выходит оттуда с самого утра. Что у него, запор, что ли? Но ведь даже с запором так долго в туалете не сидят. Подожди, Дневничок, похоже, Мерлин выходит...

Через час. Кажется, теперь наш сортир никакими одуванчиками и зубными щётками не отскребёшь. Придётся строить новый. «Что я теперь буду делать с **этим** сортиром?!» – кричит мне колдун. «А его в будущее отправь, – посоветовал я, – что ж ты у них постоянно всё забираешь, а им ничего взамен не несёшь?» На морщинистом, но уже давно безбородом лице Мерлина появилась улыбка. И отправил он сортир в будущее. Старик сказал, что в Америку, в Белый Дом, но я так ничего и не понял.

Через два года. И снова привет, Дневник. Как быстро время летит. Мне уже двенадцать. Карьера чародея, кстати, у меня не сложилась. После случая с туалетом два года назад Мерлин запретил мне даже вспоминать о различных зельях. Ну, что поделаешь? Придётся той деве, запертой в замке, ждать другого принца. Конечно, он будет не таким очаровательным, как я, но ничего не могу поделать. А Мерлин в последнее время постоянно ходит и бормочет себе под нос о каком-то пророчестве, короле. Я у него спросил однажды про это пророчество. А он только злобно посмотрел на меня и сказал: «Молчи. Пророчество о короле – точно чья-то страшная выдумка и ты к этому никак не относишься!» Больше я у него ничего не спрашивал. Наверное, он просто опять слишком долго находился в будущем и что-то там узнал.

Через месяц. Мы с Персиком сейчас собираем грибы. Я до этого дня целую неделю рассказывал своему дракончику, какие грибы можно собирать, а какие – нет. Кажется, он всё запомнил. По крайней мере, контрольную работу он написал на «отлично». Вот у нас уже целых две корзины грибов. Персик собирается пожарить на обед свои. Ну, ладно, Дневник, через полчаса я с тобой свяжусь, расскажу, какой у меня дракончик замечательный повар.

Через полчаса. Грибы действительно получились вкусные. Молодец Персик. Жаль, что Мерлин с нами в лес не пошел, он бы тоже попробовал. Ну, ничего, мы ему оставили немножко. Пойдите-ка... Дневничок, извини, но, кажется, что-то не так... кажется, деревья начинают двигаться... и вальс танцевать... Та-ак, Персик!!! Ты каких грибов

насобирал?! Ты где, печка хвостатая? Эй, ты что делаешь?! Здорово! Теперь я ещё и голый домой пойду. Ты уже какой комплект одежды сжигаешь?!

Снова через два года. Мерлин сегодня с самого утра бегал из комнаты в комнату опять со словами о каком-то пророчестве и искал какие-то принадлежности для какого-то ритуала. Но я больше в колдовские дела не лезу – **опасно** для окружающих.

Через неделю. Сегодня мой опекун опять достал из будущего какую-то прозрачную жидкость и посоветовал вместе с ним разделить трапезу. Вкус у этой жидкости, прямо скажу, – отвратительный. Зато после неё так весело. Вот сейчас хожу зигзагами и не понимаю, почему вижу теперь двух Мерлинов – вместо одного. Ну-ка, Мерлин номер два, уходи. Мне одного вполне хватает. Дневничок, ты представляешь, он не уходит! Стоит, нагло мне улыбается и показывает средний палец на правой руке. Может, это у них, колдунов, что-то значит?

На следующий день. Что-то у меня голова от подушки не отрывается. И так сильно болит! А ещё такое ощущение, что я готов целую бочку холодной воды выпить. ПИТЬ... Я сказал об этом состоянии Мерлину, но он испытывает то же самое. Один Персик сейчас бегаёт по дому и смеётся над нами, мол, ну и напились вчера. Ему-то весело, а вот мы со стариком помираем.

Через неделю. Мерлин смастерил вчера два деревянных меча и решил обучить меня боевым искусствам. Говорит: «Раз не получилось из тебя чародея, сделаю тебя хотя бы рыцарем». Я был не против. Той деве рыцарь тоже не помешает. Но ведь пока я вырасту, она уже состарится... Ну и что? Я найду другую запертую даму.

Следующий день. Мерлин каким-то образом узнал о моих планах по спасению девы из замка и сказал вот что: «Дева взаперти – не твоя судьба. Тебя будет ждать другая». Я не стал с ним спорить, возможно, ему виднее. Но помечтать он мне не запретит!

Через день. За три дня тренировок с мечом, я уже чему-то научился. Только Мерлин ходит и страдает, мол, научил на свою голову. Дело в том, что во время наших тренировок я часто рвал мечом одежду колдуна, от чего тот в последнее время приходит вообще в бешенство. Он сказал, что если я ещё раз порву его балахон, он сделает из меня швею и что я буду целыми днями сидеть у окошка, вышивать и ждать своего принца-спасителя. Я спросил у колдуна, почему принца, а он наговорил мне кучу слов, которых я даже никогда не слышал, но сразу понял, что ничего хорошего они не значат.

Через полгода. Мерлин торопится, собирает чемоданы и говорит, чтобы я делал то же самое. Сказал, что мы отправляемся в Британию. Только не сказал, зачем, но, видимо, это что-то важное. Ладно, Дневничок, пойду собирать вещи. Скоро увидимся.

Спустя два месяца. Вот мы уже в Британии. Тут на площади много народу скопилось. Наверное, праздник какой-то. Кстати, Дневничок, ты Мерлина не видел? Я его уже полчаса ищу. Пропал куда-то. Пстой-ка... тут какой-то меч в камне. И никто не может его вытащить... Интересно. Щас, я тоже попробую.

Через пять минут. Классный меч! Жаль, Дневник, что ты его не можешь потрогать! Это самый лучший меч в мире! А-а, вот и Мерлин. Он что-то хочет сказать. «Жители Британии! – кричит колдун. – Посмотрите, этот мальчик вынул меч из камня!» Не понимаю, зачем из этого шум создавать? Ну, вынул я этот меч, ну и что? Как будто это было так сложно. А теперь весь этот народ возле меня столпился. Хотя... это даже прикольно, я никогда не был окружён стольким вниманием... Да, я вынул меч из камня!

Спустя какое-то время. Ну, здравствуй, мой вечный друг Дневничок. А я тут уже замок построил. Да-да, не шучу. Я поэтому и не писал тебе долго – весь в работе был. Дело в том, что оказывается меч, который Мерлин называет Экскалибур, мог вытащить из камня только настоящий Король. Получилось, что только я и смог его вытащить. Кстати, теперь у меня даже имя появилось. Теперь вместо Малявки колдун меня называет Артуром, но говорит, чтобы я не обольщался. Кстати, познакомься, это моя жена Гвиневер. Правда, она прелесть? Но это ещё не все новости. Оказывается, семья Персика очень даже жива. Просто в тот день, когда я его нашёл, он выпал из гнезда и убежал, а потом чуть не умер от голода. А родители просто не могли его найти. Но теперь Персик вновь обрёл семью, которая его с радостью приняла. Они часто навещают нас. Специально для них в моём королевстве, которое я назвал Камелот, мы соорудили, как выражается Мерлин «аэродром». Всё у нас сейчас хорошо. Ты же, кстати, теперь будешь называться не просто Дневничком, а Королевским Дневничком! Ты рад? Я знаю, что рад. Ну, ладно, Мерлин зовёт нас с женой в будущее на остров Ибица, чтобы отдохнуть. Мы уже согласились. Начали собирать вещи, а колдун сказал, что там такого не носят. Однако когда Мерлин показал, что носят девушки на пляжах, я чуть из окна не выпал. Но Гвиневер так меня уговаривала поехать туда, что я не смог ей отказать. Так что, Дневничок, увидимся в будущем на Ибице! Чао!

Евгений ГРЕП

"ВОРОНЕ КАК-ТО БОГ ПОСЛАЛ КУСОЧЕК СЫРА..."

– Гражданка Ворона?

– Собственно... Вот она я...

Ворона робко переминалась с ноги на ногу, стыдливо прикрываясь хозяйственной сумкой от грозного взора. Следователь удовлетворился осмотром и позволил:

– Садитесь...

Ворона села, но, вопреки ожиданию, лампы в глаза ей не направили и к детектору лжи не подключили.

– Итак, гражданка Ворона, вы утверждаете?..

– Я ничего не утверждаю!.. Это была не я!

– Итак, гражданка Ворона, вы утверждаете, что это были не вы?..

– Совершенно верно, гражданин следователь...

– Тогда расскажите как, по-вашему, обстояло дело.

– Сидела я как-то на дереве в обеденный перерыв...

– Стоп!.. С этого места поподробнее. Что вы там делали?

– Да, собственно, позавтракать уж было собралась...

– Позавтракать? В обеденный перерыв? Неувязочка получается, гражданка Ворона...

– Да я, собственно, утром не успела, вот и подумала, что не помешало бы...

– Продолжайте, – следователь саркастически улыбнулся, давая понять, что не верит не единому слову. – Чем вы собирались позавтракать?

– Вообще-то у меня был бутерброд...

– С чем?

– С сыром...

– Вот! – следователь удовлетворённо-ликующе поднял вверх палец. – Именно с сыром! А вам не кажется странным завтракать сыром рядом с сыроваренным заводом, с которого буквально в то же время исчезло несколько тонн готовой продукции?

– Нет!.. Ничего подобного!.. Я не воровала сыр!

– Заметьте, я этого не говорил... Впрочем, у нас есть свидетель.

– Кто?!

Следователь строго глянул на Ворону, и та поняла, что сморозила глупость.

– В интересах следствия, а так же в целях безопасности свидетеля его фамилию мы разглашать не намерены!

– Но чего он был свидетелем?!

– Вашего преступления! – следователь открыл объёмистую чёрную папку и достал оттуда листок. – Вот свидетельские показания: "Вороне как-то Бог послал кусочек сыра..." В каких отношениях вы состоите с гражданином Богом?

– Ни в каких, честное слово!

– Позвольте не поверить. Я сам недавно слышал, как вас называли тварью Божьей. И не кто-нибудь, а один компетентный человек, – следователь указал глазами вверх. – Итак, не являлись ли вы гражданину Богу...

В дверь постучали, и появился некто в фуражке – не то лейтенант, не то сержант. Он протянул несколько листовок следователю и отрапортовал:

– Протокол допроса гражданина Бога-Старшего, – некто откозырял и исчез.

Следователь прочёл листки, поднял брови и воззрился на Ворону. Ворона, которая всё это время чувствовала себя неудобно, почувствовала, что это были пустяки...

– Итак, гражданин Бог привёл неоспоримые доказательства, что в тот момент он был в совершенно другом месте... Помимо него на заводе работает ещё два его родственника. Однако, Бог-Средний охарактеризован трудящимися прямо-таки не как человек, а как святой дух какой-то, а Бог-Младший погиб при невыясненных обстоятельствах...

– Я его не убивала!

– Заметьте, в этом я вас не обвинял... Впрочем, всё решит опознание...

Следователь щёлкнул пальцами, и в кабинет вошли три бегемота. Двое сели слева от Вороны, один справа.

– Введите гражданина свидетеля! – попросил следователь.

Однако вместо свидетеля опять появился некто в фуражке и что-то горячо зашептал на ухо следователю. Следователь нахмурился и посмотрел на Ворону будто через решётку.

– Интересное получается дело... Оказывается, наш свидетель И. Крылов умер от старости при невыясненных обстоятельствах.

Евгений ГРЕП

ГОРШОК С МЁДОМ

Однажды Заяц и Медвежонок достали горшок с мёдом... Огромный такой горшок... Он стоял в углу и вкусно пах, а вокруг ходил Заяц и размышлял. Он всё никак не мог сообразить, что же им делать с таким огромным горшком?

Медвежонок сидел в кресле-качалке и следил за Зайцем, слегка покачиваясь. Уж ему-то думать не приходилось, он давно знал, как нужно поступать с такими большими горшками мёда.

– Может, – размышлял Заяц, – нам следует оставить его про запас? Зима будет долгой...

– Или всё-таки нам его съесть? – задумчиво тянул Медвежонок.

– Наверное, если намазать мёд на бумагу, получится отличная липучка? Тогда эти противные мухи не будут жужжать тут...

– Это мёд, – напомнил Зайцу Медвежонок, – его едят.

– Но, с другой стороны, – продолжал мысль Заяц, – мёд любят пчёлы!

– И я...

– А если нам накормить им пчёл?

Медвежонок чуть не перевернулся вместе с креслом.

– Зачем?!

– Ну, во-первых, интересно, что из этого получится...

– Ни капельки не интересно!..

– Во-вторых, если мы дадим пчёлам мёд, то они подберут и на будущий год нам его вернут...

– А если не подobreют? И потом, мёд у нас есть и в этом году...

Заяц походил ещё немного кругами по комнате, потом торжественно поднял лапку кверху:

– Придумал! Гениальная идея!

– Что, – обрадовался Медвежонок, – неужели вот так вот просто взять и съесть весь этот мёд?!

Заяц его не слышал:

– А что если мы позовем всех и!..

– Съедем мёд! - в восторге закончил Медвежонок, но тут же запнулся: – А все – это много?

Заяц пожал плечами:

– Все – это все, кого мы позовем.

Медвежонок думал, думал и наконец-то придумал:

– Давай, Заяц, я позову тебя, а ты позовёшь меня...

Заяц опять забежал по комнате и не обращал внимания на то, что Медвежонок решил размяться...

– Вот! – вскричал он наконец-то. – Я понял! Что! Нам! Нужно! С ним! Делать! Медвежонок! Давай просто съедем весь этот мед! Ты и я, вдвоём! Чем меньше мёда, тем меньше проблем! Медвежонок?

Но Медвежонок нигде не было видно. Заяц искал его, искал, пока не догадался заглянуть в горшок. Медвежонок смотрел на него оттуда добрыми честными глазами.

– Ты что там делаешь? – удивился Заяц.

– Понимаешь, – стал объяснять Медвежонок, – я гулял по комнате... Гулял, гулял, пока не подскользнулся. И упал прямо в горшок... Мне пришлось выпить весь мёд, чтобы не утонуть...

Медвежонок вылез из горшка, и горшок стал пустым. Заяц посмотрел на этот огромный пустой горшок и удивился:

– И что, мёда нет совсем?!

– Нет, – скромно подтвердил Медвежонок. – Мёд имеет привычку кончаться... Это скверная привычка, но ничего тут не попишешь, таково уж свойство всех мёдов... Зато я жив!..

– Это точно, – согласился Заяц и вытер лапкой лоб. – Знаешь, этот мёд такая обременительная штука... Пожалуй, даже хорошо, что он кончился... А то я устал уже думать о том, что с ним делать...

Анатолий ВЕРЕЩАГИН

ПИГМАЛИОН И ГАЛАТЕЯ

Пигмалион изваял статую!

На её изготовление ушло несколько лет, в которые он недоедал и недосыпал. На покупку мраморного монолита Пигмалион истратил все свои небольшие деньги. Тех грошей, которые ещё оставались, хватилдо всего на год, потом он перебивался небольшими заработками, а последние

три года вообще жил в долг. И вот свершилось! Статуя готова!!! Теперь её нужно продать подороже. Отдать долги, на оставшиеся деньги купить новую глыбу мрамора и снова браться за работу.

Покупатели на статую были. За неё боролся храм Афродиты, потому что жрицам этого храма показалось, что статуя похожа на статую Любви. Храм Аполлона – жрецы этого храма считали, что раз Аполлон самый красивый бог, то и статуи в храме должны быть самые красивые. Власти города – им хотелось статую поставить на агоре (площади народных собраний) просто для красоты.

Но статуя была настолько прекрасна, что Пигмалион всё не решался с ней расстаться. Он подозревал, что больше – за всю свою оставшуюся жизнь – не создаст ничего похожего. Пигмалион ходил вокруг статуи и сам удивлялся, что он смог сотворить такое чудо. В конце-концов он решил не отдавать статую никому и дал ей имя – Галатея.

Вдруг Пигмалион начал за собой замечать, что перестал обращать внимание на женщин, что если расстанется со статуей больше, чем на час, то его домой влечёт какая-то сила. Пигмалион с удивлением понял, что влюбился в собственную статую, что если он отдаст её в чужие руки, то пойдёт и бросится со скалы, как преступник. Долго думал как быть. Наконец решился. Пошёл в храм Афродиты. Принёс богине Любви в дар то последнее, что было ещё в доме, и попросил оживить статую. Поклялся любить свою Галатею всю оставшуюся жизнь и не забывать саму богиню – раз в год приносить ей дары в зависимости от достатка. Так он молился до утра. Богиня, как и положено богам, промолчала. К утру Пигмалион устал, ему захотелось кушать. Он направился домой, чтобы поесть и поспать, с твёрдым намерением прийти вечером и снова молиться до утра. Когда Пигмалион пришёл домой, то на пороге его поразил аромат пригорелой пищи. По дому ходила какая-то женщина, вытирала пыль, двигала мебель. На улице, у входных дверей, лежала «добрая» половина вещей Пигмалиона. От такой наглости Пигмалион на некоторое время потерял дар речи. Потом «взорвался» и начал орать на женщину, чтобы она убиралась из его дома. На что женщина ответила:

– Ты что, Пигмалион, съел что-то нехорошее? Разуй свои бесстыжие глаза! Я твоя любимая – Галатея! Развёл, понимаешь, в доме беспорядок. Сколько ненужных вещей. Вон они валяются на улице. Чем кричать – взял бы их и отнёс на ближайшую свалку. А в доме сплошная безвкусица. Скульптор называется. Где уют, я тебя спрашиваю? Мне, бедной женщине, приходится самой двигать мебель, приводя жилище в порядок, пока этот лоботряс и бездельник где-то шляется. А я старалась, готовила ему пищу, и не моя вина, что она пригорела. Никто не подсказал, когда её надо снимать! Ведь мне пришлось готовить завтрак первый раз в жизни.

После чего пустила слезу и обозвала Пигмалиона бесчувственным бревном.

Во время этого монолога Пигмалион стоял, открыв рот, переводя взгляд то на женщину, то на пустой пьедестал. Наконец до него «дошло» – ВЛИП. Ведь говорили же древние (хотя кто может быть древнее древних греков?): «бойтесь мечтать – мечты иногда сбываются». Делать нечего. Пигмалион тяжело вздохнул и пошёл утешать свою так неожиданно приобретённую половину.

Новость о том, что Пигмалион женился на своей ожившей статуе, с быстротой птицы облетела всю Грецию. Посмотреть на это чудо приезжали люди со всей страны и даже варвары с севера. От такого внимания Пигмалион быстро устал – ну никакой личной жизни.

Через полгода к Пигмалиону пришёл (вернее, в силу того, что он был очень стар, его принесли рабы в паланкине) верховный жрец храма Аполлона. Посидел во дворе, попил с хозяином целебный отвар, посмотрел на хозяйку. Потом велел хозяйке удалиться на её половину дома и сказал:

– Прослышал я, что ты женился. Жена твоя бывшая статуя. Нечего сказать – хороша! До меня так же дошли слухи, что в место сердца у неё мраморный обломок, что она сама делать ничего не умеет, только ест тебя поедом. Что ты теперь стал завсегдатаем кабаков. Пьёшь, как варвар. Нередко рабы приносят тебя домой, так как сам ты дойти не в силах. После чего все соседи разбегаются, потому что не в силах слушать, как она тебя «пилит». У нас в городе появилась новая пытка. Жители приводят особо провинившихся рабов и привязывают их к деревьям на улице, когда тебя в очередной раз приносят. Были случаи – рабы сходили с ума, есть случаи и со смертельным исходом. Сейчас достаточно сказать рабу, что его приведут к твоему дому, и он становится «шёлковым». Поэтому послушай старого мудрого жреца. Отдай или продай свою бывшую статую нам, и мы принесём её в жертву богу Аполлону в ближайший праздник.

– Старик, ты пережил свой ум, – ответил Пигмалион. – Как я могу отдать, а тем более продать подарок богини Афродиты? Она меня накажет.

– Ну что же, поступай, как знаешь. Только помни – боги никогда не делают подарков. Они всегда спрашивают впоследствии плату. И, по моему, Афродита тебя уже наказала или посмеялась над тобой. Если передумаешь – скажи нам, и мы избавим тебя от этого кошмара навсегда.

Жрец кивнул рабам. Те подбежали, подхватили его под руки, помогли подняться, усадили в паланкин и бегом выбежали со двора.

Не успели рабы скрыться, как из дома выскочила Галатея.

– Зачем к тебе приходил этот старый хрыч? Небось завидно старику, что тебе, уроду, досталась такая красавица. Небось текут слюнки на старости лет. Что отводишь глаза? А может быть, он хочет принести меня в жертву? Я слышала, что скоро намечается какой-то очередной праздник в честь бога Аполлона. Ничего у вас не выйдет заговорщики айдовы.

Помни, что любовь сильнее красоты. Если Афродита разозлится, то полюбишь и сатира. Представляешь, что о тебе соседи скажут? «Жил с женщиной красавицей – теперь дурень живёт с сатиром. Вот как наказывают боги неблагодарных».

– Да хоть кого вместо тебя, – ответил Пигмалион и встал.

– Куда пошёл? Я с тобой ещё не закончила. Женился, а не подумал, что жену кормить, одевать и выводить в свет надо. Скоро праздник и у Афродиты. Мы пойдём к ней в храм, чтобы принести дары, а мне надеть нечего. Мне нужна новая туника и хитон, подбитый мехом. Что, денег нет? А мне на это наплевать. Чтоб к празднику было – и точка. Где ты это достанешь, меня не касается. А то пожалуюсь Афродите – и тогда пеняй на себя, сын гиены.

– Ну всё. Ты меня достала! Пора показать кто в доме хозяин! – закричал Пигмалион.

На что Галатее со зловещим спокойствием ответила:

– Что, бить меня будешь? Попробуй. Только не забывай, что я хотя и хрупкая женщина, но кулак у меня мраморный...

Пигмалион повернулся и пошёл к выходу, приговаривая:

– Не жди меня сегодня ночью домой. Напьюсь – варвары позавидуют, и попрошу хозяина кабака, чтобы рабы меня сегодня унести не домой, а в храм... к Афродите.

Утром Пигмалиона нашли мёртвым у ног статуи Афродиты. От чего он умер никто не знал. Ходят слухи, что отравился. Другие говорят, что умер с перепоем. Третьи – сердце не выдержало. Эта смерть никого не оставила равнодушным. Большинство жалели беднягу. Но были и такие, кто говорил, что так ему и надо. Все сходились только в одном. «Нельзя впутывать богов в свои мирские дела».

Галатее, когда узнала о смерти мужа, снова окаменела. Её нашли на пьедестале. В руке она держала бронзовое зеркало и как бы смотрелась в него. Через неделю статую разбили, осколки утопили в Эгейском море.

Историю о Пигмалионе постарались забыть как можно быстрее. Но не смотря на все старания, мы помним её до сих пор. И делаем выводы. Всяк в своё разумение.

Сергей ЗАГНУХИН

ПИГ, МА, ЛИОН и ПРЕКРАСНАЯ ГАЛАТЕЯ

«Семь раз отмерь – один отрежь»

Тихо, дети, что тут за Новгородское вече, быстро по кроваткам и спать, спать. Сказку? Какую сказку? Не маленькие уже – первокурсники. Нашли тоже сказочника. В прошлом году рассказывал? Эт-ты, век информации. Курочку Рябу давно не слышали? Страшненькое что нибудь? Фэнтези? А уснёте? Хорошо, хорошо – уговорили. Но потом сразу баиньки. Слушайте.

Три молодых, но о-о-очень талантливых мага: добряк Ма, розовощёкий толстяк Пиг и красавчик Лион возвращались из знаменитейшей магической школы города Дурсбурга, закончив курс повышения квалификации по некромагии.

Миновав небольшой городок Франкеншберг, поддерживая реноме вновь приобретённой специализации, подкрепиться решили на кладбище.

Отобедав на ступеньках небольшого, но уютненького на вид склепа, начинающие мерлины обратили внимание на небольшую мраморную доску с эпитафией.

Красивая вязь, тускло поблескивая недоосыпавшейся позолотой гласила: «Здесь покоится прекраснейшая Галатя Пандорини, покинувшая этот бренный мир в самом расцвете своей красоты...» Нижняя часть доски с продолжением надписи откололась или была отбита и лежала на земле, явив миру неприглядную свою изнанку, вроде как бы даже и не совсем мраморную. Но наши кандидаты в магистры, сытно перекусив, поленились беспокоить свои седалища, а пустились фантазировать, как же могла выглядеть прекраснейшая, до того как...

И так слово за слово, решили они на практике применить вновь приобретённые знания и умения, вернув этому бренному миру Галатею Пандорини в самом расцвете.

День для подобных опытов выдался подходящий, астрологическая обстановка тоже благоприятствовала. До наступления ночи набирались они сил и учили наизусть необходимые заклинания. С приходом темноты проникли в склеп, скинули крышку саркофага и приступили...

Первым приступил толстяк, более других дружный со стихией земли, и восстановил прекраснейшую плоть, Ма наполнил сосуды кровью и запустил сердце, а Лион вернул Галатее дыхание жизни. Совсем под утро, встав вокруг уже почти воскресшей Пандорини, предельным напряжением объединённых своих магических способностей призвали они душу прекраснейшей, так правда и не поняв – из каких сфер.

С первым лучом солнца возрождённая восстала из гроба. Воистину, она была прекраснейшей. Это было видно воочию, так как одежда её за время упокоения успела истлеть почти полностью.

Три сотворителя стояли, как громом из-за угла поражённые, не сразу осознав, что же такого они натворили. Оттаяв немного стали они громко восхищаться красавицей и собой заодно. Постепенно восхищения перешли в сначала невнятный, а потом всё более и более яростный спор о том, чей вклад в это дело больше и кто, соответственно, имеет право...

Кричали они одновременно и услышать друг друга было им довольно сложно. Из воплей добряка разбиралось только что-то типа «...на всех хватит...», красавчик похоже упирал на «...сама выберет...». Чем же аргументировал розовощекий Пиг разобрать было решительно невозможно.

Словесная перепалка плавно перетекла в обыкновенную потасовку, а потом и в магический поединок.

Нововозрождённой такие сцены, похоже, были не в диковинку. Сидя на краю саркофага, нимало не смущаясь, внимательно следила она за всеми перипетиями дискуссии взглядом завсегдатая ипподрома.

Увы! Пришедших к финишу не было. Отправились они все опытным путём узнавать тайны некромира, благо и строение было вполне подходящим.

Кому словом, кому делом, кому магией, а кому простым булыжником, но всем досталось сверх меры, совместимой с жизнью, и остались их тела лежать живописной группой упавших с высоты собственного роста, как мог бы записать милицейский протоколист, занеси его какая нелёгкая на место этого происшествия.

Галатея же красивой летящей походкой покинула место разыгравшейся драмы, задержавшись лишь на миг – перевернуть изящной ножкой отколотую часть надгробной доски с эпитафией. Но только равнодушное солнце и легкомысленный ветер могли прочесть скрытое доселе продолжение роковой, как оказалось, надписи: «...к великой радости всех её сограждан, ибо красота её свела в могилу больше жителей города, чем моровое поветрие». Ох, чует моё сердце, помог кто-то в своё время прекраснейшей покинуть этот бренный мир во цвете лет.

А всего-то и надо было нашим, увы, уже вечно молодым и слишком нетерпеливым исследователям – собрать все возможные данные перед таким сложным экспериментом. Мотайте на ус – будущие Нобелевские лауреаты. Что в городке случилось? Ну, может, жив оказался какой-нибудь долгожитель-франкеншбержец, помнящий старые времена, и даже в здравом уме и твёрдой памяти, или в городской библиотеке сохранилось грозное предостережение потомству, помогшее горожанам пережить вторичное пришествие прекраснейшей с меньшими издержками. Зубы мне не заговаривайте – эта история уже закончилась. Парнишков жалко? Нельзя ли оживить? Ну, будет день – будет и пища, настанет ночь – может и посвищем. А теперь спать – и никаких гвоздей.

Сергей ПЛОТНИКОВ

ЛЕЙТЕНАНТ АБСУРДА,

или СКАЗКА ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ

Я не знаю, что это у меня получилось, я не знаю, откуда это и как назвать.

Я не путаюсь в эпохах и видах вооружения, поэтому можете не намекать мне об этом.

В остальном можете высказывать всё, что угодно

Каждый делает то, что считает нужным, и пусть мир на этом стоит.

Облизав палец, замираю на секунды, подняв руку вверх, чтобы определить направление ветра, и сразу двигаюсь дальше. Держа винтовку наперевес, я, пригнувшись, короткими перебежками от дерева к дереву захожу с подветренной стороны. Пот струится по лицу и руки уже устают держать огромный литой ствол. Ветки хрустят под сапогами, но это и не важно. В воздухе свежесть, здесь недавно прошёл дождь и вокруг сыро, мои ноги промокли, и я внимательно поглядываю на полочку с порохом. Выхожу на опушку и прислоняюсь спиной к мокрой коре дерева, прижимаю винтовку к груди, успокаиваю дыхание. Выглядываю из-за дерева: впереди на поляне маленький розовый домик, обсаженный клумбами с цветами. Тишина. Надеюсь, я не опоздал. Закрываю глаза, сосредотачиваясь. Всё, пора. Вскинув винтовку, низко пригнувшись, бегу через поляну, перепрыгиваю клумбы с розами и огоньками. Дыхание сбивается. Прижимаюсь к сухой стене дома, восходящее солнце уже успело высушить розовую извёстку. Надо успокоиться. Делаю несколько глубоких вдохов и осторожно ступая начинаю двигаться ко входу.

Прикладываю ухо к окрашенным в салатный цвет доскам двери. Тишина. Неужели опоздал?

Легонько тяну за верёвочку. Заперто. Закрылся сволочь. Ещё раз смотрю на полочку с порохом, дую на фитиль.

Встав перед дверью, со всей силы обрушиваю на неё тяжесть ноги в огромном со стальными подковами на подошве сапоге. Петли выдержали, а вот засов и доски нет. Щепки полетели в стороны, и я вломился внутрь, расшвыривая остатки двери и срывая с лица какую-то занавеску. Вскинутая винтовка привычно упирается в плечо. Крест прицела пробегает по всей комнате и замирает на вытянутом лице бабушки.

– Где волк? – тихо спрашиваю я, отходя в угол потемнее, чтобы контролировать вход.

Бабушка, замерев с кисточкой в руке, продолжает пялиться на меня удивлёнными, непонимающими глазами. Маразм у неё, что ли? Замечаю бигуди на голове, нарядное платье с рюшечками, на столе зеркальце и какие-то баночки. Она макияж наносит, что ли?!

– Бабушка, где Красная Шапочка? – решил зайти с другой стороны.

Бабушка переводит взгляд с меня на дверь и обратно и что-то в её глазах начинает меняться, как и в лице. Оно вдруг краснеет и приобретает откровенно агрессивное выражение.

Несмотря на полноту, бабушка очень проворно метнулась со своего стула ко мне и, встав на цыпочки, упёрла палец с дорогим маникюром в мою грудь. Последующая гневная тирада заставила меня зажмурить глаза и вжаться в стену, обняв холодный ствол винтовки.

Из короткого монолога я узнал о своём предназначении на земле, моих умственных способностях, а также об отношении бабушки ко всякому, кто выламывает ей дверь.

Впрочем, выговорившись, бабушка быстро остыла. Велев ждать её на улице, она снова села у зеркала. С удовольствием покинув дом, я, облокотившись о стену, сполз на землю. Вот так дело. Где же волк? Красная Шапочка?

На дороге из-за леса показалась лошадь, запряженная в пустую повозку.

Ожидая бабушку я достал пачку сигарет «Winston». Пальцы привычно выудили сигаретку. Прикурив от ещё тлеющего фитиля, я затаился за окутавшими меня клубами дыма. Пчёлка, вылетев из заметно пожухшего бутона алой розы, жалобно вжикнула и камнем упала к моему сапогу. Закашлявшись, я задумчиво уставился на её бездыханный труп. Скрип колёс приблизился и исчез. Повозка под ржание лошади остановилась. Я поднял голову. Нарядно одетый мужичок, правивший повозкой, приветливо махнул рукой:

– Как охота?

– Да вот... не очень, – ответил я. – Вы не в курсе, где Красная Шапочка?

– Конечно в курсе. В деревне, у церкви. У неё сейчас венчание, – мужичок радостно улыбнулся. – Я вот за бабушкой приехал. И вы с нами поехали. Мы все помним, сколько ваш отец и ваши предки сделали для этой семьи. Так что милости просим.

– Да вы знаете, я как-то не при параде, – от удивления растерянно ответил я.

– Молодой человек, разумеется, вы поедете с нами. – То вышла из домика бабушка, и я поспешно встал, незаметно закидывая окурочек в клумбу. – Мы вам всегда рады, – она ехидно покосилась на меня, – так что не вздумайте отказываться. А дверь почините позже, – и многозначительно поглядев мне в глаза, она взгромоздилась на повозку.

Спротивляться было бесполезно. Тем более что мне было интересно узнать, что же всё-таки происходит. Так что, сев в повозку, я затушил фитиль ружья и приготовился слушать длинные истории бабушки о молодости и её родственниках.

Изрядно протресься на колдобинах, мы таки въехали в деревню. Видимо, свадьба была событием незаурядным: входы в дома украшены цветами, а некоторые даже бижутерией, дорожки подметены, и люд уже, как я заметил, начинал стекаться к площади у церкви.

Повозка остановилась у изрядно увешанного дешёвыми пластмассовыми цветами дома городского старосты. Из распахнувшейся двери поспешно вышел упитанный мужичок в старом смокинге, вытирая со лба пот. Наш бессменный староста. Видимо, значительная часть хлопот по свадьбе ложилась и на его покатые плечи. Приветственно подняв руку вверх, он широко улыбнулся:

– Здравия вам, лейтенант. Вы таки вернулись со службы и как раз вовремя. У нас знаменательное событие. Прошу вашу ручку, миссис, – все в городке знали, что у бабушки Красной Шапочки никогда не было мужа и что она крайне ревниво относится к тому, как к ней обращаются.

Уважив старушку, староста распрямился и широким жестом пригласил нас следовать вперёд.

Народу у церкви становилось всё больше. Люди выглядят довольными и весёлыми. Абсурд какой-то, ещё раз сказал я себе. Как они не понимают, что женитьба Красной Шапочки на волке – это... абсурд.

Мимо меня важно прошествовал при параде дядя Голля – «неужели и он здесь, столько лет не вылезал со своей мельницы и вот нате, принесла нелёгкая».

Снова захотелось закурить, но эта армейская привычка здесь не в чести, придётся потерпеть.

Ни жениха, ни невесты пока не видно, а интересно было бы посмотреть на того волка, что решил жениться на людской дочери, а тем более на Красной Шапочке, ведь на неё при свете солнца без сожаления смотреть нельзя; чёрт возьми, даже волки начали заниматься брачными афёрами. Тут я задумался, насколько выгоден может быть такой брак волку и насколько могли деградировать волки, чтобы до такого опуститься, но размышления мои прервало начало церемонии.

Люд замолчал и степенно начал проходить в церковь и размещаться по скамьям. Я вошёл последним, оставив ружьё прислонённым к стенке; к сожалению, в церковь при оружии нельзя.

Бабушка Красной Шапочки посадила меня рядом с собой, хотя я бы предпочёл сесть там, откуда обзор по лучше и дверь видно. Незаметно взвёл курок верного кольца: не добрая ведь свадьба, ох не добрая.

Вот и волк, во фраке с бабочкой, выглядит смешно, вот только смеяться не тянет. Рядом шафер. Я наклоняюсь к бабушке и спрашиваю о том, где родственники со стороны жениха... Она отвечает, что те придут к праздничному ужину. Ну да, точно, они ведь когда ни придут, тогда и ужин.

Играет духовой оркестр, меж скамеек в белом платье и с фатой плывёт Красная Шапочка; свой знаменитый головной убор она решила не одевать и правильно, плотная фата её красит гораздо больше.

Священник зачитывает слова клятвы. Я всегда считал Святого отца человеком разумным, но, видимо, и ему здравомыслие изменило.

Открывают футляры с кольцами. Мне интересно, куда одевать кольцо волку, не на коготь же. Ага, на лапу, ну тоже ничего: волк с золотым кольцом на лапе. Где он вообще золото-то взял?

Поцелуй. Я не знаю, как это может выглядеть, и знать не хочу, поэтому закрываю глаза.

Радостные возгласы, поздравления. Всё, можно открывать глаза. Солнечный луч, пронзив стекло витража, пал на новобрачных. От этого церковь наполнилась возгласами умиления.

Пытаясь поймать взгляд шафера, я уставился на его морду, но тот с какой-то щенячей радостью смотрит только на новобрачных. Отлично держит маску. Или они тут правда все с ума сошли и решили стать

родственниками. А что, сотни лет вражды могут-таки прекратиться, волки выглядят вполне миролюбиво; может, это я параноик и пора, отбросив сомнения, зажить мирной жизнью. За размышлениями я не заметил, как невеста снова подняла фату и жених, обняв её за талию, страстно поцеловал. Отвратительно, но глаза я отвести не успел; мой взгляд совсем мельком встретился со взглядом волка, и меня вновь передёрнуло, как на первой охоте; холодок прошёл по спине от откровенно хищнического выражения целующейся волчьей морды.

Невеста с женихом прошли мимо, а я так более и не поднял глаза. Их осыпали головками гвоздик и лепестками роз с пшеном, а я вытирал холодный пот со лба. Сомнения исчезли.

На выходе из церкви ко мне опять прицепилась бабушка Красной Шапочки. То ли её специально ко мне приставили. Празднество состоится за околицей, на лужайке, там уже готовы столы и угощения, скоро придёт и родня жениха, рассказывала мне бабушка, а я вспоминал рельеф местности там и зону обстрела с деревьев. Прихватив ружьё, я оправился вместе со всеми. Бабушка что-то лепетала по дороге, но до меня смысл её фраз не доходил. Вспоминая и подсчитывая количество патронов в патронаже и револьверные обоймы, я раздумывал над тем, как же всё-таки абсурдна наша жизнь.

Выйдя на лужайку, я оперативно потерялся в толпе, избавившись от назойливой бабушки, и по возможности незаметно скрылся в кустах. Сделав дугу, я оказался на другой стороне лужайки. Я уже знал, на какое дерево полезу. Они здесь все знакомы с детства... ах детство, как там было легко и понятно. Повесив ружьё на плечо, я, стараясь не хрустеть ветками, полез на дерево. От людей-то можно не таиться, сегодня я убедился в их слепоте, а вот волки не должны ничего заподозрить. Память не подвела: прижавшись спиной к стволу, я упёрся ногами в ветки – весьма удобно оказалось: и обзор хороший, и зона обстрела отличная, несмотря на густую листву. Оглядев лужайку и суетящихся людей, я положил ружьё на колени. Всё, теперь осталось ждать. Прикрыв глаза, я потянулся за сигаретой. Листва густая, думаю, дым не будет замечен, всё равно первый же выстрел меня выдаст.

Молодой охотник выпустил клубы дыма. Он ждёт. Он точно знает, что ему нужно делать. Возможно, поэтому он не пожелал заметить ручку огромного тесака, выпирающую из-под подвенечного платья Красной Шапочки, а также обилие остро наточенных ножей на столах и оттянутый под тяжестью револьверных патронов карман старого мельника, и странные взгляды бабушки Красной Шапочки, нетерпеливое подглядывание старосты на часы, а ещё колья под столами, отсутствие резающей малышни... В этом мире не понять, кого и от чего спасать. Лучше, чтобы каждый просто делал то, что считает нужным.

ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ:

как оно всё было на самом деле

– Ну кончай уже маникюры-то наводить! Солнце скоро закатится, а корова всё недоена! И что ведь за страхолюдство, прости Господи, – как ровно кровью руки измазаны!..

Красная Шапочка поморщилась, но ничего не ответила и аккуратным слоем лака покрыла левый мизинец. Откинулась на стуле и залюбовалась результатом.

– Выкину я всю твою мазильню, – привычно пообещала мать. Но, убедившись, что дочь не проняет, вздохнула и повернулась к печке – с той договориться было проще.

А Шапочка тем временем вскочила и с метеоритной скоростью понеслась в коровник. Метеориты, правда, каблуками не стучат и дверями хлипкими так не хлопают... Взглянув на кучу свежесоыпанной штукатурки, мать загроутила.

Сколько раз она ругала себя, что так распустила дочь! И давала страшные клятвы – с завтрашнего дня... нет, с сегодняшнего вечера взять её в ежовые рукавицы. Но чтобы иметь такие варежки, надо пойти и убить как минимум двух, а то и четырёх ни в чём не повинных ёжиков, а этого мать сделать не могла. Ведь бедные ёжики превратились бы в абсолютно бессмысленных жертв: Красная Шапочка обладала просто поразительной способностью выскальзывать из любых тисков без какого-либо ущерба для себя.

«Не иначе в отца пошла, – с горечью думала мать. – Он ведь тот ещё ветрогон был... И шапку он эту оставил – ровно в насмешку, а она вцепилась хуже клеща и по сей день таскает...»

Шапка – а вернее берет с весёленьким помпончиком – всё напоминание об отце Красной Шапочки. Услышав, что у вечерних прогулочек имеется продолжение, он вспомнил, что у него кончился отпуск. Прямо-таки в этот же день, бывают же такие совпадения. И дела службы самым настойчивым образом призывают его в город. Так боялся опоздать, что даже шапку забыл.

Мать не плакала, не пыталась отравиться или уехать его искать чёрт знает где. Она спокойно родила девочку и назвала её Красной Шапочкой. А когда та подросла и начала вопросы задавать, как ни странно, получила ответ. На следующий день она залезла в комод – и с тех пор носила шапку зимой и летом, объясняя это тем, что раз у неё такое имя, надо ж его подкреплять и оправдывать.

А мать, глядя, как подпрыгивает красный помпончик на светлых локонах, отвергала все предложения выйти замуж, пожить в одной хате или прогуляться по лесу, пособирать грибочков. Сперва отвергала, а потом они как-то сами собой перестали поступать.

Вот так они и жили вдвоём, не бедствовали, а всё же заметно было, что мужика в доме нет. Известно, деревня: забор подправить, кровлю перекрыть, половицы сменить, чтоб не скрипели... Да мало ли чего. Дров тех же нарубить. Соседа, что ли, звать? Дак ему бутылку ставить надо, чего доброго, ещё и распивать пособлять... «Ну их всех к бесу», – думала мать и, поплевав на ладони, сама отправлялась за дровами на жиденькой лошадёнке. А дом понемножку хирел и уже начинал заваливаться куда-то набок. Ну да не в стенах счастье, как известно.

А Шапочке так вообще наплевать было, что в доме творится. Со всякой там уборкой-прополкой она справлялась одной левой, а потом убегала. Ни одна гулянка без неё не обходилась. Но на закате девочка обязательно возвращалась домой, чтоб не беспокоить мать. Мило болтала, с диким аппетитом ужинала и делала вид, что укладывается спать. А дождавшись, когда мать заснет – упахавшись за день, та моментально отрубалась, – Шапочка выскальзывала из хаты, умудряясь не наступить ни на одну из скрипучих предательниц-половиц, и гулянка продолжалась.

Зато утром девочку надо было поднимать домкратом. Мать уже привыкла к этому и не будила её. Шапочка открывала глаза с четвёртыми, если не с десятymi петухами, подымалась с кровати и навёрстывала проспанные полдня с такой бешеной скоростью, что поводов для придинок совсем не оставалось. Кроме одного, вечного и неизменного, – внешности.

Идёт себе по лесной тропинке девочка. Белая кофточка, юбочка средней (очень такой средней) короткости, босоножки плетёные ножки до самых колен обвили... Лес кругом такой приветливый, солнцем щедро залитый. Помпончик на шапке так и прыгает туда-сюда в такт шагам хозяйки, потому как она тоже припрыгивает и пританцовывает. И даже, кажется, что-то напевает себе под нос.

Придорожные кусты зашевелились, хотя лёгкий ветерок давно успел улечься и даже прикорнуть. Как оказалось, ветер здесь был совершенно ни при чём. На тропинку вышел Волк. Он показался Красной Шапочке просто огромным зверюгой. Может быть потому, что волков она видала только в книжке на картинках. А ещё у Волка на шее был повязан большой малиновый бант.

Волк окинул девочку оценивающим взглядом, облизнулся и спросил:

– Куда, красавица, направляемся в полном одиночестве?

Красная Шапочка остановилась:

– А не мешало бы поздороваться и представиться, прежде чем вопросы задавать. Если так интересно, то иду я к бабушке, жратву ей несу. И у меня, между прочим, времени мало.

– Вай, вай, какая неласковая! – Волк даже прищёлкнул языком от огорчения. – Как же тебя одну-то отпустили, не побоялись? Лес-то – он

страшный... не гляди, что такой солнечный – опасно в нём. Личности бродят всякие... нехорошие...

– Вот кроме твоей поганой морды я нехорошего здесь ещё никого и ничего не встречала! – и впрямь рассердилась Шапочка. – Дай пройти.

– Пройти-то я дам, – усмехнулся Волк. – Но попозже.

Он внезапно прыгнул на девочку и сбил её с ног. Да нет, не стал он перегрызать ей горло – делать ему, что ли, нечего. На языке уголовного кодекса Волку пришили бы изнасилование малолетних и отправили лет на десять лес валить. Но дальше фронта, известно, не пошлют – он и без того был лесным жителем и внаглую решил этим воспользоваться.

Наконец Волк поднялся, отряхнулся и уже хотел по-быстрому сматывать удочки, как вдруг услышал тихий голос:

– Послушай... Мне понравилось...

Тот ошалело воззрился на Шапочку. Она лежала и смотрела на него огромными синими глазами. Он только сейчас разглядел, что она такая синеглазая. И не было в этих глазах ни страха, ни боли, ни унижения, а одно только любопытство. И живой интерес к его скромной (да уж! скромнее некуда) персоне.

Волк смутился и попятился обратно к кустам. Остановился и начал переступать с лапы на лапу, явно не зная, что делать в такой идиотской ситуации.

Красная Шапочка тем временем села, поправила выбившиеся пряди волос, чуток одёрнула юбку и сказала:

– Мне много раз говорили, что секс – не повод для знакомства, но сегодня я хочу плюнуть на эту фразу. Меня зовут Красная Шапочка, – и протянула ему руку. – А тебя?

Серый разбойник ещё немного потоптался на месте, затем осторожно подцепил девчоночью ладонь своей лапицей и пожал её.

– А я – Волк, – прогудел он. – Просто Волк, – и откашлялся для важности. – Очень приятно познакомиться.

– Мне тоже было приятно. Правда, я ничего не успела понять, ты такой быстрый, прямо не волк, а кролик, – засмеялась девчонка. Она уже вскочила и теперь со всех сторон оглаживала волчью шубу. – Но ты мне понравился, у тебя шерсть такая мягкая. И вообще ты милый.

С этими словами она чмокнула вконец обалдевшего Волка в нос. На чёрной носопыре остался отпечаток красной помады.

– Слушай, может, я тебя... это... провожу, – пришла в волчью голову какая-то идея. – Ты вроде к бабушке собиралась.

– Избавиться поскорей хочешь? Не мечтай, не выйдет. А к бабушке мне и впрямь пора.

Красная Шапочка подхватила корзинку, но, подумав, всучила её Волку. Вот так они и пошли вместе по тропиночке.

Волк наконец вышел из ступора и начал поддерживать непринуждённую беседу. Рассказал он Красной Шапочке, что не обычный

он волк, а волк-одиночка. Со стаей не знается, сам по себе живёт и промышляет. Не потрафила чем-то стая – взял да и убежал. Вроде с вожаком чего-то не поделили, не иначе самую зелёноглазую волчицу. У волков ведь с этим просто: не хочешь со всеми жить – вольному воля, иди в одиночки. Таких уважают, побаиваются. С полным на то основанием: одному труднее выжить, многие быстро лапы протягивают. Но если одиночка всё же удержится на плаву, с ним предпочитает не связываться даже хозяин тайги.

Только вот за всё платить надо, за авторитет и силу волка-одиночки тоже. Стая его обратно уже не примет, равно как и волчицу, что с ним сойдётся. Так и будет бродить неприкаянный, а в лунные ночи песни выть – самые тоскливые.

Правда, спутнику Красной Шапочки на все эти высокие и печальные материи было глубоко наплевать. До старости, когда одиночество давить начинает, ему было как пешком до помянутой луны, а лупоглазая юность меж тем успела кончиться. Волк был доволен собой и жизнью и брал от последней, как говорится, всё, что плохо лежало. Слава о его проделках гремела по всему лесу, порой и за пределы выкатывалась.

За разговорами время бежит как породистый рысак, и вот уже за поворотом показалась бабушкина избушка. Нет, без курьих ножек. И даже без деревянного петуха или там конька на крыше. Мрачная такая и неприветливая избушка. Впрочем, Волку это могло и показаться, потому как он загрустил, поджал хвост, а потом спросил разом осипшим голосом:

– Шапочка, ты... это... может, как-нибудь ещё встретимся, а? На том же самом месте...

– Обязательно встретимся! – Красная Шапочка обхватила волчьи уши и немного потрясла их. – На том же самом месте. Скажем, завтра.

– Завтра? Ур-р-ра! – зарычал зверь. Потом подозрительно уставился на девочку. – А не обманешь?

Шапочка в ответ засмеялась, подхватила корзинку и побежала к дому. На пороге обернулась, показала язык, а потом скорчила уморительную рожицу и исчезла за дверью. А Волк свернул с солнечной тропинки и поплёлся в тёмный лес.

Теперь надо сказать несколько слов о бабушке.

Лежит себе на кровати старушка – божий одуванчик: охи, ахи, стоны, капризы, причитания, ворчания, угрозы... Ладно, хватит, а то у слушателей завянут уши. Старость, она, как известно, не радость. Но к этой милой старушке куда больше подходила другая пословица: сделал гадость – сердцу радость.

Не любила бабка людей. Затем и перебралась в лесную глушь, чтоб никого не видеть и не слышать. Всё бы хорошо, да вот незадача: скучно без дела валяться. От скуки бабуся заделалась настоящим авантюристом, прямо героем-разведчиком: по ночам прокрадывалась в деревню и

устроивала разные мелкие и крупные пакости. Кому дырку в заборе сделает, кому ворота за здорово живёшь дёгтем измажет, а кому и амбар подпалит. А потом идёт обратно, потирая руки и похихикивая.

Зачем ей это было надо, она толком и сама не знала. Просто удовольствие получала таким манером – и всё.

Сказывалась она больной, да и в самом деле больная была. Постоянно у бабуся правый бок кололо – не иначе как печень пошаливала: ведь говорят, что от злости именно печень сильнее всего страдает. Ещё у бабки была ужасно морщинистая кожа, просто как у Бабы-Яги, так что ей можно было дать лет сто навскидку. А если подумать да приглядеться – то и все двести. На самом же деле это была женщина средней зрелости, ей едва за пятьдесят перевалило.

Старуха терпеть не могла зиму. Ведь зимой приходилось перебираться в деревню и жить семейно. И никакой – только подумайте! – никакой возможности ночью выйти и чего-нибудь сотворить. Потому как сугробы наметало – дверь не откроешь. Красная Шапочка иногда вылезала через дымоход и, утопая в снегу по самые уши, расчищала проход.

Бабка брала реванш, отыгрываясь на домашних. Терроризировала их со страшной силой, секрет которой заключался в не менее страшной слабости. Красная Шапочка тоже не любила зиму: из-за бабки, из-за холода, необходимости лазить по дымоходу, а потом отмываться в семи водах, а пуще того – из-за вынужденного сидения в четырёх стенах.

Но сейчас лето только начиналось, дни стояли солнечные, ночи – тёплые и пахучие, и обе были довольны: и бабушка, и внучка, каждая на свой лад.

– Вот мой дом. – Волк галантно пропустил Красную Шапочку вперёд.

Ничего себе «дом»! Да это же натуральная пещера! Маленькая и тёмная, только под потолком прорублено небольшое окошечко. Камни у стены сплошь покрыты шкурками, и всё заячьими. В углу – куча старых обглоданных костей, пол не метён... В общем, типичное жилище холостяка.

Однако Волк тут же развил бурную деятельность по приведению жилища в приличный вид. Выволок откуда-то веник и принялся им размахивать. Поднял пыль столбом и сам же расчихался.

Шапочка рассмеялась – уж больно потешный вид был у чихающего Волка с веником в лапе, которой он пытался утереть чёрный влажный нос. Лапа тоже была в пыли, так что чихи следовали один за другим, как пулемётная очередь.

– Да давай я сама уберу, – наконец не выдержала она.

– Ни-ни, ни в коем случае! Ты гостя. Я сейчас... – зверь выкатился за порог и сунул бедный нос в траву. Полегчало моментально. Да и надо признать – он больше дурачился, развлекая девчонку. Но хватит – надо быстрее кончать с уборкой и приступать к развлечению более

интересному. На мягких шкурках ей наверняка будет удобнее, чем на голой траве...

– Я, понимаешь, редко здесь бываю, – оправдывался Волк, сметая с потолка наглых пауков вкупе с их творениями. – Где спать захочется, там и заночую. И добычу удобнее разделывать на месте...

– Тогда зачем тебе вообще дом? – спросила Красная Шапочка.

– Как зачем? Надо знать, что он есть, что в любой момент сюда можно прийти... что он мой и только мой! – стукнул Волк кулаком по венуку. Сперва хотел по стене, но вовремя передумал. – Надо же сзади чувствовать тыл, где спокойно, уютно...

– Уютно! – Шапочка фыркнула. – Завёл бы лучше волчицу какую... Она б тебе и уют навела, и ждала бы каждый раз. А то возвращаешься в холодную и грязную камеру-одиночку.

– Ты не путай Божий дар и яичницу! – Волк рассерженно потряс головой, даже зубы лязгнули. – Я баб терпеть не могу, вся их порода такая – прицепится, так свету белого не взвидишь. Мне такой хомут на шею не надобен. Под кустик прогуляться – это другое дело, это я очень даже уважаю, а чтоб всерьёз связываться... Пусть из моей шкуры охотники решето сделают, ежели я введу бабу в дом! – закончил он с убеждённой фанатикой.

– Но меня же ты ввёл, – склонилась набок головка в красной шапочке. И взгляд – такой ехидный-ехидный...

– Тебя... Ты... – неожиданно растерялся Волк. Прямо-таки замер сталагмитом пещерным. – А ты... а ты не баба, вот. – Выдав сей оригинальный бред, он совсем по-собачьи улёгся у её ног и голову на колени положил впридачу.

– Ну не баба. Женщина. Девушка, девчонка – всё равно я женского рода, – как несмышлёнышу втолковывала ему Красная Шапочка. А руки уже как-то сами начали теревить волчьи уши.

– Всё это чушь заячья! Нет в тебе ничего, что я в женском роде ненавижу. Они все трусливые, порядочные, расчётливые и въедливые до ужаса.

– Как видно, ты много знаешь о женщинах, – усмехнулась Шапочка.

– Да уж довелось!.. – Волчара оскалился, а потом ухватил зубами тонкое запястье и начал осторожно прикусывать. Да ещё горячим дыханием обдаёт, как из печки. А оно такое щекотное...

Девочка засмеялась. Ей нравился Волк именно смешением чувств, которое он вызывал. Эдакие клыки на тебе смыкаются – ну что ему стоит сомкнуть их до конца? Вон как хищно прищурился, жуть берёт! Мурашки по спине ползти начинают...

Ага, мурашки. Только вот появляются они совсем даже не от жути, а оттого, что этот лесной зверюга такой нежный... И наглый к тому же: уже не руки – коленки зубами тискает, а лапа ползёт куда-то выше. Лапа большая и тяжёлая, шерсть на ней то жёсткая и свалявшаяся, то

неожиданно мягкая. А когти... ой, они такие острые и громадные... но вжаты в чехольчики и потому только щекочут. Ох, ну что же ты творишь, серый разбойник!..

...А на заячьих шкурках и впрямь было удобнее. Получился такой сэндвич: снизу – заячьи шубы, сверху – волчья, а посередине – голая и абсолютно счастливая девчонка.

Вечерело. Последние лучи заходящего солнца лениво возлежали на кронах деревьев, подумывая о том, что скоро им придётся покинуть столь гостеприимное место. Мычали загоняемые домой коровы, в речке поплёскивалась рыбёшка, а парни стояли на берегу и курили.

– Что-то не видать нашей супердевочки, – сказал один из них, бросив окурок в воду. – Давно не выходила погулять.

– Да-да, – подхватил второй, – ей, похоже, слава голову вскружила. Я её третьего дня встретил: как, мол, что-чего. С лаской к ней – Шапочка-лапочка, а она – некогда, дай пройти.

Парней звали Сеня и Веня. Сеня – тот, что повыше, а Веня – пониже ростом и толстенький, как колобок. Однако именно он слыл главным знатоком по девушкам. Знал, видать, какие струны в них задевать для хорошей музыки. Потому и было ему обидно, что кто-то вдруг ускользнул из цепких лап его обаяния.

– Ба, да вот и она сама, легка на помине, – махнул рукой Сеня.

Красная Шапочка возвращалась домой. Её гнал поистине волчий аппетит, нагулянный за целый день шатаний по лесу. А ещё ей очень хотелось поскорее вернуться обратно. Ночь собиралась быть ясной, и Волк обещал рассказать, как по-лесному называются созвездия. И даже хотел показать какую-то невиданную, обалденно красивую звезду, мол, про неё никто толком не знает, только он... Вот же интриган мохнатый...

О чёрт! Ну вот только этого не хватало!

– Здравствуй, Красная ты наша Шапочка, – сладко пропел Веня, засунув руки в карманы. – Нехорошо друзей забывать. Выходи на бережочек, как солнышко скроется.

– Мы по тебе соскучились, – добавил Сеня, ухмыльнувшись.

Шапочка зевнула во весь рот, даже не прикрыв его.

– Никаких бережочков, – сказала она. – Я спать хочу. Я весь день за грибами ходила, устала в доску, а их уже все повырвали, одни ножки торчат... Мне теперь пожрать и спа-а-ать...

– А ты пожри и приходи к нам спать, – предложил Сеня. А Веня промурлыкал: – Мы тебе колыбельную споём...

Обнял девчонку и потянулся на носочках поцеловать. Та немедленно тоже встала на носочки. Удивлённый Веня вместо поцелуя получил подбородком в нос, а девчонка тем временем выскользнула, построила длинный и оттого особенно обидный нос и вприпрыжку убежала домой.

– Чего это она? Сбесилась? – недоумённо спросил Сеня.

Приятель проворчал, ощупывая распухший нос:

– Она всегда была бешеная, не в этом дело... Нечисто тут что-то. При чём тут грибы, какие ножки? Вон, Катюха сегодня полное лукошко тащила... Чего-то Шапочка воду мутит.

Сеня вдруг загорелся идеей:

– Она по-любому нынче выйдет, так? Ночью она не в своей койке – это всем известно, – хохотнул он. – Ну и давай проследим, куда она потащится. Может, хахаль какой особый завёлся. Хотя откуда ему взяться... в нашей деревушке все парни наперечёт...

Упоминание хахаля разозлило Веню, и он сказал:

– Давай.

А Красная Шапочка тем временем запивала холодную картошку простоквашей и беспечно болтала ногами под столом, то и дело поглядывая на большие настенные часы с кукушкой. Часы были серые. Раньше Шапочка ненавидела этот цвет, а теперь он стал... не любимым – особым. Она везде его замечала и могла долго смотреть, вспоминая рычащий голос, зелёные мерцающие глаза, оскаленные клыки – такие страшные и в то же время нежные... Длинный хулиганский хвост... ага, ладно, хватит дурью маяться, надо живей доедать картошку...

Шапочка теперь убегала в лес при первой возможности. И невозможности тоже. Волк обычно приходил на полянку, где они так занятно познакомились, а уж оттуда парочка отправлялась либо по намеченному Волком маршруту, либо так – куда занесут лапы и ноги в плетёных босоножках.

Волк оказался чертовски интересным собеседником. Он с жаром и рыком рассказывал про свой лес, про его обитателей и повадки-привычки, жаловался на «этих сволочей-охотников, которые как устроят облаву – так проклинаешь весь белый свет...» Водил девчонку по тайным и заповедным местечкам, порой настолько страшным, что она ёжилась как от холода и жмурила синие глаза, и тогда Волк клал тяжёлую и тёплую лапу ей на плечи...

Потом они вспоминали, что у них имеется ещё такой орган, как желудок, и зверь топал на большую дорогу (или на совсем незаметные тропочки) караулить добычу. Затем её делили на две очень неравные части, и Шапочка разводила костёр. Пришлось захватывать из дома спички, соль и хлеб.

Ох, до чего же вкусной была ароматная свежезажаренная дичь! Вредный Волк, попробовав кусочек, обозвал гадостью и заявил, что сырое мясо, да ещё со свежей кровью, не в пример вкуснее. С этим уже не согласилась Шапочка. В итоге девчонка садилась боком к огню, волчара подсаживался с другого бока, и оба уплетали порцию по своему вкусу, но с одинаковым хрустом и треском за ушами. Красную Шапочку абсолютно не смущал вид какого-нибудь несчастного окровавленного зайчика.

Совсем перестала Красная Шапочка общаться с деревенским народом. «Здрате–до свидания» – и вся недолга. Лесной серый хищник сманил самую весёлую и заводную девчонку, без которой и песни не так пелись, и хороводы не эдак водились. А Шапочка, пару раз встретившись с Волком, обнаружила, что в деревне ей скучно и что все парни ей надоели. В конце концов, они быстро теряли к ней интерес – до следующей ночи, и не рассказывали столько забавных и захватывающих историй... А ещё они после Волка казались какими-то лысыми. Волку же, наоборот, нравилась её гладкая кожа...

– ...Ну что я тебе говорил, – ткнул локтём Сеня в пухлый Венин бок. Тот было взвыл, но, памятуя о конспирации, зашипел и вернул тычок в удвоенном виде. Теперь зашипел Сеня, но Веня уже отполз в сторону, поднялся и кошачьим шагом двинулся за Красной Шапочкой. И вовремя: красный помпончик подпрыгивал где-то уже у самой кромки леса.

Шапочка спешила. Конечно, ночной воздух, и шуршание трав, и замершая ласковая речная гладь – всё это очень хорошо, но вот как-то в одиночку они не так интересны. Куда веселее на это любоваться, прижавшись к тёплому мохнатому боку...

– Точно хахала завела, – шёпотом бурчал Сеня, продираясь сквозь густой кустарник, для чего ему приходилось сгибаться в три погибели. – И явно не из нашей деревни – то-то в лесу от чужих глаз хоронятся...

– Я этому ейному хахалю... – со злостью сплюнул Веня. – Тоже мне, любовь великая и светлая! Пусть знает своё место, ш-ш-шмара недоделанная...

– Тиш-ше! – шикнул Сеня. – Пришла на место встречи.

Шапочка добралась до их закодированной полянки и огляделась. Волка нигде не было видно. Она тут же надулась. «Я к нему, понимаешь, лечу, едва ноги на этих каблуках не сворачиваю, а он опаздывает, как барышня кисейная!» Хотя ведь часов у зверя нет... Да и у Красной Шапочки их не было. Ориентировались они по светилам небесным да по стуку собственного сердца.

Шапочка с размаху плюхнулась на траву. Со скуки уставилась в звёздное небо. Вон Большая Медведица. Интересно, любит ли она мёд? И из чего он сделан – из космической пыли? А кто тогда пчёлы?... А маленький Медвежонок слушается маму? Тоже, наверное, шалит и своевольничает, а та его шлёпает и ставит в угол... или что у них там есть... И вообще, Большая Медведица, Медвежонок – а где Медведь? Где ихний папка? Или он тоже, как на земле... Девочка вздохнула, стянула с головы берет и отбросила его в сторону.

И завизжала на весь лес. Так что даже Большая Медведица головой покачала – в ней сразу две звезды замигали. На Шапочку навалилась сверху громадная тень. Укоризненно проворчала:

– Я думал, оглохну. Ты что, не догадалась, что это я?

– Догадаешься тут, когда так внезапно – бац сзади! – сердито ответила девочка.

– А я вообще внезапный, если ты заметила, – ухмыльнулся Волк и, лязгнув зубами, попросил: – Ты лучше бант завяжи, а то он весь перекосился набок куда-то.

Тонкие проворные пальчики с красными ногтями, в скудном ночном свете ставшие чёрными, принялись бороться с наглухо затянутым морским узлом.

...Когда от тёмных деревьев на опушке отделилась серая тень и заскользила к Шапочке, парни заволновались. Сеня даже заоглядывался в поисках подходящего орудия, но ему пришлось заткнуть уши. А когда он их освободил, то услышал нечто вообще несуразное: Волк с девочкой болтали как старые приятели, та его обихаживала, а потом он потащил её куда-то, говоря, что там будет лучший обзор...

«Может, я сплю?» – подумал Сеня и ущипнул себя за руку. Стало больно. Да и ни в каком сне, даже самом кошмарном, не привидятся (не прислышатся?) такие вопли. Он оглянулся на товарища – тот уже осторожно продвигался вперёд и махал рукой: мол, давай за мной. Сеня сделал шаг и наступил на какую-то сухую ветку, дико захрустевшую. Веня резко обернулся и зашептал:

– Идём тихо-тихо, тише мышек! Близо не подходим. Не дай Бог почует – сожрёт и косточки выплюнет.

– Может, не сожрёт... Он умный, с ней вон базарит... – пробормотал долговязый Сеня. – И вообще, тебе хорошо: ты в любую норку спрячешься, а мне тут гнуться в дугу надо...

– Ну и погнёшься. Авось радикулит не заработаешь, – презрительно бросил Веня.

Приятели с грехом пополам проследили путь интересовавшей их парочки и, когда та наконец остановилась, с облегчением улеглись на пузо за кустами. Сквозь них всё было видно и слышно.

– ...Нет, ну обалдеть! Кассиопея – Кикимора! Это ж надо додуматься! Ты посмотри, какая она красивая! И как протяжно звучит – Ка-сси-о-пе-я-а-а... А тут – Кикимора болотная! Нет, ну вы совсем с ума походили...

– Я ж тебе говорю, – втолковывал Волк. – Кикимора в лесу – второе лицо после лешего. Ей надо почёт и уважение оказывать, иначе она своим болотом весь лес затопить может. Бр-р-р! – зверь затряс головой, как будто его окатили холодной водичкой. – Шапочка, ты не представляешь, какая это пакость – разлившееся болото. Нет уж, языки не отсохнут, пусть лучше мы эти звёздочки неблаговзвучно обзываем, зато и хозяйка болотная на нас не рассердится...

Они сидели на берегу речки на поваленном дереве. Обзор и впрямь был замечательным: огромное небо отражалось в воде, и звёзды были повсюду – и сверху, и снизу. Шапочке казалось, что они не на берегу сидят, а

давно уже вылетели в открытый космос... Но тут она что-то вспомнила и вернулась с небес на землю.

– Эй, Волчара, – пихнула она зверя в бок. – Ты мне обещал показать самую красивую звезду. Ну и где она? Не взошла ещё, что ли?

– Ах да, звезда, – оживился Волк. – Почему же, она взошла, но увидеть её можно только в этом озере.

Он наклонился над водой и призывно махнул лапой. Девочка подошла и тоже уставилась в озеро.

– Ну и где?

– Да вот она, – тыкал Волк лапой куда-то очень близко к берегу. Красная Шапочка проследила за его движением, но по воде бежала рыбь от волчьей лапы.

– Да ты нагнись! Пониже. Ещё!

– Но здесь только моё отражение... Ах ты, чёрт зубастый! – она выпрямилась и захохотала. – А я-то думала...

Договорить она не успела, потому что Волк столкнул её в воду. И с удовольствием констатировал:

– Падающая звезда! Ну вот, я загадал желание.

– Дядя Ваня, но его надо непременно убить! И чем скорее, тем лучше! Нет, но это же просто хамство: сманил человеческую девку – и как будто так и надо! Вот же серый гад...

– И ладно б кого ещё, а то именно Красную Шапочку, – добавил Сеня.

– А что он тебе – дурак? Небось выбирал самую лучшую, – резко ответил Веня и, повернувшись к охотникам, продолжал: – Дядь Ваня, дядь Костя, ну неужели обязательно тянуть до осени? У вас же такие ружья крутые... и вы никого не боитесь – ну что, вам трудно его сейчас подстрелить?

– Ты, малый, не лебези! – сверкнул глазами из-под густых нависших бровей дядя Костя. – И с панталыку нас не сбивай: если сейчас устроить облаву на твоего Волка, весь лес переполошится! А летом зверью полагается спокойненько жир набирать, чтоб нам же потом и досталась хорошая добыча.

– Так что вы, ребята, гуляйте пока до осени, – добродушно заговорил дядя Ваня, пожилой и усатый охотник. – А глядишь, она и сама его бросит: зверь всё ж таки... Это скотоложство уже какое-то, – плюнул он с отвращением и растёр плевком сапогом.

Парни вышли на улицу. Раздосадованный Веня пнул подвернувшийся под ногу камушек, отчего тот взлетел на воздух и, описав извилистую дугу, звонко бамкнул о сохнувший на плетне горшок. Горшок разлетелся на художественные черепки для будущих археологов, а приятели дали дёру, пока не вышла хозяйка и не разоралась.

– Август только начался. Это целый месяц ещё ждать, – уныло протянул Сеня. – Похоже, нам Шапочки как своих ушей в этом году не видать...

– А я её, если честно, уже и видеть не хочу, – сказал Веня и прислонился к плетню, на котором, слава Богу, никаких горшков не висело. – Просто хочу восстановить справедливость и порядок. Человек должен жить с людьми! А если он от них уходит куда-то к чертям мохнатым – пусть за это платит и не жалуется. И вообще, – у него загорелись глаза, – давай-ка ей устроим тёплую встречу... Торжественную, с речами и приветствиями – она ж у нас звезда...

– Да не простая, а падающая, – вспомнил Сеня, и оба захохотали.

Тёплую встречу оказалось до смешного легко устроить: событий в деревне случалось мало, и новости, особенно такие пикантные, ловили в оба уха. Когда на следующий день Красная Шапочка, как обычно, пошла за водой, от речей и приветствий не было отбоя:

– Волчья невеста!

– Да какая невеста! Жена законная. Скоро детки пойдут...

– Да вы что – это ж заколдованный царевич! По ночам шкуру сбрасывает, в добра молодца обращается...

– Сам ты царевич! Ей просто зверюги нравятся, извращенка потому что. Эй, Шапочка, у меня здоровенный кавказец есть, хошь приведу? Тебе понравится!

– Не, она своему лесному чучелу верность блюдёт!..

– Ты полегче, а то она нажалуется – он придёт и тебя съест! Ням-ням!..

Красная Шапочка от растерянности даже ведро выронила, чем, конечно, вызвала новый приступ хохота и улюлюканья. А когда он малость стал потише, подобрала ведро и звонко крикнула:

– Вот что такого вы мне сказали, чего я без вас не знала? Это всё правда: и про невесту, и про деток, и про то, что я извращенка! Ну а если так – то вы все правильные и порядочные, мне с вами скучно! Вы даже дразниться-то не умеете как следует, – и на глазах у всей деревни прошла колесом. И ещё раз. И ещё. Юбка на ней, конечно, задралась по самое не могу, но девчонку это не слишком заботило. Набрала воды и преспокойненько пошла её относить.

Дразнить её после этого всё же не перестали, хотя и продолжали с куда меньшим пылом. Но главное – до матери долетело, и та не знала, верить или не верить. И на всякий случай устроила скандал. А Шапочка хоть и держала марку независимости и принципа «а мне наплевать», на самом деле ей от всего этого было паршиво и наплевать как-то не удавалось. И она не придумала ничего лучше, как поговорить со своей бабкой. Мол, она хоть и вредная, а всё ж женщина бывалая, поймёт и посочувствует, ну и всё в таком роде.

Старуха и впрямь оказалась бывалой, и смекалистой к тому же. Услышав, что внучке в деревне житья нет, заохала, запричитала и сказала, что её дом – приют для гонимых и обиженных. «И Волка своего приводи, я посмотрю, только чтоб без шуток!» Бабуся сообразила, что если она Шапочку сейчас поддержит, та ей доверится и выболтает много полезной

информации. С которой будет несравненно проще извести этого проклятого Волка.

Здесь надо оговориться: бабушка была, как ни странно, без предрассудков. Её не трогало, что внучка якшается с лесным зверем. Да хоть с чёртом рогатым, лишь бы... Вот тут начинаются сложности.

Бабуля давно заметила, что внучка какая-то... по-особому счастливая. Ведь любовь и кашель не скроешь, как гласит пословица. А старуху р-р-раздражало людское счастье, она его всеми старческими силами разрушить пыталась. И вот открылся такой подходящий случай.

Падает с дерева жёлтый лист. Падает медленно, не спеша, можно сказать – с достоинством. А кто это сказал, что у листка чувства собственного достоинства быть не может? Ещё как может. Он ведь ничего плохого не делает, падает себе и всё. С высоты причём, с самой верхушки. Но спокойно осесть на землю ему не удаётся: на лету его ловко ухватывают острые зубы. Довольный Волк относит «добычу» Красной Шапочке.

На листке прокушены две дырочки. Девочка смотрит сквозь них, вертит лист и так и эдак. Потом прикалывает его ёлочной хвоинкой себе на шапку и спрашивает:

– А наш ребёнок ведь будет оборотнем, правда?

Волк скалитя во всю пасть – это у него такая улыбка:

– Пр-р-равда. Он будет человеком или волком по своему желанию. Забер-рёт качества обоих р-р-родителей. – И снова рычит от удовольствия.

Шапочка в рассеянности перекатилась набок и подпёрла голову рукой. Уставилась в синее, по-сентябрьски прозрачное небо.

– Знаешь, Волча, я так люблю осень... Вот такую раннюю, когда уже всё такое жёлто-буро-красное, но ещё тепло. Потому что стараешься урвать, уворовать побольше счастья и воли, пока ещё солнце греет! А потом как заладит собачья слякоть, а там и вовсе зима притащится... Бр-р-р! Ненавижу зиму всеми потрохами.

– За что такая немилость? – удивился Волк. – Это мы всем лесом её дружно ненавидим, а людям-то что? Вы печки топите, едите от пуза урожай свой, и в огороде работать не надо...

– Ага! Тишь, гладь и Божья благодать! – перебила девчонка. – А если я тишь не перевариваю? Если мне больше нравится вкалывать в три руки, а потом шашни до зари крутить? На чёрта лысого мне эта зима, когда я как в клетке – сугробы наметёт, не выйдешь... Да и выйти некуда. И бабка ещё к нам перебирается, это вообще кошмар...

– Хорошая у тебя бабушка, – возразил серый. – Вежливая. И с пониманием: меня не выгоняла и не кричала...

Шапочка огрызнулась:

– Это по принципу «скажи спасибо, что из дома не гонят»? Дурацкий принцип, им всякую гадость можно прикрыть и ходить спокойно!

Она вскочила. Голова внезапно закружилась, пришлось прислониться к дереву. Волк наблюдал за ней с опаской.

Она заговорила – непривычно медленно и страстно:

– Как хорошо здесь! Ты только посмотри, какое прозрачное небо... какая тонкая паутинка... какой воздух хрустящий... Ах, как бы я хотела всё это сохранить, удержать... Всё такое огромное... как сама жизнь. У меня рук не хватает её обнять... а так хочется! Я ужасно её люблю. И тебя тоже люблю, очень-очень.

Обняла волчару за шею и поцеловала – как всегда в нос, но непривычно долго. Как будто выпить его хотела – до дна. Ни капли не оставив.

Вздохнула:

– Ну ладно, пойду. Помидоры с мамкой солить будем – уродились в этот год...

– Ночью-то придёшь? – спросил серый разбойник.

– А как же! – хитрюще улыбнулась Красная Шапочка. – Жди.

И ушла. А ночью Волк напрасно её прождал: соленьями занимались до глубокой полуночи, и Шапочка сама не заметила, как отрубилась. За завтраком мать сказала:

– Мы давно у бабушки не были. Сходи, попроведай, да пирогов вот ей отнеси. Ещё тёплые...

Красная Шапочка и пошла по лесной тропинке. Светило её любимое прощальное солнышко, но на него почему-то совсем не хотелось любоваться. Девочка ускорила шаг, сама не зная почему.

А к бабушке в избушку утром зашли два охотника. Те самые дядя Ваня с дядей Костей, которых просили Волка-то подстрелить. Для наведения справедливости и порядку. Они уж, почитай, и забыли про это, да бабуся им напомнила. Состроила несчастную мину и принялась жаловаться: зачаровал, дескать, такой-рассякой лесной гад мою внучку, сладу с ней никакого нет, а сам-то момента хорошего выжидает, чтобы съесть! Для того и в доверие втёрся. Охотники и вспомнили, и ругать начали на чём свет стоит и Шапочку, и Волка.

Тут дверь открывается, и заходит Волк собственной персоной. Он проверить решил, не зашла ли Красная Шапочка к бабушке. Заодно и старуху навестить – он к ней тепло относился. Как охотников увидел – попятился было, но бабуся тут как тут: мигом дверь захлопнула и засов задвинула. И кричит охотникам:

– Это он! Стреляйте его живее, он и меня съесть хотел! Видите – притаился к одинокой старухе внаглую!

– Да что вы, Клавдия Ивановна... – изумлённо начал Волк, но курки были уже на взводе, и оба выстрела грянули почти одновременно.

Зазвенела на полке посуда, тревожно звякнули окна – громадная волчья туша свалилась на пол.

– Ах ты, чёрт, – проговорил дядя Ваня, садясь на корточки над распростёртым зверем, – шкуру попортили...

– Да, как-то всё так неожиданно... – начал было дядя Костя, но его прервал стук в дверь. Дробный, частый, требовательный.

Дядя Костя пожал плечами и пошёл открывать.

– А... а... – корзинка выпала из рук Красной Шапочки, пироги покатались по полу. Ещё тёплые, румяные, пышные пироги. Она наступила на один из них каблуком и не заметила.

– Волк! Волчара, Волча, Волчишка... Очнись, это я! Слышишь, ну быстро вставай! – Она тряхнула его – раз, другой... В руки ударила гулкая тяжесть мёртвого тела.

Довольная бабка хихикнула со своей лежанки:

– Потряси, потряси. Может, сделает одолжение, встанет. А может, ещё за живой водичкой сгоняешь, а, Красная Шапочка? Хочешь, адресочек дам?

Шапочку как будто молотком долбанули по голове. И даже красная шапочка не смягчила удар.

– Ты же говорила, что он такой милый... Он так о тебе отзывался хорошо... А ты... вы... вы что вообще наделали, сволочи?!

Дядя Ваня успокаивающе взял её за руку:

– Красная Шапочка, ну зачем ругаться-то? Ты теперь свободна, это в тебе остатки чар говорят, ну да скоро и они развеются. Будешь ты снова жить-поживать как все добрые люди.

Жить... Девчонка ухватилась за это слово: она будет жить... А как же Волк? Неужели ей никогда-никогда больше не слышать его рыка, не бродить вместе по лесу – вообще больше не встретиться с ним? И опять уйти к «добрым» людям, которым она нужна была как красивая кукла, а стоило ей и впрямь стать счастливой – так сразу вроде костяшки в горле... А теперь эти добрые кокнули Волчишку – и рады. А ей-то что остаётся? Ребёнка родить? Оборотня... Чтоб его травили всей деревней, а потом тоже убили? А жить он будет – без отца, как она? И она сама – как мать, одиночкой, соломенной вдовой... Уже настоящей... Нет! Ни за что!

– Нет! Нет! Не хочу! Не хочу как мать... не хочу, чтоб он как я рос... – девчонка закрыла лицо руками.

– Послушай, Красная Шапочка... – начал было дядя Ваня.

– Слушать ничего не хочу! – выпалила та. Увидела на столе охотничий нож – им хлеб к завтраку резали. Метнулась, схватила его и, выдохнув: «Будьте вы все прокляты!» – воткнула в глотку. Свою, разумеется. В чужие она не умела.

Новость разлетелась со скоростью вспугнутого воробья. К бабушкиному дому сбежалась добрая половина деревни. Любопытные заглядывали в приоткрытую дверь, толпились у немых окон и переговаривались между собой.

– Такая молодая!.. Такая красивая!..

– Мать жалко. Она ж у неё одна-единственная, как в поле рябинушка...

– Это всё этот мерзкий зверь...

– Ага, мерзкий, она из-за него зарезалась...

– Да дура потому что! Нашла с кем связаться. Говорил я: добром это не кончится.

– Ты насчет дуры полегче! Про мёртвых...

– Ох, и наедемся блинов на поминках!

В доме прогрохали сапоги. На крыльцо вышел дядя Ваня и услышал последнюю фразу.

– Какие блины?! – грохнул он кулаком по хлипкому косяку. – Какие блины, я спрашиваю?! Кто их готовить будет? Мать, что ли, ейная? Да она бьётся, как припадочная, того гляди ума решится!

Он разглядел сиротливо жавшихся в сторонке Сеню и Веню и шагнул к ним.

– Вы что, стервецы, наговорили? «Увёл насильно», «смотреть противно»... А вы, поганые ваши хари, хорошо смотрели? Али не видели, что она добровольно с ним спелась? Так что на тот свет следом отправилась. Или вам того и надо было? – Он схватил обоих парней за грудки. Веня только хлопал круглыми от ужаса глазами, а Сеня жалобно блял:

– Да нет, что вы... мы не хотели... мы только...

– Да брось ты их, Иван, – дядя Костя тоже вышел на крыльцо. – Тут старуха ещё масла в огонь подлила: чары, чары... Карга проклятая...

Дядя Ваня разжал руки – парни тут же благоразумно смылись – и проговорил, глядя на напарника:

– Мы же с тобой, получается, девчонку-то прикончили... Кабы не стрельнули, она б...

Тот взъелся:

– Ах, мы с тобой? Если бы да кабы? А вот они все, – он махнул рукой на притихший народ, – не при чём, да? А ты не слыхивал, как её каждый божий день дразнили да попрекали серой шкуркой? А...

...Бабка потеряно сидела на кровати, подобрав под себя ноги, и качала головой, бормоча под нос: «Но я же не хотела, чтоб до смерти... Я же так, пугануть хотела... ну поиздеваться малость, самую чуточку... а оно вона как вышло...» Переводила взгляд с внучки на дочь и обратно. Внучка изломанной веткой лежала на Волке, кровь на ней уже почернела и абсолютно не гармонировала с красной шапкой. А дочь, кажись, снова грохнулась в обморок: вон, из дома выносят, чтоб ветерком пообдуло...

А в это время в деревне объявился неизвестный гражданин, весь какой-то помятый. Он только что сошёл с редко ходящей в этой глухомани электрички. И удивился, чего это кругом переполох стоит – мол, когда он тут бывал по молодости, было куда спокойнее.

– Что? Волка убили? Ну так и хорошо – он овечек ваших таскать не будет... А девчонка-то причём? Кого зарезали? Да что вы все галдите – я ни черта не разберу!.. Вот это ничего себе любовь...

Гражданин вызвался пойти посмотреть. Тут же нашлось с десяток провожатых, трещавших без умолку и дополнявших дело всё новыми и новыми подробностями, так что бедный приезжий не знал, чему и верить. Кое-как добрались до зловещей избушки. А тут как раз приводили в чувство мать Красной Шапочки. Гражданин спросил, нахмурившись:

– Это она?

– Нет, нет, она в доме, это мать... – наперебой начали ему возражать и тянуть в дом. Но он сердито отмахнулся и наклонился над женщиной. Проговорил разом осипшим голосом:

– Маша... – Откашлялся. – Мария!

Та с трудом разлепила веки – и вздрогнула. На неё смотрели глаза дочери. Такие же синие и пронзительные, только почему-то тревожные. Красной Шапочке это чувство было абсолютно незнакомо.

– Шапочка, что случилось? – слабым голосом спросила мать. Перевела взгляд с глаз на лицо и охнула: незнакомый мужик, плохо выбритый, рубаха мягая, под левым глазом (как только сразу не заметила?) желтизна от незажившего фингала... Незнакомый?

– Андрей, – выдохнула мать. Попыталась подняться. Мужик помог. – Андрей, ты откуда взялся? Очень вовремя, кстати. Отпуск, что ли, получил? Первый раз за семнадцать лет?

– Да я... того... В общем, от бузы всякой отдохнуть, здоровье подправить... а то оно у меня ни к чёрту... У вас тут вообще что творится? Какая-то ахиня про Волка, про Красную Шапочку какую-то... Разве так детей называют?

Мать отстранила руку, поддерживавшую её. Выпрямилась.

– Здоровье, значит. На курорт приехал... – Она развернулась и отчеканила: – Вон там лежит твоя дочь. Мёртвая. Я назвала её Красной Шапочкой, потому что шапка – это всё, что ты мне оставил, кроме ребенка.

– Что... как... моя дочь... – забормотал Андрей. Он влетел в избушку и уставился на живописную картину, представшую перед глазами. Наклонился и снял с белокурой головы красную шапку. Повертел в руках. Точно, его шапка. И помпончик тот же, весёленький, пушистый.

Медленно, как во сне, он вышел на крыльцо и уселся прямо на порог, обхватив голову руками. А потом сросил – тихо-тихо, но так, что все услышали:

– Что же мне теперь делать?

И все молчали, никто не знал, что ответить. Только Мария опять слабо качнулась и бессильно склонила голову набок.

– Ну иди, приводи в чувство, – проворчал дядя Ваня. – И вообще – хоронить надо, что мы тут стоим, как сороки-бездельницы... Положим их рядышком, раз такое дело...

Андрей с трудом поднялся и, пошатываясь, направился к Маше. А выпавшая из его рук красная шапка так и осталась валяться на крыльце.

Анатолий ВЕРЕЩАГИН

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ КОЛОБКА

Я хочу рассказать вам грустную историю о Колобке.

Он появился на свет в один из самых скучных годов в истории Земли. Царь Горох к тому времени уже умер, а царь Соломон ещё не родился. Премудрого индюка сварили и съели, а курочка Ряба ещё не научилась нести золотые яйца. Миру, для того чтобы жить, нужны как злодеи, так и герои. Но к тому лету Добрыня Никитич убил последнего Змея Горыныча и освободил Марью Непутятичну. Соловей Разбойник ушёл на заслуженный отдых по инвалидности – после того, как Илья Муромец по пьянке выбил ему последний свистящий зуб. О Кощее Бессмертном давно не было никаких известий, так как Василиса Прекрасная превратилась в несносную тещу. Зять поговаривал, что лет через десять она превратится в Ягу. Но это было пока неизвестно жителям того скучного года. В исторических хрониках не сохранилось даже имя царя, который правил тогда.

Кстати, а может быть, и нестати, по ходу повествования появился риторический вопрос. Откуда берётся вся нечисть на Земле? Вроде все живут тихо. Радуются мелким чудесам, таким, как рассветы и закаты, дождь с градом летом и снежные бури зимой, потом вдруг появляется Чудище Болотное и устраивает вселенский переполох. Наверное, во всём виноваты Герои. Живёт себе Герой, знает, что он Герой, а соседи не знают. Он, бывало, зайдет к соседу в гости, выпьет на халяву самогонки, а потом начинает бить себя левой пяткой в грудь и кричать: «Я – Герой!» Сосед зовет в гости другого соседа, хряпают ещё по стакану первача и вместе связывают Героя до утра. Герой видит, что ему не верят, что он Герой. Тогда он идёт на Большую Дорогу, убивает первого, кто ему попадётся под руку, независимо, кто перед ним – человек или животное, гримирует его и кричит всем, что он, Герой, убил чудище или монстра. Из-за такого «Героя» пострадал, как известно, великий добряк и один из первых стандартизаторов в мире – Прокруст. Он был до того гостеприимный хозяин, что всем гостям предлагал свою собственную постель. Пришёл Герой Тесей и убил бедного Прокруста. Наверное, простынь не понравилась или, может быть, подушка. От этого хулигана пострадал также небезызвестный бургер и добрый хозяин Минотавр, который вообще со своими гостями никогда не расставался.

Впрочем, рассказ ведётся сейчас не об этом.

А в тот год, когда родился Колобок, с самого нового года ничего не было примечательного. Снег шёл мягко, без ветра, весна пришла вовремя и продолжалась столько, сколько ей было положено. Даже деду Мазаю не пришлось отличиться, потому что не было наводнения. Снег потихоньку стоял, вода отчасти впиталась в землю, отчасти испарилась, а большая часть стекла потихоньку в реки и ушла в Синее море. Люди уже начали поговаривать, что такое затишье не может долго продолжаться. Что оно бывает либо перед бурей, либо перед мором, либо скоро родится царь Ирод. Но вместо Ирода родился Колобок. Неизвестно, может быть, благодаря Колобку Ирод родился на много лет позже, и мир получил великого пророка, которого перевоспитали впоследствии в сына Бога. А родился Ирод раньше, и не было бы у нас сейчас христианства.

Впрочем, рассказ ведется сейчас не об этом.

Злые языки поговаривали, что колобка испекли (какое слово – испекли) в конце июня, когда у его родителей уже кончилась мука старого урожая, а новый ещё не поспел. И Колобок поэтому состоял в основном не из муки, а из амбарной и сусечной пыли, мякины, опилок и мышинного помета. За это его Дед и прогнал со двора и Бабке досталось на орехи. Дед ей закатил такой скандал, что жители их деревни не пошли смотреть на заезжих скоморохов, а валом повалили на этот «концерт». Но и скоморохи на «концерте» присутствовали тоже, а потом на основе этого фактического материала такую пьесу поставили, что в самом Стольном Граде аншлаг был в течение двух сезонов. Ну да бог им судья, этим злым языкам. Тем более, что давно доказано – самые умные личности на Земле неординарны, они то соломой набиты (возьмем для примера Страшилу), то опилками, как всем известный поэт-песенник Винни-Пух.

Правда, были и льстецы, которые, наоборот, утверждали, что Колобка изваяли из муки высшего сорта, изготовленной из пшеницы твёрдых пород, устойчивых к полеганию, и что во внутрь ему поместили какую-то там изюминку. И что мука была замешана на молоке с добавлением большого количества куриных яиц. И что пекли его на чистом сливочном масле, и даже что при рождении его посыпали маком и сахаром и покрыли сладкой глазурью. Если верить их словам, то получается уже не Колобок, а какая-то Сайка или Булочка. Но льстецам веры столь же мало, как и «злым языкам». У каждого Великого есть свои друзья и враги, очернители и подхалимы.

А горькая правда заключается в том, что Колобок родился в бедной крестьянской семье. Опару завели на воде и, по неосторожности, помимо хлебной закваски, в неё попала и пивная закваска. Поэтому Колобок получился таким весёлым. У него были братья – Калач, получивший впоследствии кличку «Гёртый», и Пирог, в детстве звавшийся Пирожок, а также сестры – Ватрушка и Галушка. В детстве Колобок был тихим скромным мальчиком, никогда не мечтавшим о дальних путешествиях. Он мечтал прожить жизнь тихо и скромно. Накормить один или два раза

Деда с Бабкой и спокойно помереть. Правда, в юности у него были детские страхи. Но родители за детьми следили плохо и не показали Колобка вовремя психиатру. Поэтому юношеские страхи выросли вместе с Колобком, превратившись в манию преследования. Он всю свою краткую, но героическую жизнь утверждал, что за ним кто-то гонится и хочет его съесть. Дело доходило до смешного. Колобок настолько зачерствел, что о него можно было сломать зубы, а всё равно боялся, что его размочат и съедят. А вообще в жизни Колобку везло, он встречал на своем пути в основном чутких, добрых, весёлых людей и начальников. Сам обладал талантом петь песни. Всем известно, какую веселую песню он спел Зайцу, Волку и Медведю. Только Лисе не удалось ничего ни напеть, ни навесить на её острые уши. Лиса быстро раскусила Колобка и сделала из Героя обыкновенную булку хлеба. Посадила Колобка в места не столь отдалённые. Потом Колобок находился на поселении в области живота, в деревне под названием Желудок. Колобок грозился по выходе на свободу:

А. Отомстить;

В. Жестоко отомстить Лисе.

Но, по понятным причинам, сделать этого не смог.

Впрочем, рассказ вёлся совсем не о том.

Пока рассказывал, забыл, зачем и о чём. Склероз, наверное. Всю историю о Колобке можно было рассказать в трех словах:

Испекли, поваляли, съели.

Сергей ТАРАКАНОВ

КОСМИЧЕСКИЙ КОЛОБОК

– Но почему именно я? Я ещё не увидел свою 105-ю дочь! Девочка до сих пор не окатила меня своей спинной жидкостью, – от возмущения агент 007 переменял всю гамму цвета от зелёного до фиолетового.

Шеф разведки колобкоидов задумчиво поскрёб пятым щупальцем нарост мудрости на голове.

– Я понимаю, агент Колобкау, но у нас нет выхода. Пропал ваш предшественник, а ведь находился, по его утверждению, под тройной защитой, да и сам работал в образе стальной иглы. Последнее его сообщение было просто пугающим и загадочным: «Поймали зайца... Потрошат утку... Начали ломать скорлупу... Я гибну!» Вы должны отправиться на эту планету и установить возможную её опасность для всей Вселенной... Возможно, что Вам удастся также найти пропавшего два года назад агента 004. Я рекомендую выбрать на этот раз что-то мягкое, можно даже пушистое, больше соответствующее нашей природе... Желаю удачи. Как говорится, дно и крышка...»

«По сусеку поскребу, по амбару помету, потом под мужем полежу», – напевала молодая красавица Алёна, включая духовку. Интересно, а что

такое сусек? – хихикнув, спросила она саму себя, доставая с полки банку с мукой. Медовый месяц ещё не закончился и нужно было накормить мужа чем-то таким интересным. Колобок, пожалуй, подходит, да если туда ещё афродизиака добавить, – размышляла она, – то будет совсем прекрасно! Ах, какая тогда будет жаркая чудесная ночь...

Агент 007 находился рядом, выбирая момент своего внедрения в готовящуюся у него на глазах форму. Вот, наконец, ладони хозяйки слепили что-то круглое, куда в виде незаметного облачка и просочился разведчик. Теперь только выдержать испытание в печке, что не очень сложно. Он вспомнил, как на планете Серидана аборигены искупали его в азотной кислоте, а у веремян он вообще работал угольком в костре косматого вождя кентавров. Здесь же пустыки, потерпим...

«Всё готово, милый! – проворковала Алёна при виде мужа. – Я приготовила на ужин плов, и на десерт у нас есть – догадайся, что? – колобок. Румяный такой, так бы сразу и съела», – в голосе женщины звучали явно сексуальные нотки, и муж это почувствовал. – «Не надо плова, давай сюда свой колобок», – рявкнул он, и молодая парочка вцепилась зубами в оба бока несчастного агента. Колобок пискнул, но молодожёны его не услышали, бросаясь в объятия друг к другу и падая на лежащий на полу ковёр. «Надо убежать, – мелькнуло в голове агента, – а то ещё попадёшь под горячую женскую спину... Раскатает меня эта парочка в армянский лаваш!» – и он быстро покатился к выходу. «Ох, что ещё дальше будет!»

Колобок сделал себе поросячьи глазки и весело катился по лесной дорожке, периодически осматривая окружающий мир, и вдруг вцепился во что-то тёплое и шерстистое. Бумс! Подняв глаза, он увидел стоящего столбиком зайца, смотрящего на него как-то задумчиво-загадочно. «Агент 007? – спросил робко Заяц. – Дружище, сколько парсеков, сколько световых лет?» «004, – изумился Колобкау. – Ты пропал без вести два года назад. Мы уже и оплакали тебя. Что случилось?» Заяц объяснил, что сразу после трансформации в зайца ему повстречалась зайчиха и предложила ему свою любовь, так как у них, зайцев, есть великая цель – плодиться и размножаться и наполнять землю. «Вот так и живу, пложусь и размножаюсь, – заметил Заяц, – а чем от тебя, дружище, так вкусно пахнет?» И, не дожидаясь ответа, впился в правый бок коллеги. Постояв после минуту, изменник родины вдруг объявил, что он рад был встретиться, но после личного контакта желание размножаться у него ещё более усилилось, и он со странным воплем кинулся к ближайшей норе. Итак, найдена и сразу потеряна ещё одна жертва страшной планеты...

«А ведь съедается от меня понемногу», – отметил 007, выравнивая правый бок и мысленно составляя шифровку Центру. Колобкау уселся на пенёк и грустно задумался. Думать вообще вредно, а грустно думать – вредно вдвойне! И вот результат! Какая-то чудовищная тяжесть вдруг обрушилась на агента. «Блин», – раздался сверху грубый голос, и над

колобком появилась мохнатая медвежья морда. Медведь тщательно очищал лапой от кусочков теста нижнюю часть необъятной спины. «Действительно, блин!» – всмотревшись, повторил медведь и хохотнул, довольный невольным каламбуром:

– Ты кто такой?

007 собрал силы и потихоньку перевёл себя в состояние лепёшки:

– Колобок, не видишь, что ли?

– А, по-моему, ты блин! Дай-ка укушу!

И не успел Колобок опомниться, как медведь оторвал от него почти четверть, отправляя кусок в жуткую пасть. Агент взлетел в воздух наподобие тарелки и мгновенно скрылся за горизонтом, вращаясь временами в воздухе как бумеранг. Косолапый некоторое время изумлённо тарасился вслед, но другая мысль перебила у него наступивший ступор. «А не сходить ли мне к какой-нибудь лёгкой медведице», – решил вдруг он и направился в чашу...

«Я от Зайца ушёл, от Медведя ушёл, – размышлял Колобок, видимо, изучавший земной фольклор. – Что ещё мне может встретиться?», на лету перестраивая себя снова в шар, как известно ещё с Пифагора, наиболее совершенную геометрическую фигуру. Приземлившись, он снова покатился по дорожке. Теперь, впрочем, это было создание величиной примерно с небольшой детский мячик... «Это кто к нам пожаловал? – раздался вдруг певучий голосок. – Да это же Колобок...»

– А ты кто, почтенная?

– Я – Лиса.

– Я от девушки ушёл, от Зайца ушёл, от Медведя ушёл, и от тебя, Лиса, тоже уйду, – буркнул Колобок.

– Что-то плохо слышу, повтори, дорогой, – пропела снова ласково Лиса, держась когтями за край колобка. – А можно, я тебя укушу? – спросила она сладострастно. «Пусть откусит немного, – подумал агент, охотно подставляя ей левый бок, – легче прятаться будет». Но неожиданно симпатичное животное вдруг стало быстро меняться, вместо узкой морды появилась четырёхугольная пасть с красными зубами, вместо шерсти образовалась чешуя, а на лапах – изогнутые, как сабли, когти. «Боже мой, это же наш страшный вечный враг из цивилизации лисоподов, – мелькнуло в голове несчастного 007. – Бедные мои девочки». И ещё промелькнуло почему-то о каком-то не встреченном волке, и мир перестал для него существовать.

Глава разведочного управления планеты колобкоидов Колб, более известный как 000, печально объявил о гибели Колобка и предложил почтить память погибшего 3-кратным ритуальным погружением в раствор аммиака. Что касается планеты Земля, то она признана опасной для колонизации и в виду агрессивности её фауны решено отказаться от последующих туда экспедиций и только оставить наблюдателя под

кодовым названием Баба Яга, выделив ему от министерства обороны персональное «летающее блюдо»...

Сергей ЗАГНУХИН

ОРУЖИЕ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Брейн первый. Знайки-зазнайки

В студию центрального телеканала решительно вошла молодая высокая и стройная женщина, элегантно облачённая в стильный костюм. Её холёное лицо, облыжно называемое завистниками «лошадиным», было известно миллионам телезрителей. Тем более молодому невысокому мужчине, тоже популярному телеведущему, залихватски развернувшемуся в кресле и, не вставая, громко поприветствовавшему коллегу:

– А, Великолепная Ксюша, дочь знаменитого отца. Привет! Светская львица номер один изволит опаздывать?

Привычная к любым встречам «львица», занимая свой комментаторский трон, парировала не моргнув глазом:

– Львицы не опаздывают, львицы задерживаются. Но на подхвате всегда есть парень вскарабкавшийся на сцену с самых низов, надёжный как грабли.

– Ну ты и язва. Хорошо, что мы будем вести это шоу не на сцене, а то смотрелись бы как Лолита с Цикало после развода.

– Папа сказал бы: как Тарапунька со Штепселем. Не знаю, какой там у тебя штепсель, но тарапунька подвешен неплохо, так что как-нибудь выкрутился бы. Да и времени ещё вагон с прицепом, а инфу по нашему Ивану я давно знаю.

– Ну ещё бы: твои ребятки отлавливали его для твоего дебил-шоу, да Иван-то не дурак оказался – ушёл.

– Ага – умница, прям – царевич, видно, поэтому не повёлся на байки ассистентов твоей народной потрындим-передачи и, ловко махнув короной, тоже ушёл-с.

– Сдаюсь, сдаюсь – квиты. Размяли языки – и ладно, сейчас отсчёт пойдёт.

«Пять! Четыре! Три! Два! Один! Эфир!»

– Приветствуем вас, дорогие телезрители, на финале популярнейшей международной игры «Бегущий эрудит». На кону сегодня десять миллионов долларов! И с вами в студии...

– Андрей Дедахов! Известный миллионам домохозяек по любимой передаче «Пусть потрындят».

– И Ксения Бабчак! Проклинаемая теми же домохозяйками за шоу «Фигвам-2»!

– Которое они смотрят не пропуская. Как думаешь – зачем?

– Наверное, чтобы знать, за что ругать.

– Но вернёмся к нашему архару. На своих экранах вы видите мужественное лицо последнего героя этого реалити-шоу, и это наш земляк – Иван Колобань!

– С чувством национальной гордости должен признать, на этот раз Россия пробилась в финал. Как думаешь, Ксения, почему?

– Богаты закрома нашей Раши. Да если мы по сусекам поскребём, таких ли ещё молодцов напечём. Да и наследие времён СССР: спортивное ориентирование, КВН, «Что? Где? Когда?», а если ещё «Зарницу» вспомнить... Тебе, Андрей, не довелось по лесам с деревянным автоматом побегать?

– Бог миловал. А между тем, вертолёт с нашим многоборцем приближается к месту старта. Вот судья выдаёт ему карту с маршрутом первого этапа и выпускает на верёвочную лестницу. Мы сможем следить за всеми перипетиями полевого ориентирования благодаря камерам на управляемых аэростатах: этот бесшумный вид транспорта признан лучшим для прямой трансляции «Бегущего эрудита».

– Напомню, что на этот раз наши слабослышащие соотечественники могут подключить функцию сурдоперевода, а для слабовидящих наша передача транслируется по первому радиоканалу...

И тропа-то была не ахти, временами совсем поганенькая: скользкая от жидкой грязи, сплошь усеянная валунами и острыми булыжниками, того и гляди подскользнёшься, споткнёшься или зацепишься, но на первозданном таёжном склоне стало ещё паршивее.

Какие-то прямые, толщиной с хороший палец, копьевидные, будто двоюродные бамбуку, кусты вставали густым частоколом, проламываясь через который приходилось просто живым весом.

На открытых проплешинах трава вставала сплошным зелёным валом, высотой в полтора-два немалых Ивановых роста, абсолютно скрывая камни и стволы упавших деревьев. Чистый ноголом.

Повыше горнотравье сошло на нет, кусты измельчали, бессильно упали и конвульсивно искривились, но продираться через этот черезполосный – то хвойный, то лиственный – стланик стало ничуть не легче. Однако другого выхода не было: не брать этот водораздел в лоб, а огибать отрог по широкой дуге обхода, всё равно, что расписаться в собственной неудаче. Слишком много на это уйдёт времени, никаких контрольных сроков не хватит. Да и не факт, что по болотистой низине вдоль горных ручьёв идти легче.

К концу восхождения стало полегче: вся растительность сошла на нет... Взбираться по камням сечением в метр-полтора тоже, конечно, не сахар, но с корягами карликовых можжевельников и берёз не сравнить... А вот и перевал... Вид отсюда – просто дух захватывает, но любоваться абсолютно некогда. Даже передохнуть толком, пот просушить и то времени нет, да и ветер на водоразделе приличный, не хватало ещё простыть.

К счастью, эти же камни широким рукавом сбегают отсюда почти до самого подножия: каменная река – курум. Скакать по таким ступенькам вниз одно удовольствие, местами даже удобней, чем по обкатанным гольшам речных долин. Только осторожности терять не следует, некоторые из этих ребристых булыганов лежат в неустойчивом равновесии: неосторожный прыжок, качнётся и... привет – ушиб, растяжение, перелом или, не дай Бог, «полный кирдык».

Судя по карте, эта крупнобрусчатая мостовая ведёт почти к самому финишу. Если обойдётся без форс-мажоров, то запас времени обеспечит неплохие призовые баллы, которые, ой как могут пригодиться...

– Слушай, Ксюша, а почему нашу программу, прямо как декабристов, аж в Сибирь сослали?

– Думаю, из-за иностранцев.

– Ты иногда ещё и думаешь? Когда только успеваешь? Шучу, шучу... а всё-таки?

– Дошутился один такой у Булгакова в «Мастере...»

– Так он про Богоматерь пошутил.

– Какие мои годы...

– Ох, Ксюха, помрёшь ты не от скромности. А если серьёзно.

– У границы с Россией связано всего ничего понятий: водка, балалайка, Гагарин, матрёшка, ну и некоторые другие, и географических из них ровно два: Москва и Сибирь...

– Да, похоже, даже если ты это только что придумала. А как упростилось бы всё в столице... не везти всё чёрте куда.

– Андрей, чем же мы хуже других, везде этих всезнаек-многоборцев запускают в настоящие джунгли, а мы бы в каменные?..

– О! Наш Иван, наконец, допрыгал вниз. Честно, надоело смотреть, как он там по камням скачет.

– И с солидным запасом времени – запасливый богатырь. Смотри, как разругались его щёки и красиво разметались русые кудри.

– Лишь бы курносый нос не задирает, а то срежется уже на этом этапе: конкурсе всезнаек. Кто там у него в соперниках? Степан Кочерыжкин? По виду типичный ботник в очках, да ещё и при галстуке.

– Да, на таёжной поляне смотрится забавно, ну так ему не мешки ворочать и не саблей махать, конкурс-то знатоков.

– Зришь в корень, Ксения, да и весь антураж брейн-ринга с его разноцветными столиками, шарами, кнопками и секундомерами на таёжной поляне выглядят диковато. Того и гляди, какой-нибудь лось забредёт на огонёк.

– Лось-то ладно... Как бы йети не набежал... Но чу! Прозвенел гонг и наш неизменный господин Козлов задаёт первый вопрос.

– Закончите девиз рыцарей-госпитальеров: служить рабами и слугами своим господам и повелителям... Внимание, вопрос: кто эти господа и повелители?

Первым загорается зелёный шар Степана Кочерыжкина, тот нервно поправил очки, потеревил галстук и чуть сдавленным голосом произнёс:

– Рыцари – госпитальеры, поэтому своими господами могут называть страждущих и больных.

– Ответ абсолютно верный, счёт: ноль – один в пользу зелёных! – зычно выкрикнул судья и, ударив в гонг, объявил, – второй раунд! Внимание, вопрос: Степан, из сахарного сиропа варят множество лакомств, а какое лакомство получается при взбивании пены из сахарного сиропа с мыльным корнем? Я замечу, что оно бывает: и белым и розовым; и жёлтым и ореховым; и миндальным и маковым. Время!

Окрылённый первым успехом Степан опять первым придавил кнопку:

– Зефир?

– Нет, не зефир. Двадцать секунд у Ивана.

Колобань не стал долго ждать и зажёлг свой красный фонарь.

– Итак, Иван, это бывает жёлтым и ореховым, миндальным и маковым. Что это?

– Халва!

– Халва! Один – один! Принесите конкурсантам лимонад, и мы начнём третий раунд.

Потягивая через соломинку принесённый напиток и вытирая пот со лба, соперники выслушали третий вопрос:

– Как вы думаете, кого, кроме индейцев, с полным правом называют американскими туземцами?

На этот раз быстрее среагировал Иван за своим красным столиком.

– Да, Иван, кого же можно назвать американскими аборигенами?

– Я думаю – американских же эскимосов.

– Правильно! Счёт два – один! На кону опять один балл. Следующий вопрос: «Научное общество имени Бэкона» завалили жалобами на плохое качество бекона, и оно опубликовало объявление, что меняет название на «Научное общество имени Френсиса Бэкона». Что сотрудники общества прочитали в первом же поступившем письме?

Иван Колобань явно вошёл в раж и опять опередил конкурента. Степан же, несмотря на свою отличную подготовку, сильно разволновался после первой неудачи в финале. Здоровая пробежка по горам должно быть лучше прочищает мозги и успокаивает нервы, чем беспокойное ожидание на полянке.

– Итак, Иван, что же было в этом письме?

– Дословно не скажу, но скорее всего что-то вроде: «Несмотря на смену названия, качество бекона так и не улучшилось».

– Абсолютно правильный ответ! Три – один! Автор письма решил, что это общество просто мудрит с названием. Одно очко на кону. А теперь такой вопрос: Закончите двумя словами гарик Игоря Губермана:

Увы, красавица, как жалко,
Что не ко мне твой сладкий пряник,
Ты персик, пальма и фиалка,
А я давно уж...

– Не ботаник!!! – словно восстав из пепла, громко выпалил Степан, первым нажав кнопку.

– Bravo, Степан, bravo! Очень хорошо. Три – два. Видимо вы поклонник творчества Губермана или хорошо знакомы со словом ботаник. Напомню: раунд идёт до пяти очков.

Следующий вопрос: червяк из мультфильма "Лунтик и друзья" является тезкой русского советского писателя. Назовите их общее имя.

А вот «Спокойной ночи» оба соперника явно давно не смотрели и скромно промолчали почти все двадцать секунд. Первым на излёте секундомера решил попытаться счастья Степан:

– Сергей, – робко намекнул он на Михалкова.

– Неверно!

– Самуил, – сыграл в рулетку и Иван.

И тоже промазал.

– Почти. Это имя – Корней. У червяка и Корнея Чуковского. Счёт прежний, а на кону два очка и следующий вопрос: драже "Дуал-Вит" содержат два вида драже – синие и красные: одни с витаминами, другие с минералами. Одному мальчику лет пяти-шести дедушка купил эти витамины. Прямо в аптеке он показал их внучку, протянув по таблетке в каждой руке. Каким "божественным" именем тут же обозвал мальчик дедушку?

– Морфеус! – закричал Иван, не забыв нажать кнопку, при этом Степан хлопнул себя ладонью по голове, это имя было ему тоже знакомо, как и миллионам других поклонников фильма «Матрица», просто вылетело из головы.

– Правильно! Финалист Иван Колобань успешно прошёл первый этап!

– Что-то жалко Степашку, такое умное лицо и такое несчастное.

– Да ладно, Ксения, он-то не за 10 миллионов рубился. А вот интересно, как иностранные комментаторы перевели Губермана? И вообще объяснили своим зрителям, кто это такой, да и про Чуковского с Лунтиком.

– Знаешь, Андрей, ну мы же выкручивались с их Уитменами и Вийонами.

– Верно. Впрочем ладно, это их заботы. А у нас перерыв до второго этапа.

Брейн второй. Пиф-паф...

– Ксюха! А ты знаешь, что наше шоу необычайно популярно в тотализаторах? Там такие суммы...

– И на кого же ты поставил?

– Что ты, как можно!.. Ну, а если шёпотом, то мой букмекер предупреждал: ни-ни – повлияю на последние ставки.

– Я после догадаюсь по плодам: поедешь ли ты в отпуск на Мальдивы или на дачу в Подмосковье.

– Да, а наш многоборец, между тем, отдохнувший и сияющий как начищенный самовар десантируется с картой второго маршрута в какое-то болото.

– Всё-таки повезло нам комментировать не с места событий. Кстати, о ставках: Андрюша, а не заключить ли нам тоже пари на этот этап?

– И на что поспорим?

– Может на желание?

– Ха! А достаточно ли у тебя чистые желания? Или на подходе передача «В постели с Ксенией?»

– Фу, окстись, Андрей, твоя жена «Бегущего...», наверное, смотрит. Я имею виды всего лишь на деньги.

– И на кого бы ты поставила?

– На Ивана.

– Э, не выйдет, я бы тоже на него.

– Три ха-ха! Штрафанёт тебя букмекер.

– Подколотная – твоя фамилия...

Выбрали же садисты-устроители эту «долину тысячи ручьёв», а, казалось бы: второй этап короткий, по вершинам не лазить, лесок редкий. Надо было сразу воду обутым переходить, так нет же – четыре раза разуваться дёрнуло. Итог: время потерял, ноги на камнях да в ледяных струях поотбивал, а бродить всё равно в ботинках приходится. Треки, конечно, отличные выдали, но и они, нахлебавшись, теперь будут хлюпать до самого финиша. Хорошо хоть мошки мало, а то ещё и в накомарнике пришлось бы бегать.

– Смотри-ка, Ксения, а наш Ванятка-то тютелька в тютельку успел.

– Да, прямо как в аптеке. Без бонусов, но и без штрафного времени. Теперь переоденется, подкрепится, немного отдохнёт и на пейнтболище.

– Куда?

– А как площадка для пейнтбола называется?

– А, на полигон? И кто там его встретит?

– Какой-то Вова Серый, видимо, личность широко известная, но в очень узких кругах. А у нас сейчас перерыв на рекламный блок, новости и кулинарную передачу «Как похудеть, ни в чём себе не отказывая». Оставайтесь с нами!

Подкрепиться, отдохнуть, сухие ботинки, казалось бы, что ещё для счастья надо? Но пора идти стреляться. Камуфляж хорошо подогнан, бронник надевать не буду – лучше потерпеть от шарика, чем потерять подвижность, боль как-нибудь перетопчусь, а вот если шустрости малёк не хватит, то и вся игра насмарку. Без шлема не выпустят, а перчатки, наколенники и налокотники тоже тут оставляю, и даже ракушку... Или нет, дело молодое – мало ли что... Маркеры отличные – автоматические, запасных туб с шариками побольше взять, гранату с краской... нет, парочку, дымовую тоже прихватить... Вроде всё.

– Господи! Благодарю, что не сделал меня женщиной. Постоянная борьба с весом – видно, это наказание за грехопадение. Истязать себя салатами, похудеть килограмма на три, плюнуть на всё – отожраться на пять, раскаться, записаться на тренажёры и всё это на фоне постоянных надежд найти диету, чтобы есть от пуза и худеть.

– А зато мы живём дольше.

– А нам не рожать!

– Зато служить в армии и воевать.

– Это ты мягко возвращаешь нас в реалии шоу «Бегущий?..»

– Да, Андрей, пора, Иван Колобань и Владимир Серый входят с разных сторон в пейнтбольный лес.

– У каждого на руке датчик в виде часов с индикатором расстояния до соперника, так что ни отсидеться, ни спрятаться толком – не удастся. Придётся сразу воевать.

– Иван в зелёном камуфляже, а Вован, естественно, в сером.

– Да, лесок не очень густой, и противники быстро заметили друг друга, открыв огонь с дальней дистанции.

– И шариков с краской не жалеют, так и садят друг в друга длинными очередями, прячась за редким кустарником и тощенькими стволами. Вот они по какой-то сложной траектории забегают в зону более густого леса.

– И тут кто-то применяет дымовую завесу, кажется, это Серый. Под шумок и дымок он хочет обойти Ивана.

– Ксюша! Но Ваня тоже не промах: где бегом, где кувырком он тоже меняет дислокацию.

– Вот густая перестрелка уже на новой позиции. Сколько же у них шариков.

– А вот у Ивана, кажется, и кончились патроны, с его стороны слышны холостые хлопки.

– Но нам-то, Андрюша, видно на приближении, что он просто, спрятавшись за ствол приличной сосны, повернул маркер фидером вниз и сам имитирует отсутствие шариков.

– О, Серый купился, развернувшись во весь свой средний рост и расправив коренастую фигуру, держа ствол у бедра, он вышагивает, как на параде.

– Наверное, хочет взять противника на «аут», это высший шик, победить противника без выстрела. Уверена, если бы он снял маску, мы бы увидели его самодовольную физиономию.

– О, но у Ивана же есть гранаты! Вот летит первая! Вот вторая! И дымовая.

– Ну с такой дистанции Серый легко избегает красочных взрывов, благо у них и разлёт-то не велик.

– Иван же выходит из-за дерева под дымовую завесу, но не убегает...

– А просто также с бедра посылает в противника точную очередь...

– Всё, Андрюша! Спёкся Серый – перекрасили!

– Да, повезло финалисту, он проходит в следующий круг.

– И тебе повезло, если букмекер не оштрафует и не прогоришь на следующем этапе, то передавай привет Мальдивам.

– А мы прощаемся с вами до следующей недели, встретимся на третьем этапе.

Брейн третий. Попиналки

– Ксения, а ты любишь фильмы с Брюсом Ли или про летающих кунгфуистов?

– Смотрю иногда, для разгрузки мозга.

– Ну тогда тебе должен понравиться третий этап. Летать, правда, наши бойцы вряд ли будут – комплекция не та.

– Вот сегодня я бы на Ивана не поставила.

– А что так? Он же хлопец хоть куда: и высокий, и румяный, а на сегодняшнем этапе особенно и не надрывался. Я вообще удивлён, что в Сибири такие райские места есть: цветущие холмы с живописными рощами.

– Да, рощи красивые, какие-то реликтовые липы, выжившие тут с доледникового периода... Но посмотри на Иванова противника...

– И что?

– Да этот Михаил, так и хочется сказать – Михаил Михайлович, по фамилии Гималайский, действительно больше на медведя похож: ростом с Колобаны... но такой торс... такие плечи... такие руки и ноги... Если схватятся бороться, он Ивана просто вдребезги пополам заламает...

– Да подожди ты хоронить нашего героя, он тоже парень не промах.

Противник-то типичный «вышибала»: пару раз «благословит» своей лапой и понеслась душа в рай без лишних остановок, ох аккуратней надо, ох аккуратней...

А вот прямой правой в корпус попробовать... и левой сбоку... и ещё правой в челюсть...

Хорошо защищается и удар держит... А вот как ногами, ну-ка «маваши» правой... не прошёл... а прямой... а с разворота... а в прыжке...

Ой... что это было, чёрт... пропустил... ещё разок такой прилетит – и просто вынесут... Так, тянуть особенно нечего... немного потанцевать, поизматывать и придётся схлестнуться ударом лоу-кик... Дьявольщина, какая боль... Но иначе нельзя, одна надежда, что у этого медведя голень не набита и моя полугодовая, через слёзы, тренировка – не напрасна.

Ну выручай японский мастер с забытым именем из какого-то фильма про каратэ, на твой совет вся надежда...

– Наш Иван, боец, конечно, знатный, но, похоже он сдавать начал, что-то уже не прыгает и ногами так высоко не машет.

– Так домахался один раз, словил встречный – еле оклемался, теперь осторожничают, ещё один такой подскок и чистое поражение схлопочет, а лимончики тогда тю-тю.

– Всё ты, Андрей, на деньги переводишь... Ой!! Боже! А что это наш Иван затеял: лупит противника голенью по ноге, да кричит так дико... мне даже на экране смотреть больно и нога ныть начала.

– Да, и Михаил взялся отвечать тем же, прямо дуэль какая-то: у кого ноги крепче... кричат и прям как-то странно: дико уж слишком, и на «кия» похоже только очень приблизительно...

– Скорее на «никия» смахивает... Хм... Хм... секретный японский клич наверно, вроде «банзай»... так могут думать иностранные зрители, а мы лучше помолчим.

– Дуэль ударами, Ксения, между тем, продолжается... и видно, что Миша проигрывает, явно пытается избегать и сам бьёт всё слабее и слабее...

– А Иван, похоже, воодушевился не на шутку или в боевой транс впал, как берсерк: орёт бешено и лупит уже не переставая...

– Всё! Был медведь да весь вышел! Иванушку судьям придётся успокаивать, а мы радуемся за него, как за родного.

– А я, Андрюша, волнуюсь: через неделю у него последний этап – как он с такими ногами-то бегать будет.

– Подлечат. Да за десять миллионов и потерпеть можно. А мы прощаемся с вами, дорогие телезрители и радиослушатели, до следующего, заключительного, этапа. Не пропустите!

Брейн четвёртый. Анекдотично-эротический

– Ксения, вот если бы Бог сказал: умные направо, красивые налево, ты бы куда пошла?

– Знаю я этот анекдот и вполне солидарна с вороной: что же мне – разорваться что ли?

– А всё-таки, если серьёзно?

– Ну, красота явление быстропроходящая, так что я бы направо.

– Bravo! Тогда, как девушка с высоким IQ, скажи: почему у нас так популярны всякие страшилки? Ну, про конец света, планету Нибиру и прочие катастрофы?

– Можешь смеяться, Андрюша, но у меня на этот счёт есть своя теория.
– Отрадно, что ты живёшь не по армейскому принципу: прикажут – выполним, а самим думать ещё голова заболит.

– Я могу и помолчать.

– Нет, что ты: обязательно Расскажи, зрителям, уверен, будет интересно, а то наблюдать как Иван осторожно бредёт по осыпям... видно он после гладиаторства прошлого этапа не успел восстановиться.

– Ну слушайте. Цивилизованный этап в нашей истории, по сути, очень короток, по сравнению с первобытными временами охотников, собирателей и скотоводов. А в те поры наших предков подстерегало гораздо больше опасностей, и для их преодоления за многие тысячи лет выработались и закрепились нужные механизмы. Сейчас же столько реальных опасностей нету, но механизмы-то работают. И чтобы они на холостом ходу не разнесли организм подсознание и подсовывает взамен что подвернётся.

Серьёзно, во время войны ведь никого не волнуют вопросы астероидной или кометной опасности, для психики и физиологии вполне хватает настоящих рисков, а вот в благополучные времена...

– То есть все эти увлечения острыми сюжетами в литературе и кино, экстремальные развлечения и муссирование темы всяких катастроф...

– Способ удовлетворить инстинктивные потребности в опасности.

– Что-то твой ответ больше «все мозги разбил на части, все извилины заплёл...»

– Боишься, что учёные мужи «вколуют нам второй укол» за вторжение в их епархию?

– Ой, да ладно, кому мы нужны, скорее идейку свистнут и скажут, что в воздухе витала. А из области подсознательного, глядя на сегодняшнюю соперницу Ивана, меня больше другой инстинкт интересуется.

– Это какой?

– Размножения.

– Что же навеяло на тебя такие фривольные мысли?

– Сам вид этой Алисы Патрикеевой.

– Она, конечно, девушка красивая, видная, к тому же ярко-рыжая, но не думаю, что у Ивана будут силы обратить на это какое-то повышенное внимание.

– Ксения, мы же говорим об инстинктах, а они с разумом не очень дружат. И вот глядя на Алису я просто задыхаюсь от восхищения: так одеться, вроде бы вполне прилично, но с разрезами-прорезями в самых стратегических местах, и даже секретное женское оружие может распахнуться в самый подходящий момент.

– Что за секретное оружие.

– Чуть позже, а пока проведём среди тебя маленький соц. опрос: как ты думаешь, на что в женщине каждый здоровый мужчина обязательно обратит внимание?

– Вот уж секреты, женские журналы пестрят результатами таких опросов.

– С этими журналами не поймаешь: то ли они доносят народное мнение, то ли формируют его. И что же, по глянцевым журналам, привлекает наибольшее мужское внимание?

– Непредсказуемость. Свой стиль. Декольте. Красивые ключицы. Губы. Здоровый аппетит. Сексуальная походка. Умеренный макияж. Приятный голос.

– Ну да, ну да: а для этого нужно одеваться в модных бутиках, пользоваться правильной косметикой, ходить на фитнес и танцы... и т. д., и т. п. Всё это играет, конечно, какую-то роль, но того, что привлекает мужской взгляд всегда, даже помимо воли, этот список коснулся только слегка.

– И что же это?! Открой скорее эту великую мужскую тайну!

– Да какая тайна, это... женские ноги, особенно место... откуда они растут.

– Господи! Ж... попка, что ли? Ты шутишь!

– Ксюша! Если и шучу, то не я, а наука. Причём этот интерес действительно инстинктивен: когда наши далёкие предки ещё лазали по деревьям и жили стаями, по форме, цвету и виду этого самого места самцы определяли самок своего вида... особи с неподходящей... не обслуживались.

– Фи, как вульгарно и прозаично.

– Зато непреодолимо. А ты думаешь откуда у половозрелых мужиков, даже железно морально устойчивых, эта привычка оглядываться на проходящих женщин? Инстинкт, матушка, против него не попрётся.

– И ты думаешь?..

– Только взглянув на нашу прелестницу, у меня сам собой возник вопрос: хочет она Колобана победить или захомутать?

– Ну... Ваня парень видный и совершенно холостой... посмотрим.

– Тем более, вот и он: со штрафным временем, но живой и здоровый.

Понесло же меня на ту длиннющую осыпь, ведь знаю же, как коварны могут быть эти мелкие сыпухи: шаг вперёд, на два съезжаешь назад. Хорошо, что по краешку у скалы удалось-таки подняться. А ведь на этот раз вполне можно было и обойти, нет же пока на середину склона не влез... Ладно, за счёт призового бонуса первого этапа хотя бы без последствий. Теперь окунуться, подкрепиться, отдохнуть чуток и на юмор... будь он неладен.

– Признаюсь тебе, Андрей, что этого этапа я ждала больше всего, не так уж часто финалисты до него добираются. Мы так и не услышали ни английского, ни французского юмора, а американский и немецкий меня не впечатлили.

– Да, что немцу смех, то русскому... Напомню нашим зрителям: на четвёртом этапе соперники соревнуются в юморе: по очереди они будут выдавать анекдоты, смешные истории и фразы. Закончив, они произносят имя соперника, и тут включается таймер. Тот, кто в течении определённого времени не начнёт свою байку – проиграет. Контрольное время будет постепенно сокращаться. За несмешные истории набегут штрафы, тут есть жюри из юмористов. И если в течении часа никто не вылетит, победит тот, чьи истории будут более оригинальны.

– Для оценки эксклюзивности лучшие программисты выпустили специальную программу, сравнивающую анекдоты конкурсантов с базой Интернета. Ну всё, четвёртый этап стартует.

– Domestos – убивает все известные микробы! А неизвестные берёт в плен, для опытов... Алиса.

– Китайцы взломали сайт Пентагона, каждый попробовал один пароль. Иван.

На книгах некоторых пейсателей следовало бы написать: «Для наружного использования». Алиса

– Почему писатель Н. пишет только про животных?

– Потому что они читать не умеют. Иван.

Медик-студент отвечает урок: «Здесь у скелета был нос, здесь пупок. Ниже, профессор, был некий предмет...

«Не был, а бывал – это женский скелет». Алиса.

– Дедушка, дедушка, а ты помнишь ту, первую девушку, которую ты поцеловал?

– Дорогой мой внучек, я уже и последнюю-то не помню! Иван.

К капитану туристского теплохода подходит пассажирка:

– Это правда, что в этих местах глубина достигает трёх километров?

– Ну что вы? Не больше пятисот метров.

– Ну, спасибо, прямо от души отлегло, а я так боялась. Алиса.

– Алло, это регистратура?

– Да.

– Хирург Ломов сегодня принимает?..

– Как обычно.

– Я не в смысле «как обычно», а в смысле больных! Иван.

– Дорогой, я похудела на два килограмма.

– Поздравляю! Смыть не забудь. Алиса.

– Говорят, что мужчины любят глазами...

– А почему же тогда Ваня ходит в черных очках?

– Предохраняется! Иван.

Девушки, помните: надевая короткие юбочки, вы становитесь переносчицами вируса весеннего мужского лупоглазия! Алиса.

В мужской компании все веселятся, пьют, только один грустит.

– Леха! Чё грустишь??

– У жены СПИД обнаружили... Да пошутил я, мужики. Чё вы так все побледнели?.. Иван

– Девушка, а у вас парень есть?

– Нет.

– Как? У такой красивой, умной, утонченной девушки и нет парня???

– Сдох, сука, от счастья... Алиса.

– Что-то, Андрюша, всё это мне уже знакомо.

– Не только тебе, Ксения, нашей программке тоже, баш.org и анедоты.ру – рулят. Но эти стремящиеся к нулю циферки видны и конкурсантам.

– Одна моя знакомая пришла к экстрасенсу и говорит: «Хочу похудеть любой ценой!» Та помахала над ней руками. И что ты думаешь: на следующий же день у знакомой открылась страшная ангина, две недели есть почти не могла. Потом прохватил неудержимый понос и тоже недели на две. За месяц она похудела килограмм на двадцать, ругалась страшно и с тех пор зареклась и худеть, и ходить к целителям. Алиса.

– Забавно. А одна моя знакомая собирала в лесу грибы, выходит на просеку с тропинкой и спокойненько по ней идёт, любуясь природой. Вдруг за спиной какое-то движение, обернулась, бежит прямо на неё здоровый мужик, быстро так бежит и явно с какой-то целью. Она рванула, ведро впереди себя, через метров пятьсот чувствует – больше не может. Остановилась и приготовила ведро к битве. Мужик добегает до неё и несётся мимо. Она смотрит ему вслед и видит у него на спине номер – спортсмен. Дальше мимо неё проползает, стигбаясь от смеха, группа остальных участников кросса. Иван

– Тоже неплохо, Алиса, а у меня старшая сестра была в Париже и в гостях спросила у сына хозяйки: кем он будет, когда вырастет. «Президентом Франции!» – ответил тот. «А почему?» – решила уточнить сестра. Ответ семилетнего француза поразил её: «Карла Бруни очень нравится».

– В этом все французы, Иван, а моя приятельница рассказывала как у известного компьютерно-вещевого рынка, наблюдала такую картину:

К выходу летящей походкой направлялась миловидная стройная брюнетка, взвалив на плечо квадратную картонную упаковку двухметровой (!!!) длины, вероятно, с гардиной. Курящие в сторонке продавцы, не удержались от ехидного комментария:

"Девушка, это у вас мачта или шест?"

Ответ девушки, сразил их наповал: "Фаллоимитатор, импотенты!"

– А у Ивана цифирки-то побежали, сумел-таки эксклюзивчик накопать, но вообще я не думала, что за час и анекдоты могут надоесть.

– В любом случае наши юмористы уже прославились на всю страну. Кстати, Ксения, ты из нас двоих более известная – про тебя уже анекдоты сочиняют. Вот послушай: Ксенофобия в России растёт! Куда ни сунься – сплошные анекдоты про Ксению Бабчак.

– О, спасибо, я их коллекционирую, вот послушай из моей коллекции: Как-то странно посмотрели подружки на Ксению Бабчак, которая бросила уходя: «Ну всё, девочки, мне пора, я поскакала!»

– Какая ты тщеславная. А наши баранчик с овечкой уже как-то вяло бодаются. Скоро придёт время секретного оружия.

В течение месяца Иван Петров с облегчением сбросил 90 килограмм, а затем ещё 120 – выдал замуж дочь и развёлся с женой-мегерой... Алиса

Зарплата у меня мизерная, член не стоит, жена стерва, тёща тварь, дети двоечники, начальство пилит, в стране бардак. Ну, хоть потеплело на дворе немного... Иван.

Врач – онкобольному:

– Вчера, голубчик, имел «удовольствие» общаться с вашими женой и тещей...

– Ну и что?

– Должен вас обрадовать – вы скоро умрёте! Алиса.

– Ксюша!!! Смотри!! Эта рыжая Алиса как бы случайно что-то там уронила, рассчитанно наклонилась, полуобнажив своё тайное оружие... Иван воткнулся взглядом и... просрочил! Что ты на это скажешь?!

– Скажу, что победа была так близка... а теперь Россия скорбит вместе с финалистом...

– Он так безутешен и рыдает прямо на груди... у рыжего преткновения.

– А шатенистая плутовка, так нежно его утешает... я прямо готова поверить в её коварный матримониальный план. Как ты, Андрей, ловко её раскусил.

– Исторические прецеденты уже были: один из английских королей увидел... ноги леди из семьи Черчилль, когда та... случайно... упала на охоте с лошади. Они были счастливы. А вот кум Ваня тому королю или нет, мы постараемся узнать первыми – или мы не Дедахов и Бабчак.

Коротко об авторах

Буланов Виктор Юрьевич родился 27 января 1988 г. в г. Новокузнецке. Закончил гуманитарный факультет НФ КемГУ в 2010 г. Социолог. Работал в книжном магазине «Планета» менеджером по рекламе. Ныне – аспирант СибГИУ. В КЛФ «Контакт» пришёл в октябре 2002 г. Первая публикация – рассказ «Ночной разговор» – в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г. Рассказ «Змей Петров» впервые опубликован в газете «Сельские вести» 14 декабря 2005 г.

Верещагин Анатолий Федорович родился 23 сентября 1958 г. в г. Новокузнецке. Закончил металлургический техникум в 1978 г. Служил в армии. Работает охранником. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1983 г. Рассказ «Исследование жизни Колобка» впервые опубликован в книге «Люди в квадрате» (Новокузнецк, 2004). Рассказы «Гороховцы» и «Пигмалион и Галатея» публикуются впервые.

ГРЕП Евгений Викторович родился 22 апреля 1979 г. в Новокузнецке. Закончил Сибирский государственный индустриальный университет в 2001 г. Работал инженером ОЗИТ в Сбербанке. Сейчас работает программистом в телекоммуникационной компании «Primetel» в г. Лимассол (Республика Кипр). В КЛФ "Контакт" пришёл в 1997 г. Первая публикация – рассказ "Сказки ветра" – в газете "Озарение" осенью 1999 г. В 2004 г. в серии «Звёздный лабиринт» вышел авторский сборник Е. Грепа "Наброски с невозможного" (М.: ООО «Издательство АСТ»). Рассказ «Мне бы так, или Сказка про принцессу и прекрасного принца» (в соавторстве с Сергеем Симкиным) впервые опубликован в газете «Курс» (г.Белово) 15 февраля 2002 г. Рассказ «Горшок с мёдом» впервые опубликован в газете «Губернские ведомости» 27 апреля 2002 г. Рассказ «Вороне где-то бог послал кусочек сыра...» опубликован в газете «Новый курс» (Белово) 3 октября 2008 г.

Григорьев Евгений Алексеевич родился 9 апреля 1981 г. в г. Астана (Казахстан). В Новокузнецке живет с 1996 г. Закончил Сибирской государственной индустриальный университет. После службы в армии работает по специальности. В КЛФ «Контакт» пришёл в октябре 1999 г. Первая публикация – рассказ «Рок» – в газете «Сельские вести» 26 апреля 2002 г. Рассказ «Три поросёнка-2» впервые опубликован в газете «Сельские вести» 4 августа 2004 г.

ДУДАРЕНКО (до замужества – **Рыжова**) **Ольга Сергеевна** родилась 20 августа 1983 г. в Новокузнецке. Училась на факультете русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. Затем в Новокузнецком филиале Кемеровского государственного университета. Сейчас вместе с мужем живёт в Новосибирске. В КЛФ «Контакт» пришла в сентябре 1999 г. Пишет стихи и прозу. Первая публикация – подборка стихов – в альманахе «Озарение» в 2001 г. Рассказ «Золотые яблочки», написанный давно, публикуется впервые.

ЕГОРОВ Константин Кузьмич родился 13 февраля 1969 г. в Новокузнецке. Окончил Кузнецкий металлургический техникум. Работал журналистом в городских газетах, в библиотеке им. Н. В. Гоголя. Член творческой группы художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского

объединения художников Международного Художественного Фонда. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1999 г. Первая публикация – новогодняя сказка «Как Кошей Бессмертный за снегом ходил» – в газете «Кузнецкий рабочий» 30 декабря 1997 г. Рассказы «Емельян – крестьянский сын» и «Кашей и яблоня» публиковались в авторском сборнике «Курьи ножки солнышка» (Новокузнецк, 2003).

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института. За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – сотрудник центра культурных программ Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя. В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. Рассказ «Три желаньница» впервые опубликован в газете «Новый курс» 26 января 2007 г. Рассказ «Серая напасть» впервые опубликовано в «Микро-2010»: [подборка рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» по разделу «Микрорассказ»] (СПб., 2010). Рассказ «Оружие преткновения» в бумажном виде публикуется впервые.

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Учится на историческом факультете Кузбасской государственной педагогической академии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышли её книжечки «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке». Рассказ «Про Красную Шапочку: как оно всё было на самом деле» впервые опубликован в авторском сборнике «По зелёной жёрдочке».

ПЛОТНИКОВ Сергей Александрович (Ворог) родился 8 июля 1989 г. в г. Ирбит Свердловской обл. С двух лет живёт в Кузбассе. Работал проводником на поездах дальнего следования, официантом, строителем, журналистом. Закончил истфак КузГПА. В КЛФ «Контакт» пришёл в сентябре 2006 года. Его рассказы можно найти на сайте «Проза.ру» под псевдонимом Ворог. Вышел сборник рассказов Ворога «Нитями Лиссы» (Новокузнецк, 2012). Рассказ «Лейтенант абсурда, или Сказка про Красную Шапочку» публикуется впервые..

ПОРОШИНА Александра Евгеньевна родилась 26 сентября 1988 года в г. Новокузнецке. Училась на факультете русского языка и литературы КузГПА. Работает. В КЛФ «Контакт» пришла в марте 2006 г. Первая публикация – рассказ «Дневник ученика Мерлина», публикуемый и в данном сборнике, – в журнале «Мир фантастики» № 1 за 2007 г. (на диске).

РЫЖКОВА Дарья Викторовна родилась 6 января 1988 года в г. Осинники. Закончила гуманитарный факультет НФ КемГУ в 2012 г. В КЛФ «Контакт» пришла в 2002 году. Первая публикация – рассказ «Напрасная

жертва» (другое название «К дракону!») – в журнале «Запасный выход» (Новокузнецк) в сентябре 2009 г.

СКУДАРНОВ Игорь Федорович родился в 1958 г. в г. Новокузнецке. Закончил Новосибирский госуниверситет по специальности «химия». Имеет научные публикации в области теоретической вирусологии, математического моделирования химических реакторов. С 1983 г. работает в органах внутренних дел г. Новокузнецка. В КЛФ «Контакт» пришёл в 1987 г. Первая публикация – рассказ «Опыт биотрансформации», публикуемый и в данном сборнике, – в газете «Сельская правда» 14 мая 1988 г.

ТАРАКАНОВ Сергей Борисович родился 3 апреля 1952 г. в г. Свердловске. Закончил исторический факультет Томского университета в 1975 г. В Новокузнецк приехал в 1977 г. Преподаватель истории в Кузбасской государственной педагогической академии. В КЛФ «Контакт» пришёл в ноябре 1987 г. Первая публикация – рассказ «О бедном драконе замолвите слово...», публикуемый и в данном сборнике, – в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г. Рассказ «Космический колобок» написан специально для этого сборника.

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ "Контакт" с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой», публикуемая и в этом сборнике, – в книге «Люди в квадрате: Проза «Контакта» (Новокузнецк, 2004).

Издательство «Ник без Compani»

Тираж 50 экз.

Оглавление

Анатолий ВЕРЕЩАГИН ГОРОХОВЦЫ	3
Игорь СКУДАРНОВ ОПЫТ БИОТРАНСФОРМАЦИИ	5
Константин ЕГОРОВ ЕМЕЛЬЯН – КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН	7
Сергей ЗАГНУХИН ТРИ ЖЕЛАНЬИЩА	10
Евгений ГРИГОРЬЕВ ТРИ ПОРОСЁНКА-2	13
Ольга ДУДАРЕНКО ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОЧКИ	15
Константин ЕГОРОВ КАЩЕЙ И ЯБЛОНЯ	21
Виктор БУЛАНОВ ЗМЕЙ ПЕТРОВ	22
Сергей ТАРАКАНОВ О БЕДНОМ ДРАКОНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО	23
Дарья РЫЖКОВА К ДРАКОНУ!	26
Евгений ГРЕП Сергей СИМКИН МНЕ БЫ ТАК, или СКАЗКА ПРО ПРИНЦЕССУ И ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА	28
Анна ЧЕРНЫШЕВА БОСИКОМ ЗА ВАСИЛИСОЙ	29
Сергей ЗАГНУХИН СЕРАЯ НАПАСТЬ	41
Александра ПОРОШИНА ЗАПИСКИ УЧЕНИКА МЕРЛИНА	43
Евгений ГРЕП "ВОРОНЕ КАК-ТО БОГ ПОСЛАЛ КУСОЧЕК СЫРА..."	48
Евгений ГРЕП ГОРШОК С МЁДОМ	50
Анатолий ВЕРЕЩАГИН ПИГМАЛИОН И ГАЛАТЕЯ	51
Сергей ЗАГНУХИН ПИГ, МА, ЛИОН и ПРЕКРАСНАЯ ГАЛАТЕЯ	54
Сергей ПЛОТНИКОВ ЛЕЙТЕНАНТ АБСУРДА, или СКАЗКА ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ	56
Надежда КАЛАШНИКОВА ПРО КРАСНУЮ ШАПОЧКУ: как оно всё было на самом деле	61
Анатолий ВЕРЕЩАГИН ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ КОЛОБКА	78
Сергей ТАРАКАНОВ КОСМИЧЕСКИЙ КОЛОБОК	80
Сергей ЗАГНУХИН ОРУЖИЕ ПРЕТКНОВЕНИЯ	83